

ANNALES RUSSES

REVUE MENSUELLE

РУССКІЯ
: ЗАПИСКИ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

І Ю Л Ъ

1938

СО Д Е Р Ж А Н І Е

М. Алданов. — Пуншевая водка. (Сказка о всѣх пяти земныхъ счастьяхъ)	3
М. Осоргин. — Дѣтство	58
Бор. Зайцев. — Андрей Бѣлый. (Воспоминанія, встрѣчи)	78
И. Гребенщиков. — Стихотвореніе	95
С. Прегель. — Стихотвореніе	96
К. Франкфурт. — Стихотворенія	97
Вад. Андреев. — Повѣсть об отцѣ	99
Д. Кнут. — Альбом путешественника. — Открытіе Палестины	113
П. Милуков. — Роковые годы. — 4. Нью - Йорк — Бостон — Чикаго. — Пробѣл в книгѣ «Красное Воскресенье»	126
Ю. Делевскій. — Проблема рождаемости	137
Е. Юрьевскій. — О классовом и демографическом составѣ СССР	157
Х р о н и к а. — Г. Адамович: Литература в СССР. — Л. О.: Год войны на Дальнем Востокѣ. — Важнѣйшія событія за июнь.	176
Б и б л и о г р а ф і я. — В. В. Michael Roberts. The Modern Mind. — М. Вишняк: E.-L. Guernier. Le Destin des Continents. — П. Берлин: Bernard Lavergne. Essor et Décadence du capitalisme. — М. Бенедиктов: Marquess of Londonderry. Ourselves and Germany. — П. М.: В. Drabovitch. Les Intellectuels Français et le Bolchévisme. — П. М.: Десять лѣт жизни РООВА.	199

Книги, поступившія для отзыва.

В виду лѣтнихъ ваканцій, очередная книжка «Русск. Записокъ» появится, вмѣсто августа, в первыхъ числахъ сентября. Подписчикамъ срокъ подписки будетъ продленъ на мѣсяцъ.

ANNALES RUSSES

REVUE MENSUELLE

РУССКІЯ
ЗАПИСКИ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

под редакціей П. Н. МИЛЮКОВА

ІЮЛЬ

П А Р И Ж

1 9 3 8

« Русскія Записки », 51, rue de Turbigo, Paris.

ПУНШЕВАЯ ВОДКА

(СКАЗКА О ВСѢХ ПЯТИ ЗЕМНЫХ СЧАСТЬЯХ)

I.

В канцеляріи курьеру Михайлову было велѣно скакать в двѣ упряжки в день, а гдѣ можно, то и ночью. Подорожная была составлена так, что отказа в лошадях нигдѣ быть не могло. Михайлов, крупный, широкоплечій, лысый человекъ лѣтъ сорока, с умным, хитрым, выразительным лицом, выслушал эти слова молча с угрюмой усмѣшкой, ясно говорившей: “зачѣм всякій раз повторять один и тот же вздор?” Он ѣздил по Россіи лѣтъ пятнадцать и знал по опыту, что такіе приказы никакого значенія не имѣют: ѣхать будет как Бог даст, иногда в самом дѣлѣ днем и ночью, а иной раз придется просидѣть на станціи недѣлю. Прогонныя и кормовыя были выданы ему в размѣрѣ, повышенном против правила, так как дорога была очень тяжелая: в Пелым, тысячи три верст.

До отѣзда оставались сутки. Михайлов привык к своей бездомной жизни, но в Сибирь его еще никогда не отправляли. Эта поѣздка означала по меньшей мѣрѣ два мѣсяца скачки при лютой стужѣ, по странѣ дикой, ему неизвѣстной и опасной: долгіе дни и ночи безрадостнаго существованія, без развлеченій, без столичных кабаков, почти навѣрное без женщин. В канцеляріи понимали его чувства, считали их естественными и заранѣе знали, что он сегодня напьется: не может не напиться. Но знали также, что за пакетами Михайлов завтра явится в полной готовности, в точно указанное время: он считался одним из лучших

курьеров; его ум, исполнительность и честность очень цѣнили, поэтому и назначили его в такую поѣздку. Все же, из предосторожности, денег вперед на руки дали только три рубля: остальное при от'ѣздѣ. Михайлов поворчал, но не очень торговался: понимал, что и канцелярія права.

Отправился он вечером в кабачок на петергофской дорогѣ, в котором торговали его любимой пуншевой водкой. Там во вторую комнату допускались простые люди, и для них там была простая ѣда. В первой же, большой, комнатѣ постоянно бывали господа, кто проѣздом в Петергоф или в Ораніенбаум, кто так, цѣня кухню и развлеченія: в послѣднее время в кабачкѣ играли на гитарах, пѣли и плясали невиданные еще в Петербургѣ лаеш и *), которым при покойной государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ было строжайше запрещено показываться в Россію. Михайлову очень нравились их пѣніе и они сами, бездомные, как он, необыкновенные, ни на кого не похожіе люди. Водил с ними знакомство и у молодого лаеша Хапило выучился плясать, адски хлопая себя по сапогу, — у них и сапоги были необыкновенные: красные, зеленые, желтые. Старался и пѣть как они: одновременно голосом, улыбкой, выраженіем лица, плечами, подтаптываніем. Впрочем, лаеш хотали, глядя и слушая, как он пляшет и поет по ихнему; он сам чувствовал: то да не то.

У под'ѣзда перед кабачком стояли великолѣпныя сани, запряженныя цугом четверкой вороных лошадей с красными бантами, с красной сафьянной сбруей, с золоченым набором. Михайлов прошел со двора, через кухню, во вторую комнату. Там закусывали люди, очевидно, из этой кареты: бритый, пудренный, с косою, кучер в бархатном кафтанѣ, гайдук, одѣтый гусаром, бѣгун, в бархатной шапочкѣ с кистями и, как лошади, с бантом на головѣ. Их господам все носили в залу дорогія блюда: похлебку из рябцев, крон-

*) Цыгане.

штадтских ершей с пуре, сладкое ягнячье мясо, а также бутылки замороженного шипучаго французскаго вина.

Михайлов сквозь пріотворенную дверь заглянул сочувственно в господскую комнату. За уставленным бутылками столом ужинали молодые офицеры, всѣ, как на подбор, огромнаго роста и красавцы. Они были похожи друг на друга, как братья, но и среди них выдѣлялся один: совершенный великан, необыкновенно грознаго вида, с лицом настолько страшным, что людям невольно хотѣлось поскорѣе отойти от него подальше. Он пил бокал за бокалом, видимо, нисколько не пьянѣя. Против него саженыя в трех, у стѣны, скрестив руки, болѣе темныя, чѣм лицо, неподвижно, как столб, стоял старыи большой лаеш в бѣлой рубахѣ с золотым позументом, в зеленых сапогах, без гитары, ничего не дѣлавшій, даже как будто ни на что не смотрѣвшій, и все же совершенно необходимый другим; два лаеша вполголоса пѣли, глядя не на публику, а друг на друга, точно сообщая один другому о чем-то, — и вдруг в их напѣвный разговор врывалась красивая горбоносая лаешка, и все переходило в общій дикій хор. Хапило, не прекращая ни на секунду игры, ловко перебрасывал и ловил свою отдѣланную накладкой гитару. Великан за столом, без слѣдов улыбки, хлопал в такт огромными страшными руками, не спуская неподвижных глаз с молодой лаешки.

Закусывая, Михайлов разговорился с людьми. Узнал, что офицеры в самом дѣлѣ братья; фамилія у них была обыкновенная, не княжеская, неизвѣстная. Бѣгун вполголоса добавил, что господа пускают пыль в глаза: имѣнья мало, а денег, бывает, и совсѣм нѣтъ.

Лаеши пѣли до поздней ночи, и до поздней ночи в господскую залу носили вино. Михайлов вначалѣ пил пуншевую водку. Она стоила дорого, и ею он новых знакомых не угощал. Хотѣл было купить в дорогу хоть одну бутылку, — знал, что этой водки нигдѣ, кромѣ столиц, не найти, — но раздумал: что-ж одну бутылку брать с собой? Все равно

до первой станціи. С полуночи он стал пить дешевый в з в а р е ц из вина, пива и меду с кореньями, потчевал им других и часам к двум уже был почти пьян: под доносившееся из залы дикое пѣніе, хлопанье, топот, обнимался с бѣгуном, плакал и говорил, что уѣзжает надолго, а, может, и совсѣм не вернется: посылают очень далеко, к ссыльному. На вопрос же бѣгуна, какой-такой ссыльный и гдѣ живет, Михайлов отвѣчал загадочно, отчасти, чтобы придать себѣ интереса, отчасти из любви к присказкам и к образной рѣчи: “На морѣ на Окіяні, на островѣ на Буянѣ, как бык печеной, ѣст чеснок толченой”... В дѣйствительности, он и сам не знал толком, что за ссыльный живет в Пелымѣ. Содержаніе пакетов всегда держалось в секретѣ, но почти всегда, из канцелярских разговоров, курьерам было смутно извѣстно, с чѣм их посылают. На этот раз Михайлов знал только, что пакеты пріятные: царская милость.

Часа в четыре ночи пѣніе и пляска кончились. Братья офицеры поднялись, расплатились щедро, — это было видно по лицам вернувшихся лакеев, — и уѣхали; бѣгуна послали куда-то пѣшком, о чем-то между собой пошептавшись: скороходы при господах замѣняли почту. И у всѣх в обѣих комнатах была мысль, что вѣрно бѣгун послан за женщинами. Горбоносая лаешка приняла вид достойный и оскорбленный.

Послѣ отъезда офицеров в кабачкѣ стало скучно. Необыкновенные люди убирали гитары, дѣловито разговаривая на непонятном языкѣ, считали деньги, стараясь, чтобы никто не видѣл сколько, и как будто из за денег переругивались, впрочем без злобы: вдруг стали обыкновенными. Это разстроило Михайлова. Его три рубля были на исходѣ; он о них не жалѣл: деньги вообще берег, но, когда проводил ночь хорошо, не огорчался, что много истратил. Вещей же своих он не продал и даже в долг не влѣз, хотя пользовался у кабатчика кредитом, с осени повышенным до сорока копѣек.

На разсвѣтѣ он был дома, проспал два часа, окатился

водой и без единой минуты опозданія, совершенно трезвый, ничего не забыв, ни валенок, ни мѣшка с провизіей, ни пистолета, явился в канцелярію. Получил пакеты в казенной шкатулкѣ, спрятал деньги в мѣшочек за пазуху, сказав: “Держи дѣвку в тѣснотѣ, а деньги в темнотѣ”, и съ тѣм же угрюмо - насмѣшливым видом выслушал тѣ же наставленія: скакать во всю мочь, нигдѣ не останавливаясь, в двѣ упряжки. Затѣм ему пожелали счастливаго возвращенія, а он мрачно отвѣтил: “Со счастьем на клад набредешь, без счастья гриба не найдешь”. Канцелярист еще намекнул, что от помилованных ссыльных бывает иногда немалая награда. На это Михайлов ничего не сказал: не очень вѣрил, да и не вспомнил присказки на такой случай.

II.

Чѣм дальше от Петербурга, тѣм больше вниманія оказывалось курьеру. О смерти государыни и о восшествіи на престол императора Петра III уже было извѣстно вездѣ. Но пріѣзжих из столицы в далеких городах еще было очень мало. О новом государѣ почти никто ничего не знал. Знали только, что он приходился племянником императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и внуком Петру Великому. Но о семьѣ его отца, нѣмецкаго принца, о родствѣ новой государыни было в глуши немного свѣдѣній, а о событіях, о духѣ, о прочности новаго царствованія еще того меньше. Поговаривали втихомолку, что может вернуться на престол потомство царя Ивана Алексѣевича.

Обо всем этом Михайлов не знал рѣшительно ничего. Но свое ремесло он знал отлично и на станціях придавал себѣ таинственный вид. На вопросы отвѣчал: “тайна грудью крыта, а грудь подоплекой”, или что-нибудь в таком родѣ. Если же раззадоренные любопытством люди давали на водку, описывал наружность царя и царицы, хотѣ ни разу их не видал. Спрашивавшим о новых порядках и о слухах не отвѣчал ничего, так как опасался тайных подсылъ

щиков, но к вопросам прислушивался внимательно и становился по мѣрѣ удаленія от Петербурга все освѣдомленнѣе о столичныхъ событіяхъ.

Он благополучно проѣхал черезъ Засурскій лѣсъ, пользовавшійся худой славой. Знал, что разбойниковъ в Россіи много меньше, чѣмъ разсказовъ о разбойникахъ, однако пистолетъ держалъ наготовѣ. Ѣхалъ за совѣсть, дѣлая иногда по полтора и по двѣсти верстъ в сутки. Отдохнулъ немного на Суксунскихъ демидовскихъ заводахъ, гдѣ всѣхъ проѣзжихъ, и дворянъ, и купцовъ, и простыхъ, содержали бесплатно сколько угодно времени. За Кунгуромъ начиналъ подниматься Уральскій хребетъ. Курьера стало приглашать и начальство: приказывало накормить какъ слѣдуетъ, давало начай, гдѣ пятакъ, гдѣ гривенникъ, и спрашивало, какъ и что в Петербургѣ. Онъ отвѣчалъ отрывисто, таинственно и держалъ себя какъ власть съ властью. О пакетахъ, которые онъ везъ, его не спрашивали: это не полагалось, да и никого особенно не интересовали пакеты, адресованные другому начальству.

Дни становились все холоднѣе, мѣста все пустыннѣе, на тракѣ случалось проѣзжать верстъ восемьдесятъ, не видя станціи. Михайловъ ночевалъ в сторожкахъ, или сѣзжая съ тракта, в крестьянскихъ избахъ. Тамъ от денегъ за ѣду и ночлегъ почти всегда отказывались. Это было пріятно, но разговаривать съ мужиками ему было неинтересно по ихъ невѣжеству и безразличію къ столичной жизни. Впрочемъ, говорилъ и съ ними: сначала грубо и презрительно, потомъ смягчался от водки и общаго почтенія и разсказывалъ, что посланъ къ одному ссыльному, который на морѣ на Окіянѣ на островѣ на Буянѣ, какъ быкъ печеной ѣст чеснокъ толченой. Но на темныхъ мужиковъ красная рѣчь не производила должнаго впечатлѣнія.

За Яикомъ дорога стала еще тяжелѣе из-за свирѣпыхъ холодовъ, скуки и безлюдья. Нелегко было доставать и продовольствіе. Водка была вездѣ, — не пуншевая, конечно, а простая, — но все дорожала съ приближеніемъ къ Сибирской губерніи. Появилась растительность, неизвѣстная курье-

ру ни по виду, ни по названію: крушина, боярка, черный тополь, сибирскій кедр. Показались глубокія пропасти, грозные, в полдень темные, лѣса, называвшіеся здѣсь “кондовыми”, никаких форштмейстеров никогда не видѣвшіе. Изрѣдка с адским топотом и ржаньем, вызывавшим невольный ужас, проходили по тракту перегоняемые косяки и безчисленных коней. Появились инородцы, по всей видимости некрещеные, а среди русских — люди со звѣрскими клейменными лицами и рваными ноздрями. Край был страшный.

Михайлову велѣно было сообщить об указѣ первым же властям туринскаго округа. В небольшом городѣ на трактѣ он явился по начальству и вручил свой пакет. Узнав, в чем дѣло, полицейскій капитан измѣнился в лицѣ. Прочел бумагу, перечел ее, вытаращенными глазами посмотрѣл на почтительно вытянушагося курьера, затѣм подошел к двери.

— Миниху вышло помилованіе! — сказал он с таким видом, точно ждал, что там вскрикнут и всплеснут руками. Отклика он однако не нашел.

— Миниху? Ну, и слава Богу, — отвѣтил за дверью равнодушный старческій голос. Капитан пожал плечами, вернулся к курьеру и стал было его спрашивать. Но, как опытный человѣкъ, скоро понял, что курьер ровно ничего не знает. Услышав, что есть к ссыльному и личное письмо, которое приказано отдать в собственныя руки, — подумал, походил по комнатѣ, сѣл за стол и очинил перо.

— Пакет отдашь самому генералу. Я тебѣ и от себя дам записку. От генерала проѣдешь в Пелым, к его высокопревосходительству. Ну, а здѣсь отдохни до завтрашняго утра. На кухнѣ тебѣ дадут пообѣдать. И вот тебѣ, братец, от меня двугривенный.

Михайлов не сразу догадался, что его высокопревосходительство это ссыльный, к которому он ѣдет. Имя Миниха ему было неизвѣстно, хоть в Петербургѣ, когда его произ-

несли в канцеляріи, оно показалось ему знакомым: как будто слышал, когда был мальчишкой. Накормили его на кухню так, как он очень давно не ѣл. Из окна он видѣл, что куда-то понеслись верховые. Понял, что его хотят опередить; по этому и по другим признакам курьер сообразил, что для здѣшних властей привезенный им указ имѣет очень большое значеніе. Ему показалось также, что онѣ не очень им довольны.

Это впечатлѣніе еще укрѣпилось в слѣдующем, главном городѣ. Не успѣл он показать на заставѣ подорожную каргаульному офицеру, как получил приказ, несмотря на поздній, неприсутственный час, никуда не заѣзжая, ѣхать прямо на гору, к генеральскому дому.

Дом был большой, двухэтажный, с будками для часовых. В чистых уже полутемных сѣнях не было ни соринки. Михайлова тотчас ввели в генеральскій кабинет. Такого кабинета он никогда не видал у начальства и в Россіи. Глаза у него разбѣжались: диваны и кресла из черной кожи с мѣдными гвоздями, синяя печь на столбах, коричневая шпалера с зелеными человѣчьими лицами, на стѣнѣ полуголая женщина с огромной змѣей, впившейся в румяные груди — сразу в обѣ, — огромный стол, а за столом сам генерал, невысокаго роста старый человѣкъ, в наплечниках и при регаліях. Из сосѣдней комнаты доносилась музыка. Михайлов подал пакет и остановился, вытянувшись до предѣлов возможнаго.

Генерал читал бумагу очень долго, точно хотѣл заучить ее наизусть. Затѣм в раздумьи положил ее на стол и велѣл подать второй пакет. Михайлов не осмѣлился возразить, хотя ему было велѣно вручить письмо в собственные руки ссыльнаго. Повертѣвъ нерѣшительно пакет в руках, генерал, не вскрывая, вернул его курьеру и сказал:

— Так сейчас же в полную прыть скакай в Пелым и скажи его сіятельству, что я сам в Пелым тотчас приѣзжать буду, и что все по желанію графа дѣлано будет. И вот тебѣ один полтинник...

Он с недовольным видом оглянулся на дверь. Вошла пожилая очень толстая дама со свѣчой в серебряном подсвѣчникѣ. Она бросила недовольный взгляд на монету, которую отдавал курьеру генерал, от своей свѣчи зажгла свѣчи на столѣ, подставив под фитилек лодочкой ладонь, чтобы воск не капнул на черную кожу, и заговорила с генералом не по-русски.

— Das hat nur gefehlt ! — отпустив курьера, сказал женѣ генерал. Он не мог справиться с досадой. Ему, однако, тотчас стало совѣстно. — Разумѣется, за него я очень рад, но...

— Что же он может против нас имѣть? — безпокойно замѣтила генеральша, уточняя мысль мужа. Мысль эта приблизительно заключалась в том, что возвращеніе в милость ссыльнаго не может обѣщать ничего хорошаго тѣм, у кого он в теченіе многих лѣт находился в поднадзорной ссылкѣ. — Кажется, никакого зла он от нас не видѣл. И наша ли вина, если...

— Все-таки странная страна! — в сердцах прервал ее генерал. — Держат человѣка двадцать лѣт в ссылкѣ, и вдруг... Ему возвращено все: он снова граф, фельдмаршал и генерал - фельдцейгмейстер. Еще, быть может, станет опять первым министром!

— Но вѣдь ему, кажется, восемьдесят лѣт?

— Если не больше. И каких лѣт! Но он, говорят, свѣж, как молодой человѣк!

Музыка в сосѣдней комнатѣ прекратилась, в комнату вошла молоденькая, очень хорошенькая блондинка.

— Папа, кто это молодой человѣк? — по-русски спросила она и, узнав, что рѣчь идет о Минихѣ, засмѣялась. Послушала разговор родителей, который интересовал ее очень мало. “Кончат ли? Сейчас кончают”, — подумала она, — “папа в плохом настроеніи: не позволит”...

— Я сейчас же послѣ обѣда выѣду в Пелым, — продолжал по-нѣмецки генерал. — Пусть мнѣ приготовят все, что нужно.

— Господи! В такой мороз, в Пелым!

— Что же дѣлать! Все это очень серьезно... Я говорил, что нужно было послать ему шубу. Все-таки это был бы знак вниманія. Если он пожелает мстить, мы еще сами окажемся...

Он взглянул на дочь и замолчал.

— Папа, гдѣ мы окажемся? — по-русски спросила барышня.

— Там, гдѣ Макар гонял своих теленков, — сказал, улыбаясь, генерал, переходя на русскій язык. Барышня весело засмѣялась.

— Ах, как это будет интересно! Папа, а за что был сослан Миних? Вы мнѣ рассказывали, но я забыла, извините.

Генерал обстоятельно объяснил, что граф фон Мюних, родом не то нѣмец, не то датчанин, состоял сначала на французской, потом на гессен - дармштадской, на английской, на голландской, на саксонской службѣ, затѣм сдѣлал блестящій карьер в Россіи при Петрѣ Великом, при Екатеринѣ, при Аннѣ Иоанновнѣ; он был очень талантливым полководцем, одержал много побѣд и в сущности создал русскую армію, — Петр Великій, а потом он. Затѣм он произвел переворот, арестовал своего врага Бирона, сослал его в Пелым, стал первым министром и полновластным правителем Россіи. Позднѣе он ушел в отставку, а когда императрица Елисавета арестовала Анну Леопольдовну, Мюних был приговорен к четвертованію. Императрица замѣнила ему смертную казнь пожизненной ссылкой в тот самый Пелым, куда он сослал Бирона: он и поселился в Пелымѣ, в домѣ, который им же был отведен Бирону. Говорят, что при его отправкѣ в ссылку и при возвращеніи Бирона в Россію они встрѣтились на какой-то станціи и раскланялись.

— В общем и цѣлом это один авантюрист, — закончил свой рассказ генерал. — Ein Abenteuerer! Но очень умный и образованный человек к тому. Так он есть.

— Как жаль, что ему восемьдесят лѣтъ! Я вышла бы за

него замуж, — сказала Валя. Она подумала, что было бы хорошо, если-б Володя продѣлал такой же карьер; представила себѣ, как их обоих сослали в Пелым, и замерла от счастья: всегда с ним неразлучно, он и она!... Вот только четвертованія не надо, хотя бы и с помилованіем в послѣднюю минуту. — Он женат, папа?

— Женат с баронессой Мальцан, которая жена обер-гофмаршала Салтыкова была. Но она сама и в себѣ есть никакая интересная женщина.

Генерал снова озабоченно заговорил с женой по-нѣмецки о приготовленіях к своей поѣздкѣ в Пелым. “Ежели папа уѣзжает послѣ обѣда, то надо отложить”, — подумала Валя, — “папа денег даст, но не позволит, мама позволит, но не даст денег. Все-таки это лучше”... Ей надо было получить разрѣшеніе родителей на участіе в любительском спектаклѣ и деньги на костюм. — “Ежели папа уѣдет в Пелым, то потом запретить будет невозможно”... Она внимательно смотрѣла на родителей, но не слушала их разговора. Думала, что мама, вѣрно, двадцать лѣтъ тому назад была похожа на Клеопатру, висѣвшую на стѣнѣ кабинета. “Право, уж лучше, когда папа говорит по-нѣмецки, перед чужими не совѣстно. Володя тогда, я видѣла, давился от смѣха”...

— ... Ах, я всегда говорил! Я два раза говорил в прошлом году, что нужно послать ему хотя бы мою старую бѣличью шубу! Но развѣ в этом домѣ слушают то, что я говорю!

— Ты забываешь, что эта старая шуба очень может пригодиться, через год я себѣ сдѣлаю из нея шлафрок. Кромѣ того, удобно ли дѣлать подарки, если человек — ссыльный! Это ты тоже забыл!

— Ссыльный, ссыльный! Вот и ссыльный! *Sonderbares Land, verrücktes Land!* — сердито сказал генерал.

Но, взглянув на жену, он смягчился: очень любил свою генеральшу, не вѣрил ходившим о ней когда-то сплетням и считал ее неогцѣненной женщиной.

— Я тебѣ сдѣлаю новый шлафрок, не из старой шубы,

— сказал он. — И у самого лучшаго портного! Но пусть сейчас же все приготовят к моему от'ѣзду.

Он подошел к женѣ и поцѣловал ее в лоб. Валя с удивленной улыбкой на них смотрѣла. Ей было и странно, и смѣшно, что родители цѣлуются, — выходило так, словно они насмѣхались над ней и над Володей.

III.

Валя вернулась в свою комнату, все обдумывая план. “Как только папа уѣдет, обратиться к мамѣ, сказать, что трагедія не какая-нибудь гадкая, французская, что сочинитель состоит в Санкт-Петербургѣ при императорской Академіи Наук (так было написано на обложкѣ трагедіи), что его сочиненія ставили при покойной государынѣ на театрѣ в шляхетском корпусѣ. Мама согласится. Тогда потребовать денег три рубли, меньше нельзя: атласу зеленого шесть аршин и алой камлотовой платок... Не даст!” — со вздохом подумала Валя, — “скажет, что можно без костюма, или велит перешить бабушкин роброн!.. Это чтобы Маруська хохотала! Ну, хорошо, тогда согласиться: главное, чтобы позволили. А потом, когда папа вернется из Пелыма, попросить денег у него. Ежели этот злющій старик там не очень раскричится, папа пріѣдет веселый, немного поворчит и даст деньги”... Она представила себѣ рѣчь отца: “сіе есть не ошень прилишно, штоп молоденькая дѣвица”... и засмѣялась.

В ней ничего нѣмецкаго не было. В городѣ злые языки говорили, что ея отцом был русскій офицер, извѣстный повѣса, с которым нынѣшня генеральша когда-то в Петербургѣ часто ѣздила на К р е ш т о ф с к і й. Слухи эти доходили и до Вали; они были и непріятны ей, и порою не совсѣм непріятны. Она себя считала русской и сибирячкой. Ей было и смѣшно, и немного стыдно, что ея родители — нѣмцы, плохо владѣющіе русским языком.

На любительском театрѣ ставилась трагедія Михайлы

Ломоносова: “Тамира и Селим”. Роль Селима, царевича багдатскаго, была сразу, почти без споров, отведена Володѣ Кривцову. Он был студент недавно основаннаго в Москвѣ университета, носил студенческій мундир, не столь красивый, сколь рѣдкій, впрочем, пожалуй, даже красивый. И сам он был очень красив; в него были влюблены всѣ барышни города, в их числѣ, и больше всѣх, Валя. Ни один из мѣстных захудалых офицеров с ним и в сравненіе не мог идти. Володя это знал и что-то не очень спѣшил в Москву учиться, затянув до зимы свой вакаціонный отпуск. За роль Тамиры, царевны крымской, дочери Муметовой и возлюбленной Селимовой, шла жестокая борьба между Валею и Марусей Полуяровой, дочерью бывшаго рентмейстера. Валя одержала верх и по положенію, как дочь генерала, и по наружности, хотя Маруся указывала на то, что блондинка не должна играть крымскую царевну, которая навѣрное была претемная брюнетка. Этот довод был отвергнут всѣми участниками спектакля, и Марусѣ с зубовным скрежетом пришлось довольствоваться ролью Клеоны, мамки Тамириной.

С родителями были нелады и у Маруси, и репетиціи пока шли в тайнѣ. К ним всѣ актеры дома в одиночку разучивали свои роли. Валя стала перед большим венеційским трюмо, и принялась читать, — по тоненькой, хорошо изданной на комментарной заморской бумагѣ книжкѣ. Читала она и за Селима: это ей доставляло еще больше удовольствія, чѣм ея собственная роль; однако учить наизусть всю селимову роль было незначѣм. Селим с жаром, голосом Володи, говорил:

... Пріятностей твоих вездѣ мнѣ блеск сіяет;
Тобой исполнен я и в явѣ, и во снѣ.
Недвижимый мой дух и крѣпость оставляет,
Я больше уж себя не нахожу во мнѣ.
На горькое смотря, дражайшая, мученье,
Повѣрь, что мой живот в любезной сей рукѣ!

В этих послѣдних стихах Володя и громовым голо- сом, и сильными жестами, и отчаянным выраженіем лица вызывал дружныя рукоплесканія почти у всѣх участников спектакля. Шипѣл только его давній недоброжелатель, поручик Шепелев, игравшій роль гордаго Мамаю, царя Та- тарскаго. Да еще исподтишка шипѣла, впрочем, востор- гаясь, Клеона, мамка Тамирина: слова Селима относились к Тамирѣ. Ясно было, что наибольшій успѣх достанется Володѣ. Он, если не врал, был знаком и с сочинителем тра- гедіи, котораго видѣл в Москвѣ в их университетѣ. Воло- дя вообще знал много извѣстных людей, и сам был чело- вѣкъ вполне столичный... Валя сдѣлала паузу и прочла страдальческим шопотом, с швермереей, свой от- вѣтъ:

Какое дать могу тебѣ я облегченье,
В лютѣйшей будучи погружена тоскѣ?

Она взглянула на себя в зеркало. Швермерею ей уда- валась, но ея румяное личико с трудом выражало лютѣй- шую тоску. Если б не этот глупый румянец, если б лицо было м а т о в о - б л ѣ д н о е, роль Тамиры вышла бы ина- че, — да и многое другое в жизни! Валя, замирая, подума- ла, что дерзкій Володька грозил в той сценѣ, гдѣ Тамира пытается заколоться кинжалом, поцѣловать ее “прямо в губки, не взирая ни на какой скандал”. В губы они еще ни- когда не цѣловались... “Ежели мама денег не даст, что ж дѣлать, обойдусь без алаго платка. Своих есть семьдесят копѣек, рубль даст няня, на камлот хватит, а роброна, хоть убей, не возьму!.. И сердце Володѣ отдать раз на всю жизнь, чтобы любить друг друга пребезмѣрно”... Алый пла- ток мог быть все же очень для этого полезен. Она погрузи- лась в расчеты.

ІУ.

В генеральском домѣ Михайлова не накормили и не предложили ему переночевать. Напротив, велѣно было выѣхать в Пелым через два часа, — общали за него стговориться с ямщиком-вогулом. Михайлов погулял по городу, презрительно поглядывая на дома, лавки, женскіе наряды. Не рассчитывая получить на генеральской кухнѣ провизіи в дорогу, он купил калачей, жареной дичи, пирогов, чего-то еще, а на водку истратил весь данный ему генералом полтинник и не мало доложил из кормовых. О пуншевой здѣсь мечтать не приходилось, но и обыкновенная кизлярская стоила дорого. Зато дичь была дешева.

Его предупредили, что путешествовать в Пелым придется на собаках, но он все не мог этому повѣрить. Однако, у крыльца служб генеральскаго дома уже стояли деревянные, с березовыми полозьями, сани, запряженные десятью похожими на волков собаками, привязанными попарно к ремню далеко впереди саней. Низкорослый, узкоглазый человек с бородкой, с выдающимися скулами, в оленьей шкурѣ, с большим колом в рукѣ, низко в пояс поклонился курьеру. Поклон доставил Михайлову удовольствіе, но вид ямщика довѣрія ему не внушил: ежели заснешь, может зарѣзать очень просто. Пошептался с провожавшим его сторожем, тот расхохотался и сказал, что честнѣе и добрѣе вогула на свѣтѣ не сыщешь человека: не то, что не убьет, а мухи не обидит.

Ямщик, говорившій на ломаном русском языкѣ, усадил Михайлова в сани и сложил туда его пожитки. В саних лежало и добро ямщика: пицаль, один мѣшок с сырой рыбой, другой с морожеными пельменями, постукивавшими в мѣшкѣ, как погремушки. Затѣм он ловко отрѣзал от шкуры небольшой кусок, вырвал по шерстинкѣ у каждой собаки и прикрѣпил все к дереву. Сторож объяснил, что вогул так поручает себя своему богу, Воршуду.

Курьер смотрѣл на ямщика с испугом. Сосѣдство с не-

крещеным человѣком было непріятно Михайлову, но, к его удивленію, ямщик с ним не сѣл. Никаких возжей на собаках не было. Вогул стал одной ногой на полоз, оттолкнулся от земли колом и прикрикнул на собак. Сани тронулись, выѣхали за заставу и понеслись. Михайлов не сразу понял, что вогул так всю дорогу и простоит на полозѣ. Он то отталкивался колом от земли, то им же тормозил сани, то бросал им в лѣнливую собаку, ловко нагибался и ловил на землѣ кол. Время от времени он необыкновенно похоже рычал по-звѣриному (Михайлов всякій раз вздрагивал и с ужасом оглядывался) или выкрикивал непонятныя слова, — собачій вой послѣ этого становился совершенно изступленным: ямщик обманывал собак, пугая их близостью звѣря или обѣщая им впереди отдых и ѣду. Михайлову казалось, что он несется на взбѣсившихся животных, которыми правит сошедшій с ума звѣроподобный человѣк.

Послѣ пятидесятиверстнаго пробѣга, они остановились у п о в а р н и. Вогул соскочил с полоза, опять поклонился в пояс и помог выйти окоченѣвшему, несмотря на ситцевое бѣлье, кожаную куртку, шубу и валенки, одурѣвшему от крика, лая, визга Михайлову. Юрта была наполовину завалена дровами. Вогул вытащил из саней мѣшки, развел огонь тоже как-то не по человѣчески, растопил снѣг в котелкѣ и бросил в мутноватую воду большую горсть пельменей. Затѣм вышел к отчаянно лаявшим собакам, накормил их сырой, мороженой рыбой и вернулся в юрту, из трубы которой уже валил бѣлый дым с искрами.

Михайлов предложил вогулу своей ѣды и водки. От калачей ямщик отказался, а стакан водки выпил залпом. “Ничего пьет”, — подумал сочувственно курьер. Его вниманіе заняла вынутая из мѣшка с пельменями фляжка. “Если простая, то зачѣм вытащил, когда угощают!”... На мгновенье у него шевельнулась дикая мысль: что, если во фляжкѣ пуншевая? Вогул налил в жестяной стакан стран-

но-знакомо пахнувшей жидкости и угостил курьера. Михайлов осторожно попробовал и сплюнул с отвращением: это был скипидар.

Они поѣли супа, мороженой дичи, поговорили. Отвѣчая на вопросы Михайлова, ямщик сказал, что он собственно и не вогул, что отцы его пришли сюда из другой земли, а из какой, не мог об'яснить; поселились они сначала у вотяков, потом у вогулов, — у них не принято долго жить на одной землѣ, это приносит несчастье, мрет скотина. Михайлов выразил недоумѣніе, зачѣм ямщик пьет дрянь, когда есть водка. “Чѣм скипидар, уж лучше пить воду”, — сказал он с отвращением. Выяснилось, что воды ямщик никогда не пьет, так как в водѣ живет очень важный бог, — он назвал имя этого бога. — “Ну, а мыться как? В баню ежели сходить?” — насмѣшливо спросил Михайлов и узнал, что ямщик никогда не моется: большой грѣх пачкать воду. “То-то от него такой дух”, — подумал курьер и с любопытством продолжал спрашивать. Но услышав, что умершая сестра ямщика превратилась на том свѣтѣ в лихорадку, так как в этой жизни была старой дѣвой, прекратил расспросы. “Совсѣм дурак!” — подумал он.

Юрта быстро обогрѣлась. Ямщик, не выносившій тепла, вышел к собакам и заговорил с ним; повидимому, они хорошо понимали друг друга. Когда собаки отдохнули, дикій бѣг возобновился.

В послѣдней юртѣ перед Пелымом Михайлов допил остаток водки, хоть перед от'ѣздом казалось, что ее должно хватить на мѣсяц пути. Послѣ этого он задремал в саях. Когда ямщик его разбудил, сани стояли перед острокольным бревенчатым забором. У ворот была караульня. Из нея вышел дежурный. Ямщик поклонился ему в пояс и помог выйти из саней курьеру, у котораго одеревенѣли ноги.

Через нѣсколько минут Михайлов отошел. В караульном домикѣ было тепло. На столѣ кипѣл самовар. Дежур-

ный освѣдомился о подорожной, но не потребовал ее сразу. Узнав, что курьер привез из Петербурга пакет, разговорился и предложил выпить чаю. Порядки в этой крѣпости, видимо не опасавшейся нападенія ниоткуда, были нестрогіе. Михайлов отвѣчал на вопросы дежурнаго без таинственности и важности. С наслажденіем чувствовал, что ничего не отморозил, что впереди долгій отдых, тепло, настоящій обѣд. Все же от отвѣта на вопрос, с чѣм пріѣхал, уклонился, понимая, что такое извѣстіе надо сообщить первым. Разспрашивая о крѣпости, о комендантѣ, о порядках, вскользь освѣдомился, гдѣ же тут помѣщается ссыльный Миних. Дежурный отвѣчал без интереса: Миних был достопримѣчательностью Пелыма, но был ею уже двадцать лѣтъ, и здѣсь всѣ к нему давным-давно привыкли.

— Что ж, он теперь дома?

— Сейчас вѣрно дѣтей учит. Он у нашего купца в учителях. А может, уже и вернулся. Тебѣ зачѣм?

— Дѣло есть, — небрежно отвѣтил курьер, преодолевая желаніе огоршить дежурнаго своим извѣстіем. Дежурный посмотрѣл на него с удивленіем.

— С дѣлом к нему не полагается, — сказал он, настожившись.

Курьер улыбнулся, допил чай, встал с лавки, поблагодарил за гостепрѣимство и вышел к вогулу, который бесѣдовал с собаками: не счел нужным зайти в караульню погрѣться. Сани тронулись. “Городишка, как будто, дрянной, не лучше большого села”, — подумал Михайлов. Показались худые дворы, дома с заваленными снѣгом берестовыми крышами. Пелымскія собаки отвѣтили бѣшенным лаем на вой собак ямщика. Стали выбѣгать ребята. “Сенацкій кулъер!” — прокричал чей-то испуганный голос. Мальчишки бѣжали за санями. Курьер спросил у них, гдѣ тут живет ссыльный Миних. — “Да вот гдѣ”, — указали они. Михайлов удивился: уж очень небогат был этот дом

для человѣка, котораго именовали его высокопревосходительством, графом и господином фельдмаршалом.

Курьер велѣл вогулу остановиться, не доѣзжая дома, вышел из саней, поднялся на грубо сколоченное бревенчатое крыльцо и постучал в дверь. Отворила женщина, как будто не совѣм барыня, но как будто и не баба. “Кухарка-сударка”, — рѣшил Михайлов и неувѣренно поклонился не как барынѣ, но и не как бабѣ. С недоумѣніем на него глядя, она его впустила в небольшія сѣни с некрашеным деревянным полом. Образов не было. Михайлов вынул пакет и громко, отчетливо произнес заранѣе, еще в дорогѣ, приготовленную фразу:

— Его сіятельству, графу Миниху!

В сѣнях появился осанистый красивый человѣкъ с пудреной головой, высокаго роста, державшійся прямо, несмотря на свою глубокую старость. На нем был французскій кафтан малиноваго цвѣта, с камзолом. Михайлов тотчас понял, что это и есть фельдмаршал. Он молча поклонился в пояс и вручил пакет старику. Миних кивнул головой, сказал: “здравствуй, братец”, и неторопливо распечатал пакет. Руки у него немного дрожали. — “Ты, вѣрно, озяб?” — спросил он и прочитал бумагу. В сѣнях было не очень свѣтло. Всѣ молчали: и фельдмаршал, и курьер, и женщина, застывшая с выпученными глазами. Лицо Миниха было блѣдно. Он подвинулся поближе к окошку и снова прочел бумагу. Затѣм протянул ее женщинѣ, которая, видимо, не могла выговорить ни слова.

— Так, так, — сказал он самым обыкновенным тоном и обратился к курьеру. — Ну, спасибо, братец. Ты, вѣрно, озяб и проголодался? У нас сегодня уха. — Он вздохнул, засмѣялся, снова повторил: “так, так”, и направился в сосѣдную комнату. У двери на секунду было остановился и как-то неестественно взялся рукой за ручку, — точно тяжело оперся. Курьер хотѣл было к нему подбѣжать, но не успѣл. Миних отворил дверь и вышел.

V.

Через час стали приходять гости, видные пелымскіе люди, говорившіе волжским говорком: потомки угличан, переселенных в Пелым Борисом Годуновым в наказаніе за убійство царевича Димитрія. Почти всѣ, кланяясь и прося не побрезговать, подносили подарки: кто бѣличій мѣх, кто банку икры, кто боченок кедроваго масла. Явился, в мундирѣ, при кавалеріях, комендантъ крѣпости, но войти не рѣшился и лишь просил передать его сіятельству, что хотѣлъ засвидѣтельствовать нижайшее почтеніе, а обезпокоить не осмѣлился, думая, что его сіятельство, быть может, почивает.

Михайлову предлагали ночлег в крѣпости, но он предпочел остаться у фельдмаршала: при домѣ была большая баня, ему отвели предбанник. Немного тревожило его, что награды пока не дали никакой. Мѣстные люди, правда, ему сказали, чтобы он был покоен: сейчас и дать-то не из чего, их сіятельству комендантом выдается по рублю кормовых денег в день. — “А потом в обидѣ не останешься! Хочешь, за двадцать пять рублей откупаю у тебя награду?” — сказал купец, сыну котораго Миних давал уроки математики. Михайлов слушал внимательно и не то, чтобы не вѣрил, но предпочел бы получить хоть пятнадцать рублей наличными сейчас, — господа ненадежный народ: “пиши долг на двери, а получать будешь в Твери”.

Гости, видимо, вначалѣ не знали, как себя теперь держать и как их примут. Но принимали их хорошо, хоть фельдмаршал не показывался: только велѣлъ всѣх душевно благодарить. О нем шопотом говорили, что он заперся в своей комнатѣ и чувствует себя худо. “Как бы не помер”, — подумал Михайлов, успѣвшій и соснуть, и слегка закутить: он видѣлъ, что готовится большое угощеніе.

Дѣйствительно, под вечер в банѣ, в предбанникѣ и на кухнѣ начался пир. От хозяев дали лучшее, что было в домѣ: икру, бѣлужью тешку, рыбу из тумана на Тавдѣ,

щи с завитками. Купец притащил боченок кизлярской водки, множество бутылок разных вин: в городкѣ нашлось и цымлянское, и даже венгерское.

Погода все ухудшалась. Ямщик, котораго по долгу гостепрѣимства нехотя пригласили в баню, сказал, что будет метель. Он оставался в домѣ недолго: чувствовал себя лишним, да ему было и тяжело в натопленном помещеніи: устроился с собаками в берестовом шалашѣ, саженьх в двадцати от дома. Купец на радостях дал ему икры и бутылку вина. Вогул сходил в лавку, обмѣнял вино на скипидар, вернулся в шалаш, выбросил икру, доѣл пельмени, запил скипидаром и завалился спать: собирался завтра же с зарей выѣхать назад в город.

Пѣли “обнимай сосѣд сосѣда, подливай сосѣд сосѣду”... Пьяный, ошалѣвшій от восторга купец обнял Михайлова, подарил ему рубль и сказал довѣрительно, как другу, что теперь надѣется получить чин коллежскаго совѣтника. В это время дверь отворилась и в предбанник неожиданно вошел старый фельдмаршал. Всѣ вскочили. Купец хотѣлъ было поцѣловать ручку, но Миних не дал, только, смѣясь, потрепал купца по плечу. “Эх, осанка какая! А вчера учил дѣтей!” — подумал Михайлов. Граф Миних всѣх благодарил, выпил за общее здоровье рюмку вина и удалился. Послѣ его ухода довольным честью гостям стало еще веселѣе.

VI.

Нѣмец - генерал прибыл вечером, измученный поѣздой и весьма разстроенный: догадывался, что встрѣча и разговор будут непріятные. Он сначала заѣхал к коменданту, привел себя в порядок, затѣм отправился в дом Миниха. Его заставили прождать в сѣнях минут пять, хозяин к нему не вышел, прислал просить в кабинет. Но и в кабинетѣ никого не оказалось, и генерал ждал еще нѣсколько минут. Он нервно ходил по небольшой, бѣдно обставленной

комнатъ, разсѣянно глядя на бѣлыя некрашенныя книжныя полки. Здѣсь были труды на разныхъ языкахъ по военному и инженерному дѣлу, по математикѣ, по исторіи, груды вѣдомостей, исписанные листы, тетради.

Минихъ вошелъ очень мрачный, поздоровался сухо, еще суше принялъ поздравленія. На нѣмецкое привѣтствіе отвѣтилъ по-русски; генералъ смущенно перешелъ на русскій языкъ; сказалъ, что всегда въ мѣру возможнаго дѣлалъ все отъ него зависѣвшее, но приказъ для военнаго человѣка святъ, не такъ ли? На это фельдмаршалъ ничего не отвѣтилъ. Генералъ смущенно спросилъ, когда его сіятельству угодно будетъ отбыть въ столицу, и не слѣдовало ли бы, въ интересахъ здоровья его сіятельства, подождать установленія болѣе теплой погоды. Минихъ кратко сообщилъ, что уѣдетъ очень скоро, черезъ нѣсколько дней.

— Если бы ваше сіятельство на навигацію подождать хотѣли, то за ваше сіятельство одинъ трешкоутъ присылать можно было. Тогда моя жена и я счастливы были бы у насъ одному столь знаменитому мужу гостепріимство предлагать, и весь нашъ домъ предоставлять, — нерѣшительно сказалъ генералъ.

Минихъ опять ничего не отвѣтилъ: точно и не слышалъ сказаннаго. Генералъ помолчалъ. Ни чаю, ни вина ему не предлагали. Подавивъ обиду и раздраженіе, онъ вынулъ перевязанный зеленой ленточкой пакетъ.

— По русскому обычаю, — сказалъ онъ, — моя жена и я хотимъ вашему сіятельству скромный сувениръ подносить. И я такъ счастливъ былъ, что моей библіотекѣ сей давній артикуль оказался, который ваше сіятельство видѣть радовать будетъ. — Минихъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ. Онъ дернулъ ленточку и развернулъ старательно сложенный номеръ вѣдомостей; одно сообщеніе было красиво и необыкновенно ровно обведено краснымъ карандашомъ. — Указъ 11 ноября 1740 года, — значительнымъ тономъ сказалъ онъ и прочелъ съ внушительными интонаціями:

“Генералъ - фельдмаршалу графу фонъ - Миниху по вы-

шеписанным обстоятельствам и особливо в разсужденіи при нынѣшнем случаѣ нам, родителям нашим и всему государству оказанной ревности, при которой он, оставляя свое и своей фамиліи благополучіе и не щадя пота и крови, поступал, дабы он по то время, пока ему Бог живот и силу продолжит, в состояніи был нам ревностныя услуги оказать, всемилостивѣйше пожаловали чин перваго министра в наших консиліях, и как он нынѣ уже первый ранг в имперіи имѣет, то ему по генералиссимусѣ первым в имперіи быть, при чем и супругѣ его пред всѣми знатнѣйшими дамами, в том числѣ и тѣх принцев, кои невлаждѹющіе в нашей службѣ обрѣтаются, супругами, первенство имѣть”...

Генерал остановился, торжественно глядя на собесѣдника.

— Сіе будет меня весьма радовать, — сказал он, — ежели ваше сіятельство эта вещь в презент от меня и моей жены принимает?... Ежели она у вашего сіятельства не находится?

— Нѣтъ, не находится, — отвѣтил, смѣясь, Миних, — для того, что, как вѣдомо вашему превосходительству, я уѣзжал из Петербурга в кондиціях не совсѣм ординарных. Был приговорен к четвертованію — вѣрно, тоже за оказанную ревность — и помилован уже под эшафотом.

Генерал вздохнул, с подобающим случаю выраженіем на лицѣ.

— Ах, мой дорогой Бог! — сказал он, — фортуна есть так перемѣнчива. Но есть всѣм вѣдомо, что ваше сіятельство тоже тогда десперат не были *).

*) Князь Яков Шаховской, отправлявшій Миниха в ссылку, в своих «Записках» разсказывает: «В смятенных моих размышленіях пришел я к той казармѣ, гдѣ оный бывшій герой (Миних), а нынѣ неизлосчастнѣйшій находился, чая увидѣть его горестью и смятеніем пораженнаго. Как только в оную казарму двери передо мною отворены были, то он, стоя тогда у другой стѣны возлѣ окна ко входу спиною, в тот миг поворотясь в смѣлом видѣ с такими быстро растворенными глазами, с какими я его имѣл случай неоднократно в опасных с неприятелем сраженіях порохом окуриваемаго видѣть, шел ко мнѣ навстрѣчу и приближась, смѣло смотря на меня, ожидал, что я начну. Я, сколько

— Тогда обо мнѣ никто не вспомнил. Люди любят имѣть с фортуной общих пріятелей, — сказал весело фельдмаршал. В знак примиренія он положил руку на рукав генерала и перешел на нѣмецкій язык. Миних хорошо говорил по-русски, особенно послѣ двадцатилѣтняго пребывания в Пелымѣ; но выражаться на иностранных языках ему было легче. Думал же он смѣсю четырех или пяти языков: по-русски, по-датски, по-нѣмецки, по-французски.

Хозяин предложил гостю стакан вина. Гость, немного поколебавшись, отказался, несмотря на свою незлобивость: хотя добрыя отношенія возстановлены, все-таки слѣдовало отмѣтить несправедливость и непозволительность оказаннаго ему нелюбезнаго пріема. Он поднялся с мѣста. Миних его не удерживал, но до сѣней проводил. Генерал быстро прошел по комнатѣ и коридору, стараясь не замѣчать их убогой обстановки. Прощаясь, хозяин дома вскользь дал понять, что уѣзжает в Россію без злопамятства и что ни к о м у ничего опасаться не надо. Хотя генералу не хотѣлось выходить из быстро им усвоеннаго тона обиженной стороны, он, услышав это, просіял и крѣпко пожал руку Миниху, который просил его поблагодарить за подарок супругу.

— Я слышал, что у вас очаровательная дочь. Пожалуйста, поцѣлуйте ее от меня, — неожиданно сказал он, к нѣ-которому недоумѣнію генерала. — Ей семнадцать лѣтъ? Какая счастливица! Ах, если бы мнѣ было семнадцать лѣтъ! Но мнѣ больше!.. Я в семнадцать лѣтъ попал в Версаль и представлялся Людовику XIV... Так, пожалуйста, не забудьте поцѣловать от меня вашу дочь.

— Это был без сомнѣнія великій монарх, Людовик XIV, — сказал генерал.

возмог, не перемѣняя своего вида, так же как и прежним двум уже от-правленным, все подлежащее ему в пристойном видѣ объявил и доволь-но примѣтил, что он болѣе досаду, нежели печаль и страх на лицѣ сво-ем являл». — **Автор.**

УИ.

К ночи поднялся холодный вѣтер. Начинаясь низовая мятель. В кабинетѣ, служившем Миниху и спальней, с вечера затопили желѣзную печь. Он весь вечер разбирал бумаги, сжигая то, что не предполагал увозить в Петербург. Иногда пробѣгал нѣкоторые документы. Иные из них относились к дѣлам мрачным и кровавым. По бумагам скользили тѣни людей, ушедших давно, так давно, что страшно было и подумать. Петр умер почти сорок лѣтъ тому назад, Людовик XIV — почти пятьдесят. Давно сгнили в могилѣ Мальборо, принц Евгений, Август, Меншиков, Остерман, Шетарди. Но мысленная возня с мертвецами скоро его утомила. Бумаги ему надоѣли. Миних прилег на диван, не раздѣваясь, и задремал под свист поднимавшейся метели.

Когда он проснулся, была глубокая ночь. Забытая им сальная свѣча дыма догорала в подсвѣчникѣ. В кабинетѣ было жарко и душно. Он с усилением поднялся с дивана. Голова у него немного кружилась от угара. Приоткрыл окно, — рванул холодный вѣтер и задул свѣчу. В кабинет проник лунный свѣтъ. Миних надѣл шубу и вышел на крыльцо.

Пелым давно спал. Была совершенная тишина. Снѣг несло горизонтально, ниже крыльца. Луна холодно свѣтилась на бѣлых крышах. Ничего не было видно, кромѣ необозримых, нигдѣ, казалось, не кончающихся снѣгов. — “Пелым? Какой Пелым? Почему Пелым?” — спросил себя он, точно вчера поселился в этом городкѣ. Ему самому непонятно было, как случилось то, что он, сын нѣмецкаго инженера датской службы, послѣ долгих, шумных странствій по разным, почти одинаково близким, почти одинаково чужим землям, оказался на вершинах власти в Россіи, как очутился затѣм в Пелымѣ и провел здѣсь двадцать лѣтъ.

И все-таки этот дикій, затерявшійся в снѣгах городишка был теперь ему ближе, роднѣе, чѣм Данія, чѣм Версаль, даже чѣм Петербург, — давно сам не знал, гдѣ его настоящая родина, и кто он собственно такой: русскій? нѣмец?

датчанин? “Да, почему Пелым? До шестидесяти лѣтъ и не слыхал никогда о таком мѣстѣ, а в послѣдніе годы, еще вчера, был увѣрен, что здѣсь буду погребен”... Невольно взглянул в сторону занесеннаго снѣгом кладбища. “Ускользнул! Здѣсь лежать не буду!... Пусть же мертвые хоронят мертвых! Разумѣется, странно, что в восемьдесят лѣтъ начинается еще какая-то новая жизнь. Но главное—жизнь! Чтобы перемѣнить кладбище, не стоило выходить из могилы”...

Подумал о новом государѣ: что за человек? похож ли на т о г о Петра? будет ли продолжать его дѣло, и х дѣло? Размышляя в ссылкѣ о прошлом, Миних открыл причину своего величія и паденія: будучи пришельцем, старался, вслѣд за Петром, преобразовать чужую — все-таки чужую — страну, необозримую и страшную, как эти сибирскіе снѣга. По крайней мѣрѣ, так ему теперь казалось: честолюбіе, любовь к власти, непреклонный характер не могли объяснить в его судьбѣ всего. “Главное было т о”, — подумал он и с неудовольствіем замѣтил, что размышляет о себѣ в прошедшем времени. “Нѣтъ, я не буду грѣться у печки в Петербургѣ, не для этого возвращаюсь, и тѣм лучше, если это и м непріятно”...

Он и были враги, давно считавшіе его похороненным живо. С давно забытой радостью он представил себѣ их раздраженіе и страх. Но тут же подумал, что настоящіе враги его почти всѣ давно в могилѣ. Один Бирон гдѣ-то доживал в глуши свою кровавую жизнь. Вспомнил их послѣднюю театральную встрѣчу на станціи, холодный театральный поклон. “Неужели еще придется встрѣтиться и с Бироном? Как же с ним встрѣтиться?” О других не стоило думать: они были немногим лучше сегодняшняго осла с сувениром. “Без врагов скучно жить, надо будет завести себѣ новых”...

Он так давно ушел из жизни (хоть старался за всѣм слѣдить по вѣдомостям), что ему трудно было себѣ представить новое царствованіе, новых людей, новый Петер-

бург: пелымских купцов теперь знал неизмѣримо лучше, чѣм новаго государя или новую армію. Почти с бѣшенством он думал, что за эти украденныя у него, вычеркнутыя из его жизни двадцать лѣтъ мог бы, находясь у власти, перевернуть Россію! Думал, что все-таки еще не поздно, что на мѣстѣ быстро во всем разберется, что будет дальше, до конца, до послѣдней минуты, дѣлать свое дѣло. И еще о многом другом думал граф Миних, глядя в ту ночь с крыльца на спящій под снѣгом, забытый Богом Пелым... Метель уже неслась выше уровня крыльца. В шалашѣ вогул, почувствовавшій во снѣ наступленіе снѣжной бури, проснулся, вскочил, чтобы помолиться Воршуду о своей несчастной, превратившейся в лихорадку, сестрѣ, и спросонья, с ужасом, красными от скипидара глазами уставился на освѣщенную луной огромную фигуру, точно всплывавшую из снѣжнаго вихря.

УШ.

Над Петербургом стояла волшебная бѣлая ночь. В саду при особнякѣ на Мойкѣ пышно цвѣла сирень, еще доцвѣтала черемуха, и смѣшанный аромат их, ни с чѣм несравнимый по прелести, изнурял жильцов дома, вызывая головную боль и бессонницу. Профессор Ломоносов давно перешел из спальни в небольшую комнату рядом с кабинетом. Но и там спал очень плохо. Было жарко и душно, сладкій запах его преслѣдовал. Давала себя чувствовать и боль в ногах, оставшаяся от недавней тяжелой болѣзни, — не надѣялся было выздоровѣть. Он долго ворочался на диванѣ, вставал, подходил, морщась от боли, к окну, садился там с книгой, — читать можно было без свѣчи, единственное в мірѣ волшебство, — но не читал и, посидѣвъ, снова возвращался на диван. Эта ноющая, тупая, нудная боль одинаково мѣшала и сну, и работѣ. Вернувшись в пятый или шестой раз, рѣшил больше не вставать: все равно. Кромѣ боли и духоты, мѣшало заснуть то обиліе мыслей,

которое составляло и радость, и гордость, и несчастье его жизни, — об этом когда-то стихи написал:

“Так я в сей безднѣ углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен”...

Теперь всѣ почти мысли, даже сулившія новую славу, были густо окрашены в черный цвѣт: поздно, едва ли что удастся довести до конца. Послѣ болѣзни стало ясно, что на долгій вѣкъ рассчитывать нечего. Он старался не думать о смерти и дѣйствительно думал о ней не много, а когда думал, то чувствовал не страх и не отчаяніе, а раздраженіе, рѣшимость и торопливость: кому-то не поддаться и спѣшить, — главное спѣшить, как перед отпуском, когда непременно накапливаются важныя срочныя дѣла. В послѣднее время люди, с которыми проходила его жизнь, стали умирать как будто уж очень часто, и он всякій раз испытывал то же чувство: скорѣй похоронить, не думать — и торопиться: отрывают от важнаго дѣла.

В эту ночь он, замученный непрекращающейся болью, почувствовал, что окончательный отпуск близок. Мозговая машина, крѣпко заведенная с вечера, не могла и не хотѣла остановиться. Мысли вертѣлись беспорядочно, им не было конца. Нужно закончить работу над катадіоптрической трубой об одном зеркалѣ, — заодно вспомнил и о своей старой ночезрительной трубѣ, и над ней надо бы еще поработать. Слѣдовало непременно улучшить и анемометр, указывающій скорость и сторону вѣтра. Недокончен был план изслѣдованія вязкости жидких матерій по числу капель. Хотѣл бы довести до конца разсужденія о происхожденіи кометовых хвостов, об электрических воздушных явленіях, о выходѣ каменнаго угля из торфяников, о причинах сѣвернаго сіянія, о кристаллах, о подземном огнѣ, о натурѣ цвѣтов, о произведеніи теплоты. Опять подумал, что огонь Аристотельской или, как говорили новые ученые, теплотворная матерія, скитающаяся без малѣйшей

причины из тѣла в тѣло, один только вымысел: на самом же дѣлѣ теплота есть коловратное движеніе частиц, образующих всякую матерію. Затѣм снова вернулся к своим трубам, — подумал со злобой, что академическая обсерваторія и теперь служит больше к профессорским ссорам, чѣм к наблюдениям свѣтил и небесных приключеній: прохожденіе Венеры через солнце наблюдать не удалось, изслѣдовал иностранец, — еще слава Богу, что француз, а не нѣмец. Понял, что уж навѣрное не удастся совершить дальнія путешествія, особенно в страны подполярныя, — об этом всегда мечтал: был увѣрен, что можно найти корабельный ход сѣвером в Японію через Сибирскій океан, и что предпріятіе сѣвернаго мореплаванія способствовало бы умноженію россійскаго могущества на востокѣ. Отсюда перебросился мыслью к дѣлам государственным, ко всему тому, что говорил сто раз, о чем еще недавно писал Шувалову: о большем просвѣщеніи народа, о истребленіи праздности, о исправленіи земледѣлія, о размноженіи ремесленных дѣл и художеств, об уничтоженіи суевѣрнаго лѣченія волшебством и чародѣйством, о лучших пользах купечества, о торговлѣ с внѣшними народами, о лѣсах, о ландкартах, о призывѣ иностранных поселенцев и вообще обо всем, касающемся пользы русскаго государства. По этим разным вопросам он не только высказывал сужденія, но и предлагал опредѣленные мѣры. Однако, несмотря на его извѣстность, слушали его мало, а исполняли из того, что он предлагал, еще меньше. Все его раздражало: и большое, и малое, и непорядки в государственных дѣлах, и паутина над лабораторными шкафами; причиной и паутины, и разстройства государственных дѣл было в сущности одно и то же: невѣжество, лѣнь, нерадивость, равнодушіе к общественной пользѣ, все, с чѣм он боролся с молодых лѣтъ.

Заснул он в пятом часу, уже совсѣм не надѣясь заснуть. Спал худо, снились инструменты, планы работ, перемѣшавшіеся так нелѣпо, что потом было дико вспоминать. Снились и люди: недавно попавшій в немилость Шувалов и

давно скончавшійся академик Рихман. Они сердились друг на друга. Рихман жаловался, что его вдовѣ платят недостаточную пенсію, — за его заслуги и смерть могли бы платить пощедрѣе. Шувалов отвѣчал, что, как ни неприятно это говорить усопшему, госпожа Рихман вышла замуж вторым браком, и ежели дѣти приняты на казенный счет, то какого ему еще нужно рожна?

Во снѣ это тоже выходило толково и разумно, а когда проснулся, — непостижимая чепуха: какіе - то крючки сцѣпились в мозгу? За окном было полутемно, в комнатѣ так же душно и так же — или чуть легче? — болѣла нога. Профессор Ломоносов сѣл на постель, надѣл красныя сафьянныя туфли, подошел к растворенному окну: да, как будто идет к грозѣ. Вот почему приснился Рихман. Но почему Шувалов? Подумал, что странное дѣло сны, что слѣдовало бы поразмыслить об этом в свободное время. Сейчас же было необходимо воспользоваться грозой и повторить опыты Рихмана. Собственно слѣдовало давно: он откладывал очень долго, уступая женѣ и близким людям. Теперь больше нельзя: отпуск.

Он поспѣшно умылся, одѣлся и продѣлал по своей системѣ гимнастическія упражненія, стараясь не обращать вниманія на усилившуюся боль. Тѣлесная сила несомнѣнно шла на убыль. Еще не очень давно студенты академіи и гимназисты академической гимназіи, когда он бывал в духѣ, с почтительной завистью его спрашивали, правда ли, будто он гнет подковы и свертывает узлом кочергу. Это ходячее выраженіе всегда его раздражало; он отвѣчал, что и подковы, и кочерга бывают разной крѣпости. Так и теперь, подумал, что можно было бы изобреѣсти прибор, который показывал бы силу точным, математическим способом. Ему тотчас пришли соображенія, как слѣдовало бы такой прибор построить; он занес было их в память: “как-нибудь в свободное время”, — но сам усмѣхнулся: какое уж теперь свободное время! Спросил себя, не уменьшаются ли и умственныя силы, и с гордой увѣренностью тут же от-

вѣтил: нѣтъ, не уменьшаются, — напротив, и знаній, и мыслей все больше.

Прошел мимо спальной жены на цыпочках, чтобы ее не разбудить: только помѣшает работѣ, увидит, что он у прута, и начнется стон; хочет, как Рихман, погубить себя, сожжет и ее, и весь дом. Представил себѣ, как жена будет кричать все это сначала по-нѣмецки, потом на ужасном русском языкѣ, и поморщился. Он не то недолюбливал жену, потому что она была нѣмка, не то недолюбливал нѣмцев, потому что был женат на нѣмкѣ.

По своему обычаю, первым дѣлом прошел через двор в палату, гдѣ шли мозаичныя работы. “Полтавская баталія” подвигалась, но не очень быстро. Колеры смальты составлялись по его способам, выработанным посредством безчисленных опытов в печи. Цильх работал недурно, то, чему он его научил, знал хорошо, но своей сметки не имѣл ни на грош. Напротив, Матвѣй Васильев многое схватывал налету, но химіи не знал, вообще не знал ничего и ничему не хотѣл учиться. Хмуро осмотрѣл картину: да, подражать камешками и стеклами не так просто, как картиной из масла.

— Составщики могли бы работать лучше. Мастика худо проварена, и вот кусок не прошлифован, — сердито замѣтил он Цильху. Затѣм произнес нѣсколько крѣпких слов, обращаясь преимущественно к Васильеву и не объясняя, что именно имѣет в виду: знал, что тот поймет и без объясненій. Васильев дѣйствительно понял и из приличія потупился. Цильх смущенно оправдывался: денег отпускается слишком мало, всего по десяти копѣек на фут, так римскаго состава не получишь.

— Денег? Да, деньги всего важнѣе, — с угрюмой усмѣшкой сказал Ломоносов. — Деньги, что и говорить, важнѣйшее. Но к деньгам не худо имѣть и голову.

Вышел из мастерской, хмуро бормоча: “гельд... аржан... ратра... пекуніа... хрэма...” Безденежье было его большим, давним и вѣчным бѣдствіем. В тысячный раз по-

думал, что у ничего не дѣлающих вельмож, у иных мошенников - купцов денег куры не клюют, а он всю жизнь прожил, не имѣя лишней копѣйки не только для себя, но для опытов, необходимѣйших Россіи и наукѣ. Эта мысль, при все усиливавшейся раздражительности профессора, привела его тотчас в бѣшенство.

Остановился на мгновенье, любуясь своим садиком. Злоба его еще усилилась: садовник не подрѣзал кустов, — “ну, погоди ты, каналья этакая!...” — произнес вслух нѣсколько очень нехороших слов из своего богатаго запаса, в котором были слова архангельскія, московскія, кievскія, польскія, нѣмецкія и всякія другія, вынесенныя из разных скитаній.

В самом мрачном настроеніи он вошел в дом. В коридорѣ из двери выглянула Елисавета Андреевна, бывшая Христина Генриховна, и сразу, по виду мужа, по его лицу, по тяжелой походкѣ, поняла, что беспокоить его ненужно; она поспѣшно затворила дверь. Мужа своего она не знала и не понимала, хоть и очень много лѣтъ прошло с той поры, как он, молодым человѣком, в Марбургѣ женился на ней, покрывая грѣх. Но ей было извѣстно, что, когда он гнѣвен, раздражать его нельзя.

Огромная комната служила и кабинетом, и ботаническим музеем, и физическим институтом, и химической лабораторіей. Всюду были заставленные инструментами столы, полки с книгами, со склянками. Превозмогая боль в ногах, Ломоносов взобрался в углу на табурет, выдвинул проведенный через крышу прут, вызывавшій, из за худой молвы о домѣ, любопытство и недоумѣніе прохожих. Слѣзть было труднѣе, чѣм встать. У него даже исказилось лицо при неосторожном движеніи. Пошатываясь, подошел к огромному столу, сѣл в кресло; боль была очень сильна: надо передохнуть. Но сидѣть у стола без дѣла было для него невозможно.

Разыскал в ящикѣ папку, в которой было собрано все, что относилось к смерти академика Рихмана. Тут была

и ученая литература, были и вырѣзки из Санктпетербургских вѣдомостей. Онѣ сначала его удивили: это зачѣм? “Да, тогда все собрал в память...”

“Никто бы не чаял, чтоб из Америки надлежало ожидать новых наставленій о электрической силѣ, а однако учинены там наиважнѣйшія изобрѣтенія. В Филадельфіи, в Сѣверной Америкѣ, господин Веніамин Франклин столь далеко отважился, что хочет вытягивать из атмосферы тот страшный огонь, который часто цѣлыя земли погубляет. А именно дѣлал он опыты, для извѣданія, не одинакова ли матерія молніи и электрической силы, и дѣйствіе догадку его так подтвердило, что от громовых ударов слѣдующим образом охранять себя можно: на вершинах строеній, или кораблей, надлежит утвердить желѣзныя востроконечныя прутья перпендикулярно поставленныя, вышиной от 10 до 12 футов и для охраненія от ржи позолоченныя, а от нижняго конца прутьев спустить проволоку к подошвѣ строенія наземь, или от мачтоваго каната на кораблях. Как чинили на 40 футов поставленным и на электризованном тѣлѣ утсей опыт в марлійском саду желѣзным прутком, вышиною вержденным, во время грома, который шел через то мѣсто, гдѣ был прут, то бывшія при том персоны вытянули такія искры и движенія, которыя подобны тѣм, кои производятся обыкновенною электрическою силою. В Парижѣ 18 мая из утвержденного на 99 футов вышиною и в виноградном саду поставленного прута вытягивали многія искры чрез полчаса и болѣе в то самое время, тогда как густая туча стояла над тѣм мѣстом. Сіи искры совершенно походили на исходящій из фузеи огонь и причиняли такой же стук и такую же опасность. Другими опытами тоже подтверждено, и явилось, что помощью востроконечных прутков у громовых тучь огонь отнять можно”.

Во второй вырѣзкѣ был газетный отчет о смерти Рихмана: “В сѣнях дома стоял шкаф вышиной в 4 фута, на котором учреждена была машина для примѣчанія электрической силы, называемая указатель электрической, с же-

лѣзным прутом толщиною в палец, а длиною в 1 фут, котораго нижній конец опущен был в наполненный отчасти мѣдными опилками хрустальный стакан. К сему пруту с кровли онаго дома проведена была сквозь сѣни под потолком тонкая желѣзная проволока. Когда г. профессор, посмотрѣвши на указателя электрическаго, разсудил, что гром еще далеко отстоит, то увѣрил он грыдоровальнаго мастера Соколова, что теперь нѣтъ еще никакой опасности, однако, когда подойдет очень близко, то-де может быть опасность. Вскорѣ послѣ того, как г. профессор, отстоя на фут от желѣзнаго прута, смотрѣл на указателя электрическаго, увидѣл помянутой Соколов, что из прута, без всякаго прикосновенія, вышел блѣдно - синеватый огненный клуб, с кулак величиною, шел прямо ко лбу г. профессора, который в самое то время, не издав ни малаго голоса, упал назад на стоящій позади его у стѣны сундук. В самый же тот момент послѣдовал такой удар, будто бы из малой пушки выпалено было, отчего и оной грыдоровальной мастер упал на землю и почувствовал на спинѣ у себя нѣкоторые удары, о которых послѣ усмотрѣно, что оные произошли от изорванной проволоки, которая у него на кафтанѣ с плечь до фалд оставила знатныя горѣлыя полосы. Как оной грыдоровальной мастер опять встал и за оглушеніем оперся на шкаф, то не мог он от дыму видѣть лица г. профессора и думал, что он только упал, как и он; а понеже, видя дым, подумал он, что молнія не зажгла-ли дому, то выбѣжал, будучи еще в безпамятствѣ, на улицу и объявил о том стоящему не далеко оттуда пикету”...

“За чудо надо почитать, что сам тогда жив остался”, — подумал Ломоносов. Он в тот день производил точно такой же опыт, изучая цвѣт искр — из за этого у него с Рихманом был спор. Оба, замѣтив в первом часу дня, что от норда поднялась громовая туча, бросились по домам, каждый к своему аппарату. И только он отошел от своего прута, — жена закричала, что простынут щи, — как прибѣжал, запыхавшись, человек Рихмана и объявил, что про-

фессора зашибло громом”. Может, сегодня мой черед. Лучше смерти и быть не может”...

Встал и подошел к своему прибору, соединил цѣпь, приготовил электрическій указатель, фосфорическій барометр, маленькій сосуд с нефтью, поставленный для пробы: не загорится ли? Не хватало только грозы. Снова подошел к окну, взглянул на небо. — “Ох, кажется, проносит!” — подумал он и с досадой, и с невольным облегченіем.

IX.

Шагах в десяти от окна кто-то радостно замахал шляпой, закивал головой. Это был товарищ по академіи Штелин, ординарный профессор элоквенціи и царскій библіотекаріус.

— Здравствуйте, Яков Яковлевич, — угрюмо сказал профессор Ломоносов. — Ко мнѣ? Просим милости.

Приготовил привѣтливую улыбку, пока гость проходил через сѣни. Впрочем, в визитѣ профессора Штелина ничего непріятнаго не было, — развѣ только, что отрывал от работы. Этот любезный, благодушный, всегда веселый человек был из нѣмцев наилучшій: никогда ни под кого не подкапывался, от интриг держался в сторонѣ, русских не задѣвал и не презирал. Нѣмцы академіи даже сердились на него за то, что он поддерживает дружескія отношенія с русской партіей и с ея главой: ворчали, что он старается дружить со всѣми, так как будущее никому неизвѣстно.

Это было невѣрно. Профессор Штелин, как всѣ, отстаивал свои интересы, но ни к кому особенно не подлаживался. Отличаясь по природѣ чрезвычайной благожелательностью, он был вполне убѣжден, что под солнцем есть достаточно мѣста для всѣх, и что уже для него - то, во всяком случаѣ, мѣсто под солнцем найдется, и даже очень хорошее мѣсто. Так оно в самом дѣлѣ и было.

Он не выносил не только ссор, но даже простых спо-

ров: всегда чувствовал непреодолимую потребность согласиться с собеседником, с кѣм бы ни разговаривал, пока разговаривал. Случалось, что на слѣдующій день профессор Штелин соглашался с человѣком, высказывавшим мнѣніе противоположное. Но этого он не замѣчал, не придавая большого значенія ни своим, ни чужим словам. А если бы кто обратил его вниманіе на противорѣчіе, то и с этим он тотчас вполне охотно согласился бы: да, разумѣется, противорѣчіе, — и первый посмѣялся бы весьма благодушно. Профессор Штелин был счастливый человѣкъ. Всѣ его считали своим и всѣ любили за незлобивость, за рѣдкую услужливость, и за то, что всѣм он внушал бодрое настроеніе: никаких бѣд на свѣтѣ не существует, это все выдумки, впрочем, выдумки милых людей.

— Пришел провѣдать болящаго, а нахожу здороваго Михайлу Васильевича, и слава Богу! Зачѣм хворать? — сказал весело профессор Штелин, входя в кабинет, по своему обыкновенію чуть горбясь и потирая руки. Он радостно поздоровался и подробно спросил Михайлу Васильевича о здоровьѣ: всегда твердо помнил, кто чѣм болен или на что жалуется. Сказал, что боль в ногѣ это пустое; вот ежели бы болѣло сердце, тогда было бы другое дѣло. Ломоносов, больше для того, чтобы смутить гостя, вставил, что болит и сердце. Но профессор Штелин не смутился и признал это также совершенно неопасным: хорошо бы прикладывать компрессы *luso dolenti*. Справился о здоровьи Елисаветы Андреевны и выразил полное удовлетвореніе по случаю того, что она чувствует себя не худо. От чаю гость отказался, кофей назвал вредным напитком модников, — *more majorem* согласился испить стаканчик пивца: собственно, пить с утра пиво ему не хотѣлось; однако, очень давно живя в Россіи, он знал, что русскіе люди не могут не угощать, в какой бы час дня к ним не явиться: кромѣ того, думал, что самому Михайлѣ Васильевичу будет пріятно воспользоваться предложением и

выпить: как всѣ нѣмцы, считал Ломоносова пьяницей. Пусть же лучше пьет пиво, чѣм водку.

Они выпили пива и поговорили. Профессор Штелин рассказывал новости, которых у него всегда было много. Сообщил, нѣсколько понизив голос, что отношенія между его величеством и ея величеством, к несчастью, становятся все хуже: ежели дѣло так пойдет дальше, то можно ждать для ея величества самых дурных послѣдствій. При этом вопросительно смотрѣлъ на Михайлу Васильевича. Ломоносов, однако, своего мнѣнія не высказал. Затѣм профессор Штелин сказал, что у императора сейчас находится в большой милости вернувшійся недавно из Сибири граф Буркгардт фон-Миних. — *Fortuna vitrea est!* Все составляет прожекты и, по слухам, весьма дѣльные. Император пытался примирить его с герцогом Бироном, тоже теперь возвращенным: пригласил их обоих во дворец, велѣлъ подать вина и вышел, как бы невзначай, в сосѣдную комнату, чтобы оставить их наединѣ, дать им возможность объясниться и закончить давнюю вражду. Однако, когда его величество вернулся, то нашел комнату пустой, а вино в бокалах нетронутым.

— Каковы старцы! Особенно граф Миних, ему за восемьдесят, а он здоровѣе нас с вами, — сказал, смѣясь, профессор Штелин и тотчас согласился с Ломоносовым в том, что граф Миних был человекъ весьма замѣчательный. — Великій муж! — рѣшительно заявил он. О Биронѣ хозяин отозвался, напротив, отборно-бранными словами; гость поддакнулъ, но очень бѣгло: не любил ни этих слов, ни таких отзывов.

— *Non decet*, Михайла Васильевич, *non decet*, — слабо смѣясь, сказал он и, чтобы перевести разговор, рассказал анекдот о Петрѣ Великом; профессор Штелин собирал эти анекдоты и надѣялся найти для них издателя на выгодных условіях. Затѣм сообщил академическія новости, посмѣялся без злобы над врагами Михайлы Васильевича и сказал, что, пока Михайла Васильевич к дѣлам не вернет-

ся, порядка в академіи не будет. Хотя Ломоносов знал цѣну любезностям гостя, слова эти были ему пріятны, а новости интересны, — сам дивился: какая чепуха занимает, когда слѣдовало бы думать о предметах важных.

Затѣм профессор Штелин перешел к погодѣ: “Воздух-то как охолодѣл, Михайла Васильевич!” — и все не объяснял, для чего пришел. Хозяин предполагал, что у него есть дѣло; впрочем, при любезности Штелина, мог зайти и так, именно чтобы провѣдать болящаго. На вопрос, как с производством в статскіе совѣтники, профессор Штелин отвѣтил нѣсколько уклончиво: не любил особенно распространяться о своих успѣхах, зная, что, по человѣческой слабости, это может быть другим не совсѣм пріятно: вот и Михайлѣ Васильевичу, конечно, хотѣлось бы получить повышение в чинѣ; с другой же стороны, думал, что до производства лучше людям ничего не говорить, — вдруг испортят дѣло, тоже по человѣческой слабости: если сообщить, может быть вред; а если не сообщать, то никак вреда быть не может.

Он встал, потирая руки, подошел к рабочему столу и стал спрашивать о приборах: отчасти опять, чтобы перевести разговор, отчасти из искренней любознательности: был и сам человѣкъ очень образованный. Имѣл ученые работы о состояніи турецкаго двора, о бардах или первых поэтах древних германцев, о свадебных обрядах у древних жидов, греков, римлян и других народов, о размноженіи рыбы крошицы, обыкновенно здѣсь ферель называемой, также и лососей, — эта еще не была закончена. Был также хорошій версмахер и метер дес инскрипціонс. Профессор Штелин слушал объясненія, потирал руки от удовольствія, — вот как хорошо работает Михайла Васильевич, — и говорил комплименты.

— Люблю, когда люди имѣют интерес к разным музам. *Pauci quos aequus amavit Jupiter*, — сказал он. — Но вы, Михайла Васильевич, наряду с упражненіями в физикѣ, занимаетесь и высокой литературой, и элоквенціей.

и граматикой, описываете древность російскаго народа и славныя дѣла наших государей!

— Настоящее мое упражненіе: физика, химія, металлургія и прочее к ним относящееся, — сказал угрюмо Ломоносов, впрочем, и тут не оставшійся нечувствительным к похвалам. — А другое это забава. Человѣкъ желает успокоенія от трудов, иной ищет себѣ провозженія времени картами, шашками, бильяром и другими забавами. Отчего я уже давно отказался затѣм, что нашел в них одну скуку. А до смерти надо мнѣ закончить мои химическія труды, в которых я столь много лѣтъ упражняюсь. Бесплодно потерять их мнѣ будет несносное мученіе.

— Сіе будет мученіе для всей Россіи, в тот день всѣ музы одѣлись бы в траур! — подхватил профессор Штелин.

Сами того не замѣчая, они, обратившись к предметам возвышенным, стали выражаться литературным языком, как и учил Михайла Васильевич; до того говорили больше штилем средним, — не надутым и не подлым. Впрочем, хозяин иногда впадал и в штиль самый подлый: произносил раздраженно такія слова, что профессор Штелин только махал руками, слабо смѣялся и повторял:

— Non decet, Михайла Васильевич, non decet.

Посидѣвъ с полчаса, он, наконец, перешел к своему дѣлу. Ему поручено было руководить празднествами по случаю предстоящаго коронаванія. Профессор Штелин очень желал привлечь к этому и Ломоносова, с которым, случилось, работал в таких дѣлах и прежде, хоть не всегда вполне гладко.

— Вам памятно, Михайла Васильевич, — сказал он, — что я вѣдал и коронаціей покойной государыни. Завел тогда оперу “Милосердіе Титово”, сам написал к ней пролог, сам играл при лютнѣ на флейтѣ траверсе, сам учинил план к фейерверку иллюминаціи, сам писал артикулы в Вѣдомости...

— Так зачѣм же вам я? — сердито перебил его Ло-

моносов, выразившись болѣе крѣпкими словами. Профессор Штелин слабо засмѣялся, но не сказал «non deset», так как не надо часто повторять одно и то же. Грубость собесѣдника была ему тягостна. Он нѣсколько холоднѣе обыкновеннаго объяснил, что химическую матерію знает недостаточно, что вспоможеніе Михайлы Васильевича может быть очень полезно, и что за это вспоможеніе заплатят хорошія деньги.

— Хорошія деньги, гелѣд, аржан, хрэма, — пробормотал профессор Ломоносов. Деньги послѣ болѣзни были ему очень нужны. Они — в среднем штиль — сговорились об условіях и перешли к обсужденію проекта. Штелин стоял на том, чтобы особенно себѣ головы не ломать, а взять, что можно, из старых проектов, кое-что обновив, измѣнив и передѣлав сообразно с обстоятельствами. — “Идея всегда одна: бывшая в печали Россія нынѣ паки обрадована”, — пояснил он и вкратцѣ — высоким штилем — изложил свой план. Не изобразить-ли на иллюминаціонном театрѣ башню с бойницами и пушками, и чтобы из-за башни выходил корабль, при дующих в парусы зефирах, при увеселительных звучных огнях, при пушечной пальбѣ, при трубящих тритонах, при играниі на трумпах? И еще можно было бы тут представить Добродѣтель, в видѣ крылатаго дитяти с лавровыми вѣнцами, или Надежду на подобіе женщины с надписью: “Не подвигнусь”.

Ломоносов слушал внимательно, задача тотчас его заинтересовала. Но план Штелина ему не очень нравился. Сказал, что душа не лежит к трумпах и к пушечной пальбѣ: войнъ было довольно при покойной государынѣ, не лучше-ли намѣтить дух новаго царствованія фигурами не воинскими, а мирными? Россіи болѣе всего нужны мир и работа. Изобразить бы великій русскій Колосс, и по правую сторону чтоб был храм Мира, а по лѣвую храм Изобилія с принадлежащими тому украшеніями, а над ними восходящее солнце.

— Можно, пожалуй, сочинить и так, — согласился

профессор Штелин: знал, что император не станет особенно вникать в символическое значение иллюминаціоннаго театра, лишь бы было красиво. — Тогда, Михайла Васильевич, необходимо, чтобы Солнце было с далеке простирающимися лучами, и чтобы на каждой сторонѣ стояло по пять вазов на пристойных скамьях, убранных фестонами, а над Колоссом великій двоеглавый орел, устремляющій свой полет к правой сторонѣ и обращающій вторую главу на лѣвую сторону. И над всѣм театром буст Его величества Императора Петра III, с царскими вензелями.

Минут через десять спорные вопросы были разрѣшены. Профессор Ломоносов согласился взять на себя всю химическую матерію. Но на нерѣшительный вопрос профессора Штелина, не согласится-ли Михайла Васильевич, с присущим ему великим талантом, перевести на русскій язык стихи, которые он, всенижайшій, по-нѣмецки напишет к коронованію, хозяин сухо отвѣтил, что подумает: не любил переводить чужіе стихи, а в особенности стихи профессора Штелина.

Гость не настаивал, вполне удовлетворенный и тѣм, чего удалось добиться. Посидѣлъ еще минут десять, рассказал второй анекдот о Петрѣ и простился, пожелав скорѣйшаго, самага полнаго исцѣленія, засвидѣтельствовав особое уваженіе Елисаветѣ Андреевнѣ. Профессор Ломоносов проводил его до крыльца, сожалѣя о вырвавшейся рѣзкости. Знал, что профессор Штелин человекъ достойный, и цѣнил вниманіе товарища: зашел провѣдать, говорил любезныя слова и предложил заработок, — ту же работу мог вѣдь выполнить и нѣмец.

X.

Профессор Штелин возвращался домой в прекрасном настроеніи. Он был очень доволен соглашеніем. Ломоносов взял за работу недорого. В достоинствѣ его работы сомнѣваться было невозможно, — лишь бы только Михайла Васильевич не заболѣлъ. Штелину показалось, что

вид у его товарища был в этот день очень плохой. “Вѣрно, плохо спал?”

Совершенно независимо от его воли, мысль профессора Штелина ненадолго остановилась на том, что произойдет, ежели Михайла Васильевич скончается. Он менѣ всего желал смерти столь замѣчательному человѣку, котораго искренно любил и уважал. Но дѣло не в любви и уваженіи: надо смотрѣть правдѣ в глаза. Профессор Штелин не мог не знать, что, если Михайлы Васильевича не станет, — чего избави Бог! — то произойдут большія перемѣны в руководствѣ академіей, в отношеніях партій, откроются разныя вакансіи, появятся кандидаты на должности. Зная же это, профессор Штелин не мог не подумать и о себѣ: кое-что имѣл в виду. Однако, предпринимать какія-либо предварительныя дѣйствія было бы весьма безтактно. Он тотчас отогнал от себя предосудительныя мысли. Человѣкъ слаб, предосудительныя мысли могут забрести всякому, надо только тотчас их гнать.

Дома ему хотѣлось поболтать с семьей, но это не годилось: утром всѣ должны работать. У него, дѣйствительно, всѣ в домѣ работали: жена, дѣти, прислуга. Он прошел в свой кабинет, убранный очень хорошо. Профессор Штелин знал толкъ во всѣх искусствах. На стѣнах его кабинета висѣли прекрасныя картины, преимущественно венеціанской школы, а также гравюры прошлаго вѣка: Гольциусы, Блемерты, Ворстерманы. За портьерой была большая ниша с окном, и в ней на стѣнах висѣли картины болѣе легкомысленныя. Ротари подарил ему эскиз къ “Спящей дѣвицѣ, которую будит юноша, щекоча ей ноздри колосом пшеницы”. А против нея в нишѣ находилась Либеріева беременная Каллисто, из той серіи, что в музеях не показывается. Кромѣ достоинств живописи, профессору Штелину было пріятно и то, что и Ротари, и Либертино были графами. Это придавало нѣсколько иной оттѣнок легкомысленному содержанію картин; показывая нѣмецким гостям нишу, он всегда внушительно пояснял:

“работы графа Ротари”, “работы графа Либери”... Людей же особенно приятных и не слишком суроваго нрава профессор Штелини иногда угощал собраніем китайских картинок, которое держал под замком. Впрочем, легкомысленныя матеріи большого мѣста в его жизни не занимали: он не был развратником ни на дѣлѣ, ни в мыслях; китайскія картинки держал больше ради забавы, — приятно развлечь друзей. Для собственнаго же удовольствія собирал, кромѣ гравюр, коллекцію денег разных стран.

Он сѣл за стол и стал уточнять смѣту коронаціонных торжеств; знал цѣну и своим, и чужим деньгам. Работавшіе с ним люди с усмѣшкой говорили, что он бережет казенныя деньги на всем, кромѣ собственнаго жалованья, — но говорили они это благодушно: профессор Штелини в ком злобы не вызывал. Поработав с час над смѣтой, он нашел расход, который можно было сократить, по крайней мѣрѣ, на пятнадцать рублей, а то и на всѣ двадцать. Это доставило ему чрезвычайное удовольствіе.

От казенных дѣл перешел к собственным. Они были теперь в довольно хорошем состояніи. Работа по торжествам оплачивалась щедро; он рассчитывал перевести крупную сумму в Гамбургскій банк. Считал это помѣщеніе денег болѣе выгодным и, главное, болѣе надежным, по сравненію с землей или домом в Россіи. Профессор Штелини пріѣхал в Россію еще при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, видѣл в Петербургѣ много перемен, переворотов, возвышеній, опал, обогащеній, конфискацій и не слишком вѣрил в устойчивость всего русскаго: страна огромная, богатѣйшая, прекраснѣйшая, но деньги держать в Гамбургѣ вѣрнѣе. *Latet anguis in herba....*

Затѣм профессор Штелини отыскалъ свои старые версы, написанные еще ко дню восшествія на престол императрицы Елисаветы Петровны. Тогда художественная мысль у него была счастливѣйшая: изобразить Россію в видѣ крѣпости, которую взяла приступом дочь Петра. Версы были отпечатаны на золотообрѣзной дорогой бумагѣ:

К нашему давно желанному благополучію,
К удовольствію твоего отечества,
Мудрой твоей храбростію взята удержанная крѣпость.
В воспоминаніе сего дѣла, в честь сея ночи,
Мы по должности нашей и вѣрности,
Сію иллюминацію сооружили.

Остался не очень доволен: тогда еще не умѣл совсѣм хорошо писать русскіе версы. Но, главное, теперь было трудно использовать написанное к тому случаю, хотя бы и с передѣлкой. Образ взятой крѣпости не годился: царь Петр III взшел на престол законно, без переворота, без сея ночи. Профессор Штелин вдруг вспомнил о распрѣ между государем и государыней Екатериной Алексѣевной: как бы все это не кончилось худо! Зачѣм ссорятся такія персоны? Мысль эта возбудила у него столь непріятно-тревожное чувство, что он, вопреки обыкновенію, отложил работу. “Надо перемѣнить Калліопу на Евтерпу, *macte animo generose puer!*” — сказал он себѣ полусхотливо: иногда и с собой разговаривал так, как с другими, и оставался доволен собесѣдником. Он взял флейту и стал наигрывать мадригал из отличнаго зингшпиля, который слышал еще студентом в Лейпцигѣ.

XI.

“...Как жена г. профессора, услышавши такой сильной удар, туда прибѣжала, то увидала она, что сѣни дымом, как от пороху, наполнены. Соколова тут уже не было, и как она оборотилась, то примѣтила, что г. профессор без всякаго дыханія лежит навзничь на сундукѣ у стѣны. Тотчас стали его тереть, чтоб отвѣдать, не оживет-ли, а между тѣм, послали по г. профессора Краценштейна и по лекаря, которые через десять минут послѣ удару туда пришли и из руки кровь ему пустили; однако, крови вышла только одна капелька, хотя жила, как то уже было послѣ усмотрѣ-

но, и дѣйствительно отворена была. Біенія же жил и на самой груди примѣтитъ не возможно было. Г. Краценштейн нѣсколько раз, как то обыкновенно дѣлают с задушившимися людьми, зажал г. Рихману ноздри, дул ему в грудь, но все напрасно”...

Профессор Ломоносов подумал, что о нем, вѣрно, сказали бы: “хотѣл, по своей гордынѣ спасти от грома людей, а себя самого не спас”. Но грозы не было, слѣдовательно, об этом опытѣ разсуждать не приходилось. Разстаться с мыслью о нем было все же нелегко. “Да, добрая была бы смерть и легкая. А далѣе что?” В загробную жизнь он вѣрил плохо. “Матерія измѣнится”... Об этом у него тоже были давнія мысли, не умозрительныя, а опытыя, совершенно чуждыя и неизвѣстныя другим ученым. “И это тоже останется незаконченным... Сейчас же, сейчас довести до конца!”... Торопливо, почти с отчаяніем, он разыскал тѣ свои разсужденія и стал читать:

“Всѣ перемѣны, в натурѣ случающіяся, такого суть состоянія, что сколько чего у одного тѣла отнимается, столько присовокупится к другому. Так, ежели гдѣ убудет нѣсколько матеріи, то умножится в другом мѣстѣ... Сей всеобщій естественный закон простирается и в самыя правила движенія; ибо тѣло, движущее своей силой другое, столько же оное у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движеніе получает”...

“Между разными химическими опытами, которым журнал на 13 листах, дѣланы опыты в заплавленных накрѣпко стеклянных сосудах, чтобы изслѣдовать, прибывает ли вѣс металлов от чистаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Боила *) мнѣніе ложно,

*) Т. е. Бойля. — В научных работах Ломоносова на каждом шагѣ встрѣчаются догадки и идеи поистинѣ гениальныя. Он опередил и русских, и иностранных современников лѣтъ на пятьдесят или даже на сто. Теперь достаточно извѣстно, что Ломоносов был предшественником Лавуазье. Но к этому надо добавить и то, что он, по крайней мѣрѣ, в нѣкоторых отношеніях, был продолжателем дѣла Декарта в Европѣ и уж во всяком случаѣ первым картезианцем Россіи. Напомню,

ибо без пропусканія вѣшняго воздуха вѣс сожженнаго металла остается в одной мѣрѣ”...

Мысль о том, что никто в мѣрѣ не знает и не догадывается о столь важном разсужденіи, наполняла его гордостью и счастьем. Но не всѣ выводы отсюда были ясны: смутно чувствовал, что не ясны самые главные выводы, особенно важные для него именно теперь. “Ну, хорошо, молнія убивает профессора Михайлу Ломоносова, куда же дѣвается все то, что на своем вѣку думал и передумал Михайла Ломоносов? Міровая матерія перейдет в землю, и столько же присовокупится к матеріи земли. Но вѣдь столько же присовокупилось бы от такого ж количества матеріи бараньяго или бычьяго мозгу? Нѣтъ ли тут полнаго трудностью вопроса, по коему и я вѣдаю не болѣе, чѣм старушенка из богадѣльнаго дома?”

XII.

Слухи о том, будто граф Миних находится в большой милости у царя, были очень преувеличены.

Миних выѣхал из Пелыма через недѣлю послѣ полученія извѣстія о помилованіи. Уѣхал бы даже раньше, если б не были в от’ѣздѣ слуги, посланные до того на ярмарку для закупки провизіи на год. Как на бѣду, в Пелымѣ необычно

что сам он писал в 1746 году: «Славный и первый из новых философов Картезій осмѣлился Аристотелеву философію опровергнуть и учить по своему мнѣнію и вымыслу. Мы кромѣ других его заслуг особливо за то благодарны, что он тѣм ученых людей ободрил против Аристотеля, против себя самого и против прочих философов к правдѣ спорить, и тѣм самым открыл дорогу к вольному философствованію и к вящему наук приращенію... В новѣйшія времена науки столько возрасли, что не токмо за тысячу, но и за сто лѣт жившіе едва могли того надѣяться. Сіе больше от того происходит, что нынѣ ученые люди, а особенно испытатели натуральных вещей, мало взирают на родившіеся в одной головѣ вымыслы и пустыя рѣчи, но больше утверждают на достовѣрном искусствѣ. Главнѣйшая часть натуральной науки физика нынѣ уже только на одном оном свое основаніе имѣет. Мысленныя разсужденія произведены бывають из надежных и много раз повторенныхъ опытов»....

Автор.

рано началась оттепель, санная дорога испортилась, всё совѣтовали подождать воднаго пути, но он об этом не хотѣлъ слышать. В день от'ѣзда один погулялъ по окружавшему Пелым густому лѣсу, обошел городок, свой дом и сад... Его провожало все немногочисленное населеніе; кое-кто и плакал.

Дорога была тяжелая, но фельдмаршал все торопил ямщиков. Его нетерпѣніе росло по мѣрѣ приближенія къ Россіи. Вначалѣ они скакали днем и ночью. За Яйком стали изрѣдка останавливаться. В гербергах Миних по ночам часто просыпался в ужасѣ: не умереть бы, не доѣхав до Санкт-Петербурга!.. Путешествовал он быстро, но молва о нем неслась еще быстрѣе. Ему готовили встрѣчу в Екатеринбургѣ, в Казани, в Нижнем, — он не остановился ни в одном из этих городов. В Москвѣ пришлось остановиться. Жившая там графиня Апраксина, вдова фельдмаршала, который когда-то служил под его начальством, потребовала, чтобы Миних у нея отдохнул, иллюминировала по этому случаю дом и хотѣла позвать на знаменитаго гостя всю Москву. Он едва убѣдил ее от этого отказаться. Понимал, что все это дѣлается не столько в его честь, сколько против памяти императрицы Елисаветы Петровны: фельдмаршал Апраксин был в послѣдніе три года жизни под судом, умер апоплектическим ударом на засѣданіи слѣдственной комиссіи и тоже почитался неповинной жертвой произвола императрицы. Миних очень не любил Елисавету Петровну, но в выпадах против умершей участвовать не хотѣлъ. Оставался он в Москвѣ очень недолго и странно себя чувствовал, оказавшись, послѣ двадцати пелымских лѣтъ, в богатом роскошном домѣ Апраксиных.

Поѣздка его из старой столицы в новую была, как всё говорили, шествіем триумфатора. На большія станціи выѣзжали встрѣчать Миниха старые офицеры его армій, служившія когда-то при нем гражданскія лица, и просто любопытные помѣщики, которым хотѣлось людей посмотреть, себя показать, узнать новости, поздороваться со

знаменитостью и выпить шипучаго “в честь воскресшаго из мертвых”, — так, точно сговорившись, называли Миниха всѣ.

Недалеко от Санкт-Петербурга фельдмаршала встрѣтил его сын со своей дочерью, которой Миних никогда не видѣл. Ей не было двадцати лѣтъ, она была красавица, недавно вышла замуж; ея муж тоже выѣхал встрѣчать дѣда. Миних, как умѣл, проявлял нѣжность. Внучка очень, по общему отзыву, походившая на него лицом, в самом дѣлѣ его растрогала. Но разговаривать с родными, послѣ первых обѣдъ, было нелегко; они, видимо, не знали, о чем с ним говорить, з а н и м а л и его, и это было довольно тягостно. Впрочем, пути до столицы оставалось уже немного.

Выѣхали они в Санкт - Петербург рано утром, улицы еще были довольно пусты. Фельдмаршал жадно во все всматривался, узнавал многое, но не все, и сердце у него стучало, пожалуй, сильнѣе, чѣм при встрѣчѣ с родными.

Прибывшій тотчас к нему генерал-адъютантъ почтительно его поздравил с возвращеніем, передал ему царскій подарок, — почетную шпагу страннаго, не русскаго образца, — и сказал, что государь будет рад его увидѣть, как только он немного отдохнет от труднаго пути.

Миних и сам не думал, что его так взволнует давно знакомая, давно забытая обстановка дворца, раззолоченныя залы, раззолоченные люди, — не рассчитывал снова увидѣть все это. Но сам царь Петр Федорович его разочаровал с перваго же взгляда: совершенно не походил на того Петра!... Видимо, император также не знал, о чем с ним говорить. Былъ ласков и привѣтлив, но спросил, желает ли граф воспользоваться покоем, на который имѣет столь заслуженное право, или склонен был бы еще занять к а к о е л и б о м ѣ с т о? Вопрос этот неприятно поразил Миниха: покоя у него было достаточно и в Пелымѣ. Он отвѣтил кратким словом; говорил нѣсколько болѣе пышно, чѣм обычно (кое-что мысленно подготовил заранѣе). Начал с похвалы дѣду царя Петру Великому; сказал затѣм, что рус-

ская земля необ'ятна, — никто вѣдь толком и не знает, как идут в точности ея границы; что ея населенію нѣтъ числа, и никто его не счел, хоть давно надо бы счесть; что русскій народ в иных отношеніях, особенно же по своей выносливости, наипервѣйшій в мірѣ; что работѣ на россійской землѣ нѣтъ и не будет конца; что он, Миних, только и жаждет отдать этой работѣ остаток своих, когда-то немалых, сил и весь жар, котораго не остудили сибирскіе льды...

Царь Петръ Федорович благосклонно улыбался, но, как показалось Миниху, не очень слушал и не без нетерпѣнія поглядывал по сторонам. Отвѣтил, что очень рад и постарается найти столь замѣчательному человѣку достойную его работу; подарил дом взамѣн конфискованнаго при ссылкѣ имущества, просил бывать во дворцѣ запросто и начать с нынѣшняго же дня: вечером большой куртаг. Вообще был милостив, однако, по всему было видно, вызвал его из Пелыма не для того, чтобы поручить ему должность перваго министра. Граф Миних был весьма разочарован.

В тот же день, в точно указанное время, он появился во дворцѣ на приѣмѣ. Царская чета еще не выходила. Залы были уже полны. Не успѣлъ он подняться до середины парадной лѣстницы, как по всѣм залам пронеслось извѣстіе, что во дворцѣ граф Букгардт Миних! В комнатах, в которых до выхода втихомолку шла игра с негласнаго разрѣшенія императора, люди побросали карты. Залы, расположенныя вдали от лѣстницы, опустѣли. Толпа хлынула в первую залу. Его окружили люди, в громадном большинствѣ незнакомые. Новые сановники подходили и почтительно представлялись. Нѣсколько человѣкъ, оставшихся от тѣх времен, горячо пожимали ему руки. Миниха засыпали лестью, приглашеніями, знаками вниманія. Он был со всѣми сдержанно любезен, говорил мало, вообще принял такой тон, точно никогда не покидал дворца, а со старыми знакомыми здоровался так, будто разстался с ними вчера.

Ему не очень понравился характер этой общей любезности: повидимому, к нему относились как к диковинкѣ,

как к рѣдкой игрѣ природы, почти как к существу из кунсткамеры. В самом дѣлѣ, никто не мог думать, что снова окажется в столицѣ этот человек, заживо погребенный в Пелымской могилѣ. Он был очень стар, но для эффекта люди еще прибавляли ему возраста, удивлялись его необыкновенной крѣпости, словно ему полагалось быть развалиной, и как будто восторгались тѣм, что он еще не вполне развалился. До него то и дѣло доносился из раззолоченной толпы шопот: “Истинное диво!”... “Вѣдь в какой находится старости!”... “Да вѣдь и жизнь какая была!”...

Вдруг окружавшая его толпа разступилась, и по ней пробѣжал легкій гул. Он оглянулся и шагах в десяти от себя увидѣл — Бирона! Оба они тотчас узнали друг друга. На мгновенье оба застыли. Миних знал, что герцог в Санкт-Петербургѣ, но почему-то не подумал, что он может быть на приемѣ во дворцѣ. Наступила совершенная тишина. Всѣ смотрѣли на них, затаив дыханье. Они холодно раскланялись, как на станціи, тогда, двадцать лѣтъ тому назад, и тотчас отвернулись — “Нѣтъ, право, в Пелымѣ было очень хорошо”, — улыбаясь, сказал Миних одному из старых вельмож двора Анны Иоанновны. Бирон тотчас оживленно заговорил по-нѣмецки с другим стариком. Придворные, радостно взволнованные произошедшей на их глазах исторической сценой, переглядывались с многозначительными улыбками.

Кто-то чрезмѣрно громким голосом пригласил всѣх перейти в голубую залу: ея величество выходит из своих покоев. Миних неторопливо, не оглядываясь, пошел туда, куда звали. К его удивленію, в голубую залу перешли только немногіе придворные. Удивило его и то, что государыня выходит одна, отдѣльно от царя. Да собственно и выхода никакого не было. Без всякаго церемоніала, без свиты, в залу вошла невысокая миловидная дама в траурном платьѣ. “Это что-ж, траур по Елисаветѣ Петровнѣ? Почему же она одна в траурѣ?” — с недоумѣніем спросил себя Миних. Ему показалось, что немногочисленные придворные

склонились в поклонѣ не очень почитательно, совсѣм не так, как в его время кланялись Аннѣ Іоанновнѣ. Нѣкоторые незамѣтно исчезли из голубого зала.

Императрица Екатерина Алексѣевна очень ему понравилась и по внѣшности, и по манерѣ. Неизвѣстный Миниху придворный, об'явившій об ея выходѣ, представил царицѣ фельдмаршала. Она удивленно на него взглянула: очевидно, не знала, что он в столицѣ, и заговорила с ним чрезвычайно любезно (говорила по-русски с сильным нѣмецким акцентом и неправильно). Упомянула о прошлом графа, назвав его побѣду при Ставучанах: помнила даже это трудное названіе, и это было ему пріятно. Он выразил удивленіе: битва при Ставучанах, вѣдь это теперь почти то же, что битва на Куликовом полѣ! Государыня ласково улыбнулась. Выяснилось, что она помнит и другіе его дѣла и планы (сказала: “ваши великіе дѣла и помыслы”): взрыв днѣпровских порогов, выход в Черное море, захват Стамбула. Знала даже, что он в молодости участвовал в кампаніи герцога Мальборо, и назвала год, хоть с ошибкой, но близко к истинѣ. Оба они посмѣялись, подсчитав, что это было больше шестидесяти лѣтъ тому назад. Миних сказал по этому случаю мадригал в старинном, нѣсколько вольном вкусѣ. Но к мадригалу императрица отнеслась холодно, — Анна Іоанновна, Анна Леопольдовна приняли бы его лучше, а Елисавета Петровна была бы в восторгѣ. Он говорил с императрицей довольно долго и ласково - нѣжно, как с умной хорошенькой дѣвочкой, хотя она собственно была уж не так юна. Повидимому, и ей было пріятно разговаривать с ним: в залѣ почти всѣ явно ея избѣгали. Как старый придворный челоѣкъ, граф Миних не мог этого не замѣтить. Он слышал, что отношенія между императором и императрицей не очень хороши, но не думал, что императрица в такой опалѣ.

Вскорѣ послѣ перваго куртага Миних был назначен на разныя должности, довольно значительныя и почетныя, но

совершенно его не удовлетворявшія. Ему поручено было вѣдать каналами, и по одной этой службѣ дѣла было столько, что хватило бы людям гораздо его моложе. Он взялся за работу очень горячо, ѣздил по каналам, составлял новые проекты, писал и представлял про мемори. От его трудов была несомнѣнная польза, однако, радости было не так много. Работа на каналах кое-как шла и без него (хоть при нем пошла успѣшнѣе и быстрѣе), и у всѣх своих подчиненных он чувствовал скрытую мысль, что за мѣсяц или за год ничего сдѣлать нельзя, а за десять лѣтъ или за пятьдесят все сдѣлается само собой, — незачѣм, стало быть, проявлять особенное рвеніе.

Это было то самое, с чѣм он, как и Петр Великій, боролся в Россіи всю жизнь. Но теперь бороться с этим было особенно трудно, так как Петр давным давно умер, а сам он полной власти не имѣл: все надо было представлять в комиссіи, затѣм на апробацію. Между тѣм на верхах то же чувство — торопиться некуда и незачѣм, поспѣшишь людей насмѣшишь — сказывалось еще сильнѣе, чѣм внизу. Его новые проекты требовали вдобавок больших денег, которых ему давать не хотѣли и не могли: казна, послѣ долгой войны с Пруссіей, была пуста. Вліятельные люди, которых он утомлял и раздражал своей энергіей, ворчали, что сумасшедшій старик попрежнему воображает себя первым министром Анны Леопольдовны и полным хозяином Россіи.

Из этих вліятельных людей никто не внушал графу Миниху большого уваженія. В борьбѣ партіи и клеотур ему было трудно разобраться: он все-таки жил мысленно в до-пелымском мірѣ. Послѣ первых бесѣд с царем Миних с ясностью убѣдился, что от Петра Федоровича ждать нечего. Он не был ни зол, ни жесток, — был гораздо добрѣе Петра Великаго, да, быть может, и царствовавших за Петром женщин. Но Россіей он совершенно не интересовался, будучи воспитан в надеждѣ на занятіе шведскаго престола, не считал себя русским, из двух своих зна-

менитых дѣдов предпочитал не Петра, а Карла XII, по натурѣ своей серьезных дѣл не любил и заниматься ими не хотѣл.

Не получив должности перваго министра, Миних удовлетворился бы постом главнокомандующаго арміей, особенно в случаѣ настоящей, серьезной войны: ему хотѣлось помѣряться с прусским королем, военные таланты котораго гремѣли по всему міру. Но с Пруссіей война кончилась тотчас по вступленіи на престол благоговѣвшаго перед Фридрихом царя. вмѣсто этого намѣчалась война с Даніей. С ней Петр III враждовал из за шлезвигских владѣній, как голштинскій принц. Он сам об этом сообщил графу Миниху. Фельдмаршал слушал, вытаращив глаза: не считает же царь все-таки Россію придатком к голштинскому герцогству? Пытался об'яснить, что в отношеніи русскаго интереса такая война совершенно бессмысленна, что она не может дать ни выгоды, ни славы. Царь слушал с тѣм же веселым восхищеніем: нѣтъ, вѣдь девятый десяток, и еще не разсыпался!

Постоянно бывая при дворѣ, Миних с изумленіем убѣждался, что во дворцѣ говорят об императорѣ в духѣ весьма вольном и непріязненном. Люди, почти не понижая голоса, рассказывали, что Петр Федорович называет Россію проклятой страной, что он нисколько не чтит православною вѣры, что он в придворной церкви принимает иностранных министров, громко с ними разговаривает и смѣется во время богослуженія, что он носит на рукѣ кольцо, подаренное ему Фридрихом, цѣлует публично бюст прусскаго короля, говорит: “воля короля Фридриха для меня Божья воля”, что он намѣрен перевести Россію в люторство и собирается устроить во дворцѣ люторскую молельню.

Миних прекрасно понимал, что далеко не все в этих рассказах вѣрно. Знал, что такіе рассказы всегда пускаются врагами о царях и правителях; он сам когда-то распускал, хоть и с большим основаніем, такіе слухи о Биронѣ; да

и о нем самом то же или почти то же — разумѣется, без всякаго основанія, — говорили погубившіе его враги. Но беспокоило Миниха, что рассказы эти передавались почти открыто во дворцѣ, в двух шагах от царя. Особенно недовольны были гвардейскіе офицеры — и спѣшным, постыдным окончаніем войны, ничего не давшей, несмотря на побѣды и на занятіе Берлина, и тѣм, что гвардію переодѣли в некрасивыя прусскіе мундиры, и тѣм, что царь приказал экзерцироваться, как у Фридриха, по утрам каждый день, какая бы ни была погода. Миних понял, что новое царствованіе начинается худо и, вѣроятно, не кончится добром. Он знал, по долгому своему опыту, особенно послѣ двадцати пелымских лѣтъ, что нелюбовь народа сносить вполнѣ возможно; народ к столичным событіям довольно равнодушен, — хоть десятилѣтіями ворчал: “какое житье за бабой?” Однако, с придворными и особенно с гвардіей шутить никак не приходилось.

Граф Миних всегда думал, что власть, желающая держаться прочно, должна внушать людям либо любовное уваженіе, либо сильнѣйшій страх; лучше всего, разумѣется, и то, и другое одновременно, — этого, впрочем, он никогда нигдѣ не наблюдал, ни во Франціи при Людовикѣ ХІУ, ни в Россіи при Петрѣ І. Теперь в Санкт-Петербургѣ не было к власти ни любви, ни уваженія, ни страха, и ему казалось, что переворот вполнѣ возможен и даже весьма вѣроятен. Чутье говорило Миниху, что переворот этот всего легче произвести во имя русскаго національнаго духа, с отказом от союза с Пруссіей, от датской войны, с замѣной голштинских солдат русской гвардіей. Но он не видѣлъ, кто же и ради кого может пойти на такое дѣло. Русское потомство Петра Великаго пресѣклось. Не Брауншвейгскій же дом? Не эта же милая молодая царица, рожденная ангальт - цербстской принцессой, плохо говорящая по-русски, станет воплощеніем русскаго народнаго начала? И, разумѣется, как иностранец, совершенно не подходил для подобной перемѣны и он сам.

Разумѣется ли? Иногда по ночам Миних думал (спал теперь гораздо хуже, чѣм в Пелымѣ), что двадцать лѣтъ тому назад поставил свою ставку ошибочно: надо было войти в соглашеніе с Елисаветой Петровной, а он согласился с Анной Леопольдовной, — вдруг ту же ошибку повторяет и теперь? Миних говорил себѣ, что не может быть рѣчи об измѣнѣ царю, вернувшему его из ссылки. Но сам же отвѣчал, что в подобных случаях об измѣнѣ говорить не приходится: как быть, если Петр Федорович оказался таким человѣком? С усмѣшкой вспоминал: его с юных лѣтъ в чужих землях считали кондотьером. Вспоминал тоже с усмѣшкой, что московскій іерарх, фамилію котораго он забыл, когда-то называл его “птицей человѣкоядом” и “дьявольским эмиссаріем”... И самыя странныя мысли приходили в безсонныя ночи графу Миниху.

Имущественное его положеніе было довольно неясное. Подаренный царем дом был очень хорош, но жалованія на жизнь не хватало. Шел запутанный спор с новыми владѣльцами о конфискованных когда-то имѣніях, — особенно о Вартенбергском владѣніи, — тут, послѣ разных перемѣн и конфискацій, справедливѣйшій на землѣ человѣкъ едва ли мог бы сказать, кому оно теперь должно принадлежать и по закону, и тѣм болѣе по правдѣ. Миних жил открытым домом, но гостей принимал не каждый день, как богатые русскіе бары, а в опредѣленные дни и с разбором; кухня в его домѣ была не тяжелая, чрезмѣрно - обильная, а тонкая, французская; вина к обѣду были французскія или иностранный эльбир. Мужчинам подавали турецкій курительный табак, а дамам еще довольно рѣдкій чекулат. Гости чувствовали себя в его домѣ как в гостях у большого европейскаго вельможи. И только жена графа Миниха блѣднѣла и вздрагивала всякій раз, когда по вечерам раздавался стук в дверь.

М. Алданов

(Окончаніе слѣдует)

ДѢТСТВО

Самое главное в моем дѣтствѣ, мой первый дальній выѣзд, — не пытаюсь объяснить, почему в нем нѣтъ нужной отчетливости? Мнѣ кажется, что мы дважды были с отцом в Уфѣ, на протяженіи двух - трех лѣтъ; но иногда память увѣряет меня, что он умер в первую поѣздку, едва увидав свой родной город. Все равно: он не повез меня в наше имѣнье, о котором много мнѣ рассказывал. И тогда, и теперь в моем представленіи всѣ эти любимыя отцовскія мѣста стали картинами из дѣтских лѣтъ Багрова внука, знакомыми мнѣ до мелочей. Каждый сам создает свой рай, и мой был создан в полном согласіи со страницами Аксакова, — но с прибавкой и своего, ранѣе облюбованнаго и возведеннаго в святость. В Каму влилась Бѣлая, в Бѣлую Дема, а к елям, пихтам и прозрачной аскетической лиственницѣ прибавились необычайно могучіе буки и вязы оренбургскаго и уфимскаго края. Я так вчитался в “Семейную хронику”, что не всегда мог сказать, что случилось со мною и что с тѣм мальчиком, родившимся при Екатеринѣ, который лишь на 65-м году жизни стал писателем и день за днем записал впечатлѣнія ранняго дѣтства. Мой отец казался мнѣ милым добряком, женатым на блестящей уфимской красавицѣ, молчаливо страдавшей в степной глуши и давшей мнѣ жизнь. С ними я, еще ни разу не побывав дальше деревни Загарья, уже давно мысленно совершил всѣ дальнія поѣздки, из Симбирской вотчины в угодыя и приволья башкирцев Уфимскаго намѣстничества, из Казани в новое Багрово, с переправой на “посудѣ” через Каму повыше Шурана, ло-

шадями на Татарскій Байтуган. Я помнил имена мѣстечек, гдѣ такой же, как я, мальчик гуливал или уживал рыбу, — Антошкины мостки, Малую и Большую Урему, Потаенный Колок и Кивацкій пруд, и когда я дѣйствительно увидал Уфу и закинул удочку в воды Демы, — все это было мнѣ давно знакомым и родным, и я не удивился, когда отец повез меня показать своим родственникам, и их фамиліи оказались хорошо мнѣ извѣстными по аксаковской книгѣ. Мнѣ особенно было памятно и пріятно, когда погладили меня по головѣ старики Нагаткины, потомки тѣх, которые с такой лаской отнеслись ко всѣм затравленной матери Багрова внука, — но мнѣ они, конечно, казались тѣми самыми, все еще живыми и попрежнему добрыми, а когда я вел подручку к столу крошечную сгорбленную старостью мою родную бабушку, родом Осоргину, фамилія которой позже присоединилась к моей родовой, — я помнил, на каких страницах любимой книги встрѣчалась мнѣ эта фамилія, как и фамилія моего отца.

По Камѣ мыплыли ранней весной, когда с двух берегов доносились соловьиные хоры, — но и в хорѣ каждый соловей пѣл свое и для себя. В Пьяном Бору, гдѣ пересадка на Бѣлую, пробыли сутки на пристани, ожидая бѣльскій пароход. Здѣсь, опять как “тот мальчик”, я с увлеченіем ловил рыбу, бросавшуюся цѣлой толпой на едва задѣвшую поверхность воды наживку, передо мной на много верст разстилалась гладь изумительной Камы, а на крутом берегу гудѣл бор. На рѣкѣ Бѣлой даже в эту пору были песчаные перекаты, и, пока облегчали и перетаскивали пароход, мы с отцом проходили цѣлыя версты берегом, гдѣ я десятком дѣтских об’ятій вымѣрял толщину древесных стволов, — у нас, в лѣсах хвойных, таких гигантов не было. В Уфѣ нас ждала цвѣтущая сирень, которою был напоен воздух по теченію рѣки. Отец был счастлив и показывал мнѣ, потерявшемуся от новых впечатлѣній, все, что он любил и знал, и теперь все это я также знал и любил по настоящему, а не только по книжкѣ. Но все-таки в дѣтском

моем сознаниі так спутались картины этого перваго путешествія, что я вижу себя только урывками, не отдавая себѣ полнаго отчета, в какой прїѣзд я видѣл это и этих, и в какой — то и тѣх. Мелькнул и исчез старый дом моей бабушки, гдѣ мы, вѣроятно, жили, и на смѣну ему вырос дом новый, гдѣ жили семьи моих теток, и гдѣ отец, простудившійся еще в дорогѣ, скончался так внезапно, что вызванная телеграммой моя мать прямо с парохода проѣхала на кладбище. Тут в страницы моей жизни впутываются черныя, невнятные строки, сначала шопот и хождение на цыпочках, потом в большой комнатѣ постель, около которой я сижу на стулѣ с книгой, не зная о важности подошедшей минуты, потом кто-то говорит мнѣ на ухо: “оставь книгу, посмотри!”, — и мои глаза встрѣчаются с глазами отца, с послѣдним, что в нем осталось живого, и дальше память моя опять теряется в мути и кошмарѣ тѣх дней. Я просыпаюсь и вижу, как на постели, уже пустой и накрытой одѣялом, вдруг приподымается и садится бѣлая фигура, я кричу от страха, и из сосѣдней комнаты вбѣгает моя кузина, — постель снова пуста, а из отворенной двери доносится монотонное чтенье. Я опять засыпаю, и на утро комнаты наполняются людьми, мнѣ незнакомыми, много людей на обширном дворѣ, и каждый человѣкъ подходит ко мнѣ, гладит по головѣ или что-то говорит, и я знаю, что это потому, что умер мой отец, но мое горе и страх мой подавлены торжественностью, так что я уже не мальчик, а взрослый человѣкъ, центр общаго вниманія, и это заставляет меня держаться с нѣкоторой важностью. Подходит ко мнѣ сѣдой строгій человѣкъ в черном сюртукѣ, степенно кланяется, как взрослому, подает мнѣ руку и говорит, что он знал моего покойнаго отца еще маленьким, как вот я сейчас, и что если моя мать и сам я согласимся (он говорит со мной на “вы”), то он готов быть мнѣ отцом, дѣдом и опекуном. Я расшаркиваюсь, как меня учили, и мнѣ кажется, что все это из книжки, во всяком случаѣ не совсѣм настоящее, как и все, что кругом происходит. Того же страннаго стараго че-

ловѣка я вижу позже в разговорѣ с моей матерью; она не может удержать слез и только отрицательно качает головой, а он тихо ее убѣждает и смотрит очень добрыми глазами. Потом мать обнимает меня и громко спрашивает: “Развѣ ты хотѣл бы разстаться со мной? Ты хотѣл бы быть богатым?” — Я рыдаю, жмусь к матери и ненавижу добраго человѣка и в то же время продолжаю думать, что это из книги, которую я читал, — но не помню, из какой, и тогда старик почтительно цѣлует матери руку и уходит. Все это обрывки памяти, которая проясняется только с тѣх дней, когда я оказываюсь в кругу множества моих кузин и кузенов, молодых и веселых, школьников и студентов, гораздо старше меня и все-таки моих близких друзей. Мать уѣхала, оставив меня в Уфѣ до конца лѣта. Я кажусь себѣ гораздо болѣе взрослым, и моя лѣтняя жизнь проходит между чтеніем и веселыми прогулками пѣшком и на лодках. И вот тут с необычайной ясностью я вижу огромный костер на берегу рѣки Демы — ночь, огненные дуги бросаемых с берега в темную воду головешек, хоровое пѣнье, смѣх и прекрасное лицо кузины Манечки, в которую я откровенно влюблен и от которой не отхожу ни на шаг. У нея голубые глаза и прекрасные каштановые шелковые волосы. И вообще я счастлив.

Такой, то жуткой, то сладкой и радостной мути и яви полны мои уфимскія воспоминанья, в которых я никогда не разберусь, да и не хочу разбираться. Полудѣйствительныя, они вразброд, цвѣтными пятнами, развѣшаны в картинной галлерее, куда я иногда убѣгаю от ясных и разливанных, аккуратненьких записей взрослой жизни. Они — как цвѣтные шарики, подбрасываемые опытной рукой и мелькающіе в воздухѣ скрещеніем забавных дуг, как переводныя картинки, наляпанныя в дѣтском альбомѣ по системѣ, понятной только собственнику. Я не люблю калейдоскопа: в нем стеклышки располагаются с обязательством строгой симметріи; много пріятнѣе коробка с разнообразными по величинѣ и окраскѣ, по ободкам, по количеству

дырок — пуговицами, костяными и перламутровыми, желѣзными и обтянутыми матеріей, пухлым шариком и сплющенной монеткой; и каждая пуговица — часть портрета того, на чьей одѣжѣ она была или будет пришита. Рѣка Бѣлая — дѣйствительно бѣлая, хотя и течет в зеленых берегах. А на Демѣ, в самом устьѣ, лѣтом застревают в пескѣ и тинѣ огромныя коряги; в лунную ночь мы высаживались на них с лодки и располагались в живописных группах — по шесть - семь человек на одной корягѣ. Отмахнув рукой эту ночную живопись, я в узкой и черной лодкѣ с уютным балдахином подѣзжаю беззвучно к разукрашенной цвѣтными фонариками небольшой баркѣ, в центрѣ которой стоит пианино, и, между пьщеттой и островом св. Георгія слушаю затасканную, но в этой обстановкѣ всегда свѣжую серенатину, пока гондольер вертит свою сигаретку; потом мы отплывем от слишком сладких звуков в глубины и отвѣтвленія большого венеціанскаго канала, потому что сегодня хочется чувствовать себя беззаботными туристами. Поѣзд пролетает над блюдами и глубокими чашками норвежских сладких вод, и горный поток сталкивает в них завернутыя в кружевную пѣну стволы строевого лѣса — трубочки со сливками в водѣ червленой стали. По лѣсному озеру в верховьях Камы мы стараемся не плескать громко веслами лодки, а за нами тянется крѣпкая бичева с оловянной ложкой, к которой припаян стальной крючок, и схватившая его непуганая рыба дергает с такой силой, что лодка вздрагивает от удара. Послѣдними взмахами покраснѣвших от холодной натуги рук мы кидаем тѣло к скалистому берегу, к знакомому уступу, который то выныривает, то скрывается под водой, и если удалось схватиться, — прибой уже не сбросит обратно в волны, а и сбросит — не бѣда, только понадобятся еще усилія в игрѣ голубыми водами Средиземнаго моря, ставшаго привѣтливым послѣ стольких лѣт знакомства. И вот, отфыркиваясь и стараясь откинуть налипшіе на глаза волосы, я карабкаюсь

на бережок узкой, но глубокой рѣченки в Звенигородском уѣздѣ, таща пойманную щуку за леску, которую пришлось отцѣпить от путаницы корней на самом днѣ, — а ради этого как не броситься в воду уже взрослому человѣку во всем рыболовном нарядѣ, дорожа минутой и добычей. Это не я швыряюсь — это жизнь швыряется картинами, навороченными ею, чтобы не о чем было жалѣть, когда часы начнут бить полночь и склонится фитиль оплывшей свѣчи. Он всегда со мной, альбом памяти, образов и выдумок. В окно его перваго прочнаго листа вставлен дагеротип на серебряной пластинкѣ, но я не могу разобрать черт лица и не помню, кто на нем изображен. Дальше прозрачной бумагой заклеен карандашный портрет дѣда по отцу, бритаго, в татарской ермолкѣ, халатѣ и с длинным чубуком, — может быть потому я и люблю татар, что считал татаринном своего дѣда, хотя он был стариннѣйшаго русскаго рода, гораздо болѣе стараго, чѣм бабушкин. Еще дальше — ряд выцвѣтших фотографій, много раз показанных мнѣ в дѣтствѣ с непремѣнным повтореніем: “это папа, а это папа с мамой, а это мамы папа и мама”. На пластинкѣ слоновой кости изображена красками дѣвочка с перетянутой таліей, и тот же самый портрет я вижу на обложкѣ книги, изданной о “вещах человѣка” и написанной там же и тою же рукой, которая пишет сейчас эти строки. Постепенно свѣжѣет бумага фотографій, и лица становятся яснѣе, кринолины смѣняются турнюрами и плечевыми буфами, мужскіе галстуки бантом — вытягиваются и прячут концы за вырѣз жилета, появляются мундирчики школьников и фартучки гимназисток, попадаютъ чаще люди в очках и пенснѣ, снятые не в рост, как старались сниматься прежде, а лишь по пояс, и далекое прошлое через вчерашнее дѣлается близким и настоящим. И по мѣрѣ того, как я листаю альбом (или десять, или сто альбомов), мнѣ дѣлается дороже прошлое, в котором так путаются лица и так много глубоких провалов, — чѣм безупречныя отмѣтины настоящаго, разгвѣвагося барином на примятых и намученных плечах. Я

перевожу стрѣлку часов на вчерашній полдень, думая этим обмануть время. Я перестал любить жизнь, — это звучит трагически и актерски, но я дѣйствительно перестал ее любить, и причин слишком много, чтобы их перечислять; главная из них — необратимость дѣтских моих воспоминаній к имѣющим уши слышать: двери на засовѣ и обиты войлоком. Но я слишком горд, чтобы подавать жалобу в тюремное окошко.

В моих дѣтских воспоминаніях отец и мать заслоняют сестер и брата; вѣроятно потому, что я был на десять лѣтъ моложе брата и на четыре — младшей сестры; между мною и ими была пустота, образованная смертью двухлѣтняго Вани, и я был слишком маленьким для их компаніи. Много соединило нас позже, уже в годы взрослости, но и это оборвалось на перекресткѣ дорог: моя увела меня на запад. Я помню в дѣтствѣ только крашеный пол нашей залы, посыпанный тальком, чтобы лучше скользили ноги танцующих: два раза в зиму у нас собиралась гимназическая молодежь. Но я лишь болтался под ногами — меня укладывали рано спать. Ни тѣни зависти к старшим — мой мір был особым и чуждым шума: книжки, столярные и слесарные инструменты, пересадка растений под руководством отца, строительство замков ребяческой фантазіи. Только одно было общим для нас всѣх: мелодія пѣнья. Отец, если не был занят своими бумагами, измышлял какое-нибудь рукодѣлье (иногда сложное: мы с ним заново обивали мебель, дѣлали рамки для картин, чинили замки, мастерили рѣзные шкапчики), — и неизмѣнно что-нибудь напѣвал. Мать, занимаясь хозяйством, пріятным голосом пѣла романсы, иногда по польски (она воспитывалась в Варшавѣ). Брат был по настоящему музыкален, немного играл на роялѣ и обладал прекрасным баритоном при абсолютном слухѣ; любили пѣть и сестры — по преимуществу что-нибудь чувствительное или русскія пѣсни. Не отставал и я, легко схватывая мотивы из опер или старинныя пѣсни, теперь уже всѣми забытыя, про Ваньку-ключника, злого разлуч-

ника, или про то, как “прогремѣла труба, повалила толпа”, и как палач, блеснув топором, показал толпѣ “ту головушку неповинную”, — не знаю, почему у нас в таком ходу были пѣсни арестантскія и революціонныя восьмидесятых годов; может быть потому, что в нашем городѣ жило не мало ссыльных, и от него начинался этапный сибирскій путь. Мой репертуар вольных — как говорили тогда — пѣсен пополнился краткой уфимскою жизнью, гдѣ мои старшія кухни были стрижеными, и на берегу Демы распѣвались студенческія пѣсни; там я впервые был поражен перекличкой “Слушай!” в знаменитой тюремной пѣснѣ “Как дѣло измѣны, как совѣсть тирана, осенняя ночка темна”, — ея любил пѣть и мой отец, чиновник и член уголовного суда. Я думаю, что не словами, а звуками была вспахана во мнѣ почва для будущих благодатных всходов (благодатных — это совсѣм серьезно!), вызрѣвших позже в тюрьмах, в ссылках, при всѣх режимах и всѣх обстоятельствах — и так до сего дня; как обидно, что сей день — уже закатный! Если бы можно было повторять путь пройденный, — я повторил бы его без колебаній, не потому, что он хорош, а потому, что иного перед нами не было, и неизбежною своею он до конца оправдан. Голосом старческим пѣвала и моя няня, Евдокія Петровна, — про стоявшую во полѣ березыньку и про не бѣлы-то снѣги, только на свой лад и своим мотивом. Отчасти эта ея музыкальность была причиною того, что я, еще четырехлѣтним, собирался на ней жениться, но получил отказ и ломтик арбуза, с правом проглотить косточки. В третьем классѣ гимназіи я завел гармонію и играл на ней, как виртуоз, с таким дрожаніем звуков, что младшая сестра даже плакала: она очень любила вальс “Невозвратное время”. Но меня не учили музыкѣ, так как нѣсколько хромала моя латынь.

Время, конечно, невозвратное, но плакать не о чем. Внезапно, по смерти отца, наша семейная жизнь свернулась: исчез зимній сад, комнаты стали маленькими. Брат был казанским студентом, двѣ сестры вышли замуж и уѣха-

ли. Их жизни не входят в эту повѣсть о самом себѣ. Не связанный хроникой, я крутым поворотом возвращаюсь к первым дням гимназической учебы, к фуражкѣ с огромной тульей и гербом, к ранцу с бѣло - желтыми разводами толи оленьей, толи коровьей стриженной шкуры, к длинному на рост пальто, в полах котораго путались ноги, к грубой шерсти башлыку, который у маленьких напяливался на фуражку, у старших, в сложенном видѣ, защищал только уши, а у семиклассных и восьмиклассных стариков замѣнялся бѣлым, кокетливым и красивым, треугольно опускавшимся на спину, а концы висѣли спереди свободно, — немалая вольность. Ноги зимой в глубоких резиновых калошах, хотя и в них пальцы зябли, не то что в валенках, не полагававшихся по формѣ. И хотя нас рядили солдатиками, — сальной пуговкой, как звали нас уличные мальчишки, — и хотя обучали военной гимнастикѣ и сдваиванью рядов, но зато не соблазняли сознания позднѣйшей бойскаутской дребеденью, нашивками, знаменами, дисциплиной и девизом “Будь готов”, — может быть просто по глубоко-штатской провинціальной лѣни. Всѣ мы, школьники, наши родители, наши учителя, — вся страна знала, что гимназія есть необходимое зло, что в ней усердно преподается то, что не нужно и не будет нужно, и опускается все то, что может понадобиться в жизни. Мы обламывали зубы о латинскіе и греческіе орѣхи, склоняли, спрягали, учили назубок исключенія, старались запомнить, сколько легионов отправлено Цезарем туда - то, и как протекали анабазис и катабазис, мы навсегда отпечатывали в мозгу пифагоровы штаны, генеалогію прародителей, призваніе варягов, происшествія в семействѣ Романовых, мысы, носы, полуостровы и проливы, стрекозу и муравья, с одинаковым усердіем затверживали “андра мой эннепе”, “не лѣпо ли ны бяшетъ” и слова с буквой ять, — но, окруженные почти дѣвственными лѣсами, не обязывались отличать злака от овощей и слизняков от млекопитающих: естествознаніе было изъято из гимназической программы, за исключеніем легенды о

земных тварях, по парно втиснутых Ноем в его достопамятный ковчег. В нашем “физическом кабинетѣ”, гдѣ мнѣ довелось побывать лишь раз, вращался стеклянный круг перед площадкой, сѣв на которую можно было ощущать, как дыбом поднимаются на головѣ волосы: граница наших физических познаній. В изученіи россійской словесности мы были прочно прихлопнуты крышкой гоголевской Коробочки, зная по слухам, что Гончарова звали Иваном Александровичем, а Кольцов был прасолом. Затѣм нас отправляли по университетам. Но было во всем этом одно преимущество: полное сознаніе, что гимназія не способна ничему научить, и что, поэтому, каждый, не желающій остаться неучем, должен учиться сам, не считаясь с программами и не обращаясь за совѣтом к протухлым и спившимся с круга учителям. А когда к нам ненароком попал в учителя греческаго языка будущій профессор исторіи Николай Рожков, выражавшійся членораздѣльно, — мы приняли корельскую березу марксистскаго лба за подлинныя сократовы шишки, — и не малая часть его учеников увѣровала в прусскаго бородатаго бога.

Мнѣ было не трудно учиться; поступая в первый класс гимназіи, я уже знал начала латинской грамматики, так как был подготовлен матерью. Но к одному не мог быть подготовленным в семьѣ: к безсмыслицѣ гимназическаго преподаванія, и она была для меня источником великих страданій. Я легко рѣшал арифметическія задачи с многозначными числами, но столбенѣл и терялся, если в их условіи говорилось, на примѣр, о крестьянинѣ, купившем кусок шелковой матеріи в 427 аршин и 3 вершка, по 4 рубля 81 копейка за аршин, из которых 1 аршин 17 вершков он истратил на кафтан, 221 аршин 1 вершок на юбку жены и остаток обмѣнял на овес, приплатив 11 копеек, — сколько пудов овса он получил, если пуд стоит 53 рубля 20 копеек? Я приставал к матери с вопросами, зачѣм крестьянин шил кафтан из шелка, и почему так много пошло на юбку? Она старалась убѣдить меня, что это только так, для трудно-

сти, и что крестьянин тут ни при чем, а нужно просто вычесть кафтан и юбку из куска, помножить на стоимость аршина и раздѣлить на стоимость овса, — но я так не мог, мнѣ мѣшало лицо крестьянина, хозяина нашей дачи в деревнѣ Загарьѣ, зимой носившаго мѣховую шапку, и я не мог представить себѣ его жену в такой огромной шелковой юбкѣ. Когда же мы заучивали наизусть — Авраам роди Исаака, Исаак роди Иакова, Иаков роди Иуду и братьев его, Иуда роди Фареса и Зару от Фамари, — никак я не мог проникнуться святостью евангелія от Матфея, так как невольно представлял себѣ нашу кошку, котят которой дворник трижды в год уносил топить. Я был очень способным дома, когда мать готовила меня к поступленію в гимназію, тѣм болѣе, что присутствовал при ея уроках со старшими дѣтьми, многое запоминал и послѣ воспринимал легко; но гимназія не только убивала всякую жажду знанія, но и развивала тупость воспріятій. Помню, как однажды, не одолѣвъ какой-то юбки в 200 аршин и зубрежки грамматических исключеній, я почувствовал себя глубоко несчастным, заживо замученным и осужденным на гибель человѣчком, лег на пол, разрыдался и так заснул. Я лежал в той ямѣ, гдѣ арестант высосал корову, и боялся поднять голову, так как меня преслѣдовали Иуда и братья его и хотѣли заставить писать мѣлом на черной доскѣ, и это были древляне, которые привязали к верхушкам деревьев Святополка Окаяннаго за то, что он не рѣшил задачи, и теперь хотѣли так же разорвать и меня. Лежать было очень холодно, лодку качало, под голову забралась скользкая рыба, пальцы мои были перемазаны в чернилах, и я стал тоненьким голосом звать мать, а громче крикнуть никак не мог, что — то застряло в горлѣ. Вдруг стало хорошо, точно пригрѣло солнцем, мать подняла меня, довела до постели, и я опять заснул крѣпко, сладко и без страшных снов. Послѣ этого нѣсколько дней меня не пускали в гимназію и не заставляли учить уроки, — и этих дней было достаточно, чтобы вдруг все стало гораздо проще, Фарес и Зара прочно утвер-

дились в памяти, а святая Ольга мнѣ даже понравилась своей замѣчательной хитростью, и я перешел во второй класс с похвальным листом. Вглядываясь в даль жизни, я вижу себя в Неаполѣ очень жарким лѣтом, в дрянном отеле. Я пріѣхал по дѣлу, но еще в поѣздѣ почувствовал страшную головную боль, свалившую меня в постель. Со мной не было никаких лѣкарств, и не было сил поднять голову, встать и позвонить. Мигрень дошла до такой степени, что я, навалив на голову подушки, выгнулъ тѣло, напрягся и старался воткнуть голову в твердый тюфяк. Думать ни о чем не мог, но весь был проникнут ощущеніем своего одиночества и грядущей гибели, глухо рычал в подушки и боялся переменить положеніе. Потом на какое-то время я потерял сознание, а когда очнулся, боль сразу ослабѣла и еще через нѣсколько минут совсѣм прошла. Я встал с осторожностью и боязнью, увидал, что за окном уже темнѣет, почувствовал голод, — и этот вечер в Неаполѣ был самым пріятным и очаровательным за мое долгое знакомство с нелѣпнѣйшим из итальянских городов. Было поздно итти по дѣлам, знакомых не было, я поднялся финикулэром на Вомеро, дошел до монастыря Камальдоли и смотрѣлъ оттуда на неаполитанскій залив и на город. Я совсѣм не был одинок — всюду горѣли огни, зажженные людьми, меня окружал живой мір необыкновенной красоты, и уже в полной темнотѣ я угадывал знакомыя очертанія берегов, городков и двугорбаго Везувія. Радостно изучаясь своему блаженному состоянію, я уголком мозга вспомнил такой же странный переход от ужаса и кошмара к покою и ясности, — это было связано с муками гимнастика и как будто пригрезившейся материнской лаской. И когда в Москвѣ я лежал на заплеванном полу всероссійской чеки, в так называемой конторѣ Аванесова, ожидая отвода для меня и других болѣе уютнаго помѣщенія, была минута, когда мнѣ хотѣлось умереть от отвращенія к глупому обезьяньему міру; увидав доску, лежавшую под на-

рами, на которых мнѣ не нашлось мѣста, я подложил ее под голову, заснул, а через полчаса уже улыбался, когда дородный сытый латыш, разводившій нас по камерам, на ломаном языкѣ назвал “несознательными буржуями” меня и моего товарища, подѣливших годы своей молодости между тюрьмами и эмиграціей. Нужно только немножко отдыха, немножко отдыха, — и опять можно жить и даже смѣяться. Если бы, падая с отвѣсной скалы, мнѣ удалось уцѣпиться за вѣтвь дерева, над ней нависшаго, и тѣм отсрочить гибель, — я бы, думается, нашел время полюбоваться прекрасным видом на окрестности. Почему же жизнь не дает нам больше таких передышек? К концу учебнаго года, утомленные нелѣпостями и зубрежкой слов, имен, правил и формул, пропитанные дрянным воздухом гимназій, мы держали еще экзамены, проигрывая весну и лучшее молодое солнце; и все-же наступал, наконец, день, когда Малинины, Буренины и Евтушевскіе, негодуя и раскорячившись, летѣли под стол или рвались в клочья, и мы кубарями скатывались с обрыва к рѣкѣ и до красна обжигались на безпощадном солнцѣ. Только три мѣсяца каникул и были подлинной жизнью; остальное время — бездарным и злым издѣвательством над маленькими будущими людьми. Поразительная страна! Ея тюрьмы были образцовыми школами, разсадниками не только сознательности, но и образованія; ея среднія школы — во всяком случаѣ в провинціи — были подлинными тюрьмами, с восьмиклассной пенитенціарной системой. Какое плодородіе почвы и какая крѣпость духа потребовались, чтобы эта страна, вздрогнув и потряся весь мір, — не надорвала себѣ сердца!

Я не присягал на вѣрность послѣдовательной строчкѣ, не будучи ни отрывным календарем, ни зингеровской машинкой. Наш мозг не фильма, а свѣточувствительный песок, и я, взяв горсть, пропускаю его струйки между пальцами. Вспомните, что вы на-днях видѣли во снѣ: школьную парту, невыученный урок. Я видѣл рѣчку Егошиху, хотя

она, может быть, давно высохла, и только линия смородинных кустов напоминает, что тут была влага. Мы были усталыми старичками на уроках географіи, мы стали малыми дѣтьми в политических спорах. Дѣтство не возраст, а настроеніе. Послѣ десяти лѣт блужданій по пятнадцати странам Европы, я под'ѣзжал на пароходѣ к городу, в котором родился. У самага города через Каму был переброшен оскорбительный мост. Там, гдѣ была рощица, а послѣ—фабрика, из казарменных зданій вырос университет, на открытіе котораго я пріѣхал. Молодые люди подбѣдили виски и важничали ревматизмами. Говорившій привѣтственную рѣчь столичный профессор повернулся на каблуках к всемилостивѣйшему портрету, волею котораго вспыхнуло на крутом берегу высокое просвѣщеніе; впрочем, он воздал честь и мѣстному богачу, давшему на благое дѣло свой дом и свои деньги, как раньше он охотно жертвовал на организацию революціоннаго террора; я знавал его молодым — теперь он был сѣд, но очень бодр. Он не вѣрил ни в сон, ни в чох, ни в птичій грай, но ему нравилась сибирская вольность; через хребет Урала ея избытки перекатывались сюда. Старый терапевт, лѣчившій и меня в раннем дѣтствѣ, показал мнѣ сокровища археологическаго музея, собранныя его любовью и стараніем: и сассанидскія блюда, и клыки мамонта. С земским дѣятелем мы вспомнили, как чествовали в клубѣ заѣзжаго Михайловскаго, котораго никто из чествовавших никогда не читал, но это не препятствовало уваженію: человѣка преслѣдовали, значит его нужно было почтить. Университет был открыт — тому доказательство кучка безусых студентов, еще не вкусивших храма науки. И тогда я отправился бродить по городу, улиц котораго не узнавал, но отмѣчал в памяти низенькіе, еще не перестроенные дома. Тут, против театра, на площади, раньше казавшейся мнѣ огромной, устраивался зимой каток. Губы гарнизонных музыкантов прилипали на морозѣ к мѣдным трубам, у мальчиков, бѣгавших “гигантским шагом”, свистал пар из обѣих ноздрей. Я тоже умѣл выдѣ-

лывать на льду фигуры и однажды шлепнулся прямо к ее ногам; возможно, что ее звали Женей или Катенькой, точность уже не важна, если ее внук не хуже меня скользит по льду на американских коньках. Но сейчас было лѣто, и пух тополей устилал дорожки сада снѣгом, мягким и теплым. Этот пух я собирал в кучки и горки, гуляя с мамой или с няней; потом я размахивал его ногами, спѣша с удочками через сад, мимо почты, мимо балаганов с золотой воблой, по крутой тропинкѣ на берег, гдѣ у пристани привязана моя лодочка. Потом, фланируя без цѣли, праздно бездѣлье, я внезапно остановился посреди пустынной аллеи и понял, что это и есть счастье: на мнѣ была совершенно новая, не тронутая солнцем, фуражка студента. Тополя разрослись и стали огромными, аллеи сузились, люди перестали быть знакомыми, а я был нѣсколько слишком наряжен, в черной парѣ, сшитой в Лондонѣ и пригодившейся к торжеству открытія храма просвѣщенія. Европейец вернулся в захолустье. Вечером я был зван на пельмени в тот же самый домик на Екатерининской улицѣ, к двум старым дѣвам, моим сверстницам по гимназическим годам, — насквозь пронизанный поэзіей родины. Я присѣл на скамейку, и мимо меня прошел очень серьезный и дѣловитый мальчик с замотанными удочками. Жизнь продолжается.

Отходя от пристани, пароход гудит совершенно так же, как и в тѣ года. Он дѣлает крутой поворот, так как стоял носом против теченія. Берега и город, в котором я никого не оставляю, быстро пробѣгают большим обратным кругом, и отрывистым сердитым гудком мы предупреждаем недалнюю рыбацью лодочку; я всегда считал за честь такой сигнал, отгребался небрежно и кричал: “ладно, проѣдешь, мѣста много!”, а по проходѣ — повертывался носом к крутым валам: лучшія качели в мірѣ! Как бы мнѣ найти тот прекрасный тон равнодушія и опыта, которым я, войдя в рубку, заказывал стерлядь кольчиком, и, в ожиданіи, читал литографированныя лекціи по римскому праву? А в Пьяном Бору, конечно, двѣ дюжины раков. Даль-

ше — перекаты рѣки Бѣлой, но не будет ни духа сирени, ни сладости липоваго цвѣта, — не та пора. Мнѣ предстоятъ дѣловые визиты и доклад об европейских военных на-строениях. Еще ждет могила отца, которой я не найду, как не нашел могилы матери. Ко мнѣ подойдет незнакомый че-ловѣкъ и скажет: “Вы помните свою кузину Манечку? Я ея муж”. Я помню очень молодую дѣвушку, при которой я со-стоялъ рыцарем! “Приходите к нам сегодня пообѣдать”. — Я пріѣхал из Рима через десять и болѣе столиц, воюющих и нейтральных, и вот я, наконец, не на шутку взволнован.

И вдруг все кружится, взлетает и падает; вмѣстѣ со всѣм кружусь и падаю я. По крышѣ дома в Чернышев-ском переулкѣ с противной монотонностью бьет пулемет. Когда, наконец, выходят газеты, в списокѣ народных комис-саров — уфимское имя. В дѣтских воспоминаніях “кузина Манечка” освѣжена недавней уфимской встрѣчей, но мо-сковской встрѣчи я не ищу; и однако Москва — не Тихій океан, в котором носятся щепочки, и мы встрѣтились. Я ей сказал: “Нѣтъ, я к вам не приду, хотя всегда рад тебя ви-дѣть”. Она была уже пожилой, но такой же красивой жен-щиной, как была всегда. Я пояснил: “Помнишь, когда я был малышом - гимназистом и пріѣзжал в Уфу, вы, старшіе, брали меня с собой на Дему, гдѣ мы раскладывали костры и пѣли пѣсни. Однажды позвали к костру старика - баш-кира, накормили его, и он пѣлъ нам свою пѣсню. У меня на давнее прошлое такая хорошая память, что я не только мог бы напѣть тебѣ мотив, но и слова помню, башкирскія и совершенно мнѣ не понятныя. Он пѣлъ, зажмурив глаза, а в паузах широко и как-то удивленно открывал их. И был кто-то, кто записывал и слова и мотив. Но это так, между прочим. И, конечно, я лучше помню слова русских пѣсен, которым вы меня научили, — о вольности веселой, о слав-ном трудѣ, и еще тюремныя пѣсни, тоже замѣчательныя. Между прочим, я недавно был в тюрьмѣ, ты, вѣроятно, слы-шала об этом; но и это не важно. Я вообще очень благо-дарен вам за то, что вы меня, мальчика, научили любить

свободу и ненавидѣть тюрьмы и дворцы. Когда я был в Черногоріи, король этой карликовой страны пригласил меня к себѣ на пріем, но я отказался. Гдѣ вы живете?” — Она отвѣтила тихо: “В Кремлѣ”. — Мы обнялись и простились; в моей памяти, я остаюсь ея рыцарем. Спустя нѣсколько лѣтъ, в Берлинѣ, я получил городскую открытку: “Мы здѣсь”. Но в этот день я уѣзжал в Италію и не мог даже отвѣтить. Я очень любил когда - то Италію, в то время — свободнѣйшую из стран, и остаюсь ея преданным рыцарем; но больше в ней не бываю.

Не измѣнять никогда дѣтской и юношеской вѣрѣ, — и тогда не нужно справляться по картѣ, какими проселочными дорогами и тропинками пролегает путь. В книжкѣ “Робинзон в русском лѣсу” мальчики испугались и заплутались, но пришли туда, куда и стремились первоначально: в безлюдную глушь, к прекрасной, полной значенія жизни піонеров, дѣтей природы, ея учеников и друзей. Она развернула перед ними свою книгу, в которой было записано все, что стоит на полках и в шкапах библіотек всего міра, и еще очень многое, что в этих книгах пропущено и недогадливо запутано, все, что было, что есть и что будет, и что неложно. Для тысячи и тысяч людей эта истина — только малопонятная фраза; они пожимают плечами, думая, что им предлагается всю жизнь ѣсть зеленый лук, запивая желѣзистой водой. Им, в общем, нравится чужое чудачество, но дѣловыя бумаги не пишутся стихами; природа, это — отложной ворот, гвоздика, насморк, лягушки и обратный билет; это, во всяком случаѣ, несерьезно, даже если связано с куроводством. На неудобном столѣ они пишут цѣлую стопку открыток: “Здѣсь чудесно! Ну, а как вы?” — Ранней весной в лѣсу нѣтъ центрального отопленія; солнце и дождь равно требуют зонтика. Радостно говоря “увы!” — они расцвѣтают надеждами на старыя встрѣчи, и за двѣ станціи полной грудью вдыхают городскую пыль; немножко обидно, что пропустили замѣтную панихиду — и жадно жуют газетный лист. Когда мой отец пріѣзжал в

деревню, мы шли с ним открывать новые родники и пили воду из резинового стакана. “Ты знаешь, куда бѣжит эта вода?” — “В рѣчку”. — “А из рѣчки?” — “В Каму”. — “А из Камы?” — “В море”. — “Ну, а из моря?” — “Из моря куда - нибудь в океан”. — “Может быть она и добѣжит до океана, а может быть просто — смотри!” — И он показывал мнѣ на облако: “Вон она возвращается к нам!” — И я знал и знаю, что все возвращается и снова уходит, что гибнет растение — но возрождается в зернѣ, что путь пролетѣвшей пчелы повторит другая, что вѣчен перелетный возврат птиц. Все, что мнѣ позже открыли книги, что я принял из них и не отверг, — все это было раньше вышито зеленой гладью на клубничном косогорѣ, роилось и жило подо мхами, под древесной корой, в безчисленных норках, прыгало по вѣткам, стояло звонкой пѣсней над крестьянским полем, расцвѣтало на волѣ и увядало без времени в дѣтском кулакѣ. И когда на углу Никитской, в большой круглой аудиторіи, увѣренный бархатный голос убѣжденно бубнил о правѣ, я слушал с вниманіем и думал о том, что выше всего выдуманнаго нами: о счастьеѣ расти на полянѣ свободным знаком, стремясь вверх и стелясь по вѣтру с другими. В дни революціи площадь Казанскаго собора в Петербургѣ заросла травой, — но и раньше я собирал цвѣты на московской мостовой. Я видѣл фотографіи Анкгорских храмов, стѣны которых просверлены вѣковыми деревьями и скрыты ползучими ліанами. На Римском форумѣ я сидѣл под шестью дубами в развалинѣ домика Цезаря; их неразумно спилили, но они проростут в развалинах палаццо Киджи, и вырастет лѣс среди камней московскаго Кремля, гдѣ рос он и прежде. Отец не мог сказать мнѣ неправды: все возвращается. И дѣтской вѣрѣ я не хочу измѣнять.

Это было ровно полвѣка тому назад. Сидя у пюпитра неудобной и непривычной школьной парты, так что ноги едва касались пола, я выписывал на листѣ линованной бумаги слова, которыя диктовал гулявшій по залѣ учитель

русскаго языка. Нас было много, вихрастых, сѣро и каре-глазых, одѣтых в домашнія курточки и блузы, подпоясанных кушаками и цвѣтными поясами, пришедших на первый в жизни экзамен. Кромѣ экзаменатора, в залѣ сидѣл апатичный директор гимназіи, доставал из носа малые шарики и сыпал на пол, — таким я послѣ знал его всѣ восемь лѣт. Наши отцы и матери трепетно ждали гдѣ - то в сосѣдних классах, знакомились и говорили о том, как трудно, хлопотно и дорого дается воспитаніе дѣтей. Мы писали, что бѣдный дровосѣкъ сѣял мелкій хмель в зеленом лѣсу мачехи, а Глѣб и Андрей сидѣли на ели и ѣли хлѣб, доколѣ им не об'явили, что прежде, чѣм спуститься, им доведется помолиться. Нам сообщали свѣдѣніе, что женитьба лѣкаря нравится великому дѣдушкѣ Сергѣю, занятому веденіем дѣл в теченіе шестнадцати лѣт. Мальчик Петенька вонзил занозу за ноготь сестренки, но она не заплакала ни разу. Митенька стал клясться, что постлал постель одѣялом и ушел в поле. Мы узнали вообще много интереснаго, выраженнаго нужнѣйшими словами и самыми трудными в русской грамотѣ. Наконец, написав что-то про мельницу, мѣл и ветхаго ѣздока, про кожаный чемодан и запеченную ветчину, мы поставили точку, и учитель отобрал наши листы с проставленными фамиліями. Я вернулся к матери озадаченным зеленым лѣсом мачехи и шестнадцатилѣтней дѣятельностью великаго Сергѣя, и мы болѣе часа ждали рѣшенія моей судьбы; от этого рѣшенія зависѣло, купят ли мнѣ на пути домой гимназическую фуражку.

И вот, когда я припомнил и пересказал матери всѣ продиктованныя фразы, учитель русскаго языка вызвал меня и мою мать в залу, погладил меня по головѣ чернильными пальцами и, дохнув мнѣ в лицо водочным перегаром и табаком, сказал, что я не сдѣлал в диктантѣ ни одной ошибки, и что я буду писателем. Мать была горда и счастлива, хотя мечтала, что я буду прокурором, я же хотѣл стать лѣсничим, но пока думал только о фуражкѣ с серебряным гербом, в которой я вернусь домой.

И все-таки он оказался пророком, пьяный и опустившийся человек, доведший нас от буквы ять до Стефана Яворскаго и передавший другому, с которым мы дополнили до Собакевича. Я не сержусь на них, ничего нам не давших: мы сумели пойти своей дорогой и уже читали Бѣлинскаго, когда крестик в учебникѣ словесности еще не запятнал страниц, посвященных Ломоносову. Мы лѣниво слушали то, что нам говорили, и легко угадывали все, что замалчивалось. Не сдѣлавшись лѣсничим, я остался сыном сѣверных лѣсов, полжизни прожившим в кислотѣ средневропейской и южной природы, но не измѣнившим очарованиям дѣтства. Став писателем, я не написал ни одной книги, гдѣ бы символ моей вѣры не был высказан языком лучшаго и единственнаго учителя моей юности — русской природы, — в тѣх предѣлах, в каких мнѣ этот язык доступен.

И эти строки случайных и бѣглых воспоминаній — только поклон той же далекой сторонѣ: небу, водѣ, лѣсам, красной гвоздикѣ и душистому майнику; людям, там жившим и живущим; духу вольности, который вернется, как все приходит, уходит и снова возвращается на этой землѣ. Тѣням предков и неслышному зову друзей.

Мих. Осоргин

АНДРЕЙ БЪЛЫЙ

(ВОСПОМИНАНІЯ, ВСТРѢЧИ).

Царицыно — дачное мѣсто под Москвой. Недостроенный дворец Екатерины, знаменитые пруды, парк, вродѣ лѣса: очень красиво. Сила зелени, произрастанія, свѣжесть и влага. В Москвѣ многіе любили Царицыно. Были там и собственныя дачи, или — кому особенно нравилось — снимали помѣщенія из года в год у мѣстных жителей, становились как бы лѣтними обитателями Царицына.

— Борю Бугаева отлично помню, — говорит одна такая бывшая дачница.

— Я была дѣвочкой еще, мы жили в Воздушных садах, около Дворца. Дача Бугаевых недалеко оттуда. Боря был бѣленькій мальчик, лѣтъ двѣнадцати, с локонами, голубыми глазами, очень изящный. Прямо скажу даже — очаровательный мальчик. Любил рыбу удить в пруду — так и представляется мнѣ, с удочкой, на берегу. Мать у него была видная, красивая, гувернантка за ним присматривала. Потом, много позже, я встрѣтилась с ним в Москвѣ, он стал студентом и, оказывается, пишет “Симфоніи”, “Золото в Лазури”... Боря Бугаев и есть Андрей Бѣлый!

Отец “Бори Бугаева” был математик, профессор Московскаго университета, крашеный старик, видимо, чудачище первостепенный — молва о нем шла однородная, вряд ли ошибочная.

Профессора этого не приходилось встрѣчать. Мать Бѣлаго я немного знал: блестящая женщина, совсѣм иного міра, и иных устремленій. Так что Андрей Бѣлый явился порожденіем противоположностей.

На Московском Арбатѣ вижу его уже студентом, в ту-
журкѣ и фуражкѣ с синим околышем.

Особенно глаза его запомнились — не просто голу-
бые, а лазурно - эмалевые, “небеснаго” цвѣта, с густѣйши-
ми великолѣпными рѣсницами, как опахала отгнѣняли онѣ
их. Худенькій, тонкій, с большим лбом и вылетающим впе-
ред подбородком, всегда немного голову закидывая назад,
по Арбату он тоже, будто, не ходил, а “летал”. Подлинно
“Котик Летаев”, в ореолѣ нѣжных, свѣтлых кудрей. Котик
выхоленной, барской породы.

Он только еще начинал писать. Учился на естественном
факультетѣ, печатался в “Скорпіонѣ” и “Вѣсах”, под нача-
лом Валерія Брюсова. Считалось, что он “необыкновен-
ный” какой-то,—поэт, мистик с отгнѣнком пророчественно-
сти и “декадент”. И не просто декадент, а всѣм обликом
своим являет нѣчто особенное — не предвѣстіе - ли новой
религии? Видѣли в нем и общее с князем Мышкиным из
“Идіота”. Передавали, что в университетѣ вышел с ним
случай схожій: на студенческом собраніи, в раздраженіи
спора, кто-то ударил его по щекѣ. Он подставил другую
щеку.

Раннія его произведенія появлялись довольно быстро
одно за другим, сразу привлекли вниманіе (молодежи в
особенности). “Золото в Лазури” (стихи), “Сѣверная сим-
фонія”, “Драматическая симфонія”. Лазурь бугаевских
глаз в первой книгѣ сіяла почти ослѣпительно — явно, он
острѣй и **духовнѣй** ощущал свѣт, чѣм кто - либо. Симфо-
ніи показались необычайными и по формѣ — полулитера-
турныя, полумузыкальныя... Лѣс, кентавры, беклиновское
в “Сѣверной”. В “Драматической” синіе глаза московской
красавицы, Владимір Соловьев, розоватыя зори, Евангеліе
от Іоанна, все это неслоь в туманно - музыкальном вихрѣ.

В то время и он и Блок только еще выходили из под
плаща Соловьева — в “Симфоніи” Соловьев с бородой
своей и в крылаткѣ, развѣвающейся фантастически, “ше-

ствовал” над Москвой в зорях, обѣщавших и Бѣлому, и Блоку нѣкія откровенія, “раскрытія”.

Все это оказалось призраком, мечтой, на церковном языкѣ “прелестью”. Но как бы об этом ни судить, что бы ни говорить о поэзіи Блока и Бѣлаго, юношескій облик “Бори Бугаева” оттиснут в памяти печатью романтической — прозрачныя, чистыя краски в нем. И начало пѣвуче - летящее.

.....

В публикѣ Бѣлаго сразу опредѣлили чудачком — всѣ газеты обошло двестише из “Золота в Лазури”:

“Завопил низким басом,
В небеса запустил ананасом”.

Молодежи литературной как раз это и нравилось. Нравилось и снобам.

Бѣлый читал стихи хорошо, в тогдашней манерѣ, но с оттѣнком своеобразія большого, как и во всем был своеобразен. Чтенію помогал движеніями тѣла. Но как!

Литературно - Художественный Кружок в Москвѣ, богатый клуб тогдашній, часто устраивал вечера. Особняк Востряковых на Дмитровкѣ отлично был приспособлен — зрительный зал на шестьсот мѣст, библіотека в двадцать тысяч томов, читальня, ресторан, залы игорныя...

На одном таком вечерѣ выступает Бѣлый, уже безызвѣстный молодой писатель.

Из-за кулис видна рѣзкая горизонталь ramпы, свѣт в глаза. За ней, как ржаное поле с колосьями, зрители, в легком туманѣ. А по нашу сторону худощазый человек в черном сюртукѣ с начинающейся лысинкой и пушистым рунном вокруг головы — Андрей Бѣлый. Он читает стихи, разыгрывает нѣчто и руками, отпрядывает назад всѣм корпусом, налетает на ramпу — помогает себѣ читать как хочет — читает - поет, заливается.

И вот стало замѣтно, что на ржаной нивѣ не порядок.

Будто поднялся вѣтерок, колосья клонятся вправо, влѣво, долетают странные звуки...

Бѣлый как бы и не чувствовал ничего. Чтеніе опьяняло его, дурманило. Во всяком случаѣ, он двигался по восходящей воодушевленія. Наконец, почти пропѣл пріятным тенором:

“И открою я полотер-р-рное за-ве-де-н-н-іе...”

В ожиданіи - же открытія плавно метнулся вбок, будто планируя с высоты, — и присѣл основательно.

Это было совсѣм неплохо сыграно, могло и нравиться, но нива ощущала иначе. Там произошло нѣчто внѣ программы — будто налетѣл вихрь и колосья заметались, волнами стали клониться чуть не до полу. Надо сознаться: дамы помирали со смѣху. Смѣх этот, сдерживаемо - неустойчивый, веселым дождем долетѣл и до нас, за кулисы.

... “И смѣх толпы холодной”... — но дамскій этот смѣх в Кружкѣ даже не смѣх врагов, и толпа не “холодная”, а скорѣе благодушно - веселая. “Ну что-же, он декадент, ему так и полагается выкручиваться”.

Все-таки... — какая-бы ни была, насмѣшка ожесточает. И лишь много позже, с годами, стало ясно, сколько горечи, раздраженія, уязвленности скоплялось в том, кого одно время по недоразумѣнію считали “князем Мышкиным”.

.....

Главным хозяином декадентов и символистов в Москвѣ был Валерій Брюсов. Считалось, что он “маг”, “пророк”, вождь. Правда, так писали обычно сотрудники “Вѣсов”, гдѣ он начальствовал. Эллис сравнивал его и с Данте.

“Но послѣдній Царь Вселенной,
Сумрак! Сумрак! — за меня!”

Сумрак в Брюсовѣ и дѣйствительно был, что-же касается Данте...

Но на меньшее чѣм Данте Брюсов вряд - ли согласил-

ся-бы. (Чехов говорил: “меня забудут через семь лѣтъ”, — и его имя ходит теперь по всему міру. Брюсов утверждал, что стихи его прозвучат на многих языках — они уже забыты и по-русски).

Высокій, худощавый, черный, с широкими скулами (когда сидѣл спиной, скулы выступали из за очерка головы), с глазами нѣсколько косо поставленными, голосом как-бы лающим, Брюсов соединял в себѣ твердость и высокоомѣріе, недоброту и практическій ум, черты поэта и эрудита с чѣм-то глубоко плебейским. Отец его торговал пробками. Весь Брюсов, со всѣм своим символизмом вполне отдавал лабазом, Цвѣтным бульваром, гдѣ был его дом, Трубной площадью и Соболевыми переулками. Нѣкое внутреннее безвкусіе сидѣло в нем неискоренимо. Был он и дѣловитѣйшій из всѣх видѣнных мною писателей. Мог - бы служить в министерствѣ торговли и промышленности, состоять в комиссіи по борьбѣ с оврагами, завѣдывать таможней; при большевиках, к которым примкнул первым, послѣ сотрудничества у черносотенцев, возглавлял литературный отдѣл — Лито. В мирные годы Москвы, как директор Литературнаго Кружка, входил во всѣ мелочи хозяйства, денег, провѣрял счета поваров и т. п. В нашем кругу его называли “декадентскій полицмейстер”.

В “Вѣсах” Брюсов забрал Бѣлаго в руки крѣпко и не выпускал годы. Считалось, что Бѣлый “боец за символизм”, и сам он искренно думал так, дѣйствительно свое отстаивал. За его-же спиной стоял Брюсов. Что Бѣлый трудился, главным образом, на Брюсова, было ясно всегда. Теперь, послѣ выхода его воспоминаній, это им самим и подтверждено. Брюсов прямо задавал “уроки”: осадить того-то, отвѣтить тому-то, написать то-то о себѣ. Бѣлаго легко было разбудоражить, зарядить электрическим зарядом, довести до изступленія. В одном таком положеніи пришлось столкнуться с ним довольно близко.

В 1906 - 7 г. г. группа молодежи литературной издавала в Москвѣ журнальчик “Зори”, а затѣм еженедѣльную

газету “Литер. - Художественная Недѣля”. Об’единяли участников родственныя черты — нѣкое “русское” (лѣвое) настроеніе, тяготѣніе к мистицизму и христіанству, в литературѣ и искусствѣ модернизм, умѣренный оттѣнок и не Брюсовскаго толка. Из петербургских извѣстных молодых писателей у нас печатались Блок, Ремизов, Городецкій. Из московских — Бѣлый.

Все это предпріятіе оказалось недолговѣчным, вліянія имѣло мало и во многом было наивно. Все-же слѣд в собственных наших сердцах остался... — искреннее увлеченіе юных лѣт.

Бѣлый дал нам статью о Леонидѣ Андреевѣ. Чуть-ли не в том-же номерѣ появился какой-то недружественный отзыв о Брюсовѣ.

Брюсов, конечно, раз’ярился. Андрей Бѣлый, — отраженно, — также. Встрѣтив гдѣ-то П. П. Муратова, нашего сотоварища, сотрудника по отдѣлу искусства, набросился на него изступленно, поносил и его и нас в выраженіях полупечатных. Муратов, внѣ себя, прибѣжал ко мнѣ.

Он всѣх нас позорит, оскорбляет...

А одновременно появилась и статья Бѣлаго в “Вѣсах” против нас, по которой видно было, в каком он запалѣ.

Нетрудно себѣ представить что — при нервности и обидчивости молодых литераторов — из этого получилось. Собрались у меня, рѣшили отправить Бѣлому письмо - ультиматум.

Написал его я, в тонѣ рѣзком — надо сознаться: совершенно вызывающем. Бѣлаго приглашали об’ясниться. Говорилось и так, что если он не возьмет назад оскорбительных выраженій, то “мы прекращаем с ним всякія, как личныя, так и литературныя отношенія”. Назначалось свиданіе в опредѣленный час в редакціи, на квартирѣ В. И. Стражева.

Труднѣе всѣх приходилось тут мнѣ. Я был ближе других к Бѣлому лично. Он просто мнѣ нравился — изяществом, своеобразіем, даже полоуміем своим. Я считал его и

большим поэтом, в спорах страстно всегда защищал. Он со мной тоже был чрезвычайно привѣтлив и ласков. И вдруг — именно он... Если-бы не Бѣлый, было-бы легче, можно бы не обращать вниманія. Но он! За нехвалебный отзыв о Брюсовѣ! Нѣтъ, и горестно, но и спустить невозможно.

В назначенное время собрались в кабинетѣ Стражева: кромѣ хозяина, Б. А. Грифцов, П. П. Муратов, Ал. Койранскій, поэт Муни и я.

Звонок. Появляется Бѣлый — в пальто, в руках шляпа, очень блѣдный. Мы слегка ему кланяемся, он также. Останавливается в дверях, обводит всѣх острым взглядом (глаза бѣгают довольно быстро).

— Гдѣ я? Среди литераторов, или в полицейском участкѣ?

Можно было любить или не любить нас, но на полицейских мы не походили. Первая фраза задала тон. Трудно было бы сказать про свиданіе это, что “переговоры протекали в атмосферѣ сердечности и взаимнаго пониманія”.

— В таком тонѣ мы разговаривать не намѣрены. Или возьмите назад оскорбленія, или-же мы расходимся.

Сраженіе началось. Бѣлый в тот день был весьма живописен и многорѣчив — он кипѣл, и клубился весь, вращался, отпрядывал, на блѣдном лицѣ глаза в оттѣненіи рѣсниц тоже метались, видимо он “разил” нас “молніями” взором. Видимо, сам был глубоко уязвлен тоном письма.

— Почему со мной не переговорили? Я-же сотрудник! Я честный литератор! Я человек... Вы не мое начальство. Я мог об’ясниться, это недоразумѣніе. А меня чуть не на дуэль вызывают...

Я стоял на своем упрямо.

— Мы только тогда начнем с вами разговаривать, когда вы возьмете назад слова о нашем сотоварищѣ и о нас...

Он кричал, что это возмутительно, я уперся и не подавался ни на шаг. Наконец, Бѣлый вылетѣл в прихожую, я

вслѣд за ним. Тут, вдвоем, у окна, мы разыграли заключительную сцену, вполне достойную “кисти Айвазовскаго”.

Мы пожимали друг другу руки и увѣряли, что “лично”, попрежнему друг друга “любим”, в литературной - же плоскости “разошлись” и не можем встрѣчаться, но, конечно, “в глубинѣ души ничто не измѣнилось” и пр. У обоих на глазах при этом слезы.

Комедія развернулась по всѣм правилам. Мы разстались “друго-врагами” и долго не встрѣчались, как будто даже раззнакомились. (Издали кажется все это смѣшным, а тогда переживалось всерьез).

И уже много позже, в свѣтлой, теплой залѣ Эрмитажа петербургскаго, около Луки Кранаха случайно столкнулись — нос с носом. Прежнія глупости растаяли. Бѣлый засіял своей очаровательной улыбкой, чуть мнѣ в объятія не кинулся. В тот момент зимняго сѣвернаго дня так, вѣроятно, и чувствовал. Неправильно было бы думать, однако, что на зыбучем пескѣ легко что-нибудь строить. Нынче мог Бѣлому человѣк казаться пріятным, завтра врагом. Весь он был клубок чувств, нервов, фантазій, пристрастій, вѣчно подверженный магнитным бурям, всевозможнѣйшим токам, и разныя радіо-волны на разное его направляли. Спротивляемости в нем вообще не было. Отсюда одержимость, “пунктики”, которые иногда его преслѣдовали.

Одно время такой пункт был у него “издатели”. Все зло от издателей. Они заключили тайный союз, чтобы погубить русскую литературу. Их союзником, затѣм, оказался Георгій Чулков. Бѣлому он представлялся мистическим персонажем, как таинственная птица пронесившимся над Россіей, воплощавшим в себѣ... — не помню уж точно что, но весьма не-украшавшее.

Не знаю, была-ли у него настоящая манія преслѣдованія, но вблизи нея он находился. Том воспоминаній подтверждает и это — ему мерещились враги и там, гдѣ были люди к нему расположенные.

.....

Вблизи Спасских ворот, наискосок вниз от памятника Александру II, была в Кремль церковка Константина и Елены. Она стояла уединенно, как-то интимно и поэтически, близ Москва-рѣки и стѣны, в осѣненіи дерев — к ней и добраться не так просто.

Одну пасхальную заутреню встрѣчали мы в ней с Андреем Бѣлым. Ночь была сырая и туманная, палили пушки, толпа в Кремль, иллюминація — Иван Великій высвѣчивает золотым бисером — гудят “сорок сороков” торжественным, веселым гулом.

Бѣлый был очень мил, даже почти трогателен, — мы христосовались, побродили в толпѣ, а потом отправились к общему нашему пріятелю, С. А. Соколову (“Грифу”) разговляться.

Легко можно себѣ представить, что такое розговѣны в Москвѣ довоенной, даже не в Замоскворѣчьѣ, а в домѣ литературно - интеллигентском: пасхи, куличи, окорока, цвѣтныя яйца, возліянія — все в размѣрах внушительных, в том духѣ веселаго безпорядка, мирной сытости, что вообще стало уж легендой.

У Грифа квартира была небольшая. В длинной и узкой столовой, за пасхальным столом всѣ мы и размѣстились, христосовались, смѣялись, ѣли, пили. В серединѣ, напротив меня, сидѣл Бѣлый, за ним гладкая стѣна.

Сначала все шло отлично. Хозяева угощали, пили за гостей, мы поздравляли друг друга, уплетали пасху, куличи... Но в какой-то момент настроеніе измѣнилось. Бѣлаго стал задирать Александр Койранскій — критик, художник, острослов, — всегда он его не весьма чтил, а тут и вино помогло. Бѣлый начал волноваться, по русскому обыкновенію с пустяков разговор скакнул к серьезному. Смысл бытія, назначеніе поэта, дѣло его... — Койранскій подзуживал, разговор обострялся.

И вот Бѣлый впал в изступленіе.

Сидя ему трудно было уже говорить. Он вскочил, начал нѣкую рѣчь - исповѣдь.

“Золотому блеску вѣрил,
“А умер от солнечных стрѣл,
“Думой вѣка измѣрил,
“А жизнь прожить не сумѣл”...

Послѣдняя строчка стихотворенія этого (ему принадлежащаго) и была, собственно, главным звуком импровизации. Тут уже и хозяева, и Койранскій, и всѣ мы умолкли. Правду сказать: Бѣлый прекрасно, с трагической силой и пронзительностью изображал незадачливость, горечь, одиночество жизни своей. Непониманіе, его окружавшее, смѣх сопровождающій.

“Не смѣйтесь над мертвым поэтом.

“Снесите ему вѣнок.

“На крестѣ и зимой, и лѣтом

“Мой фарфоровый бьется вѣнок”.

.....
“Пожалѣйте, придите;

“Навстрѣчу вѣнком метнусь,

“О, любите меня, полюбите, —

“Я, быть может, не умер, быть может, проснусь,

“Вернусь...”.

В импровизации было то же рыдательное, что и в лучших его стихах — будто сложная и богатая, на горестную сумятицу и неразбериху обреченная душа томилась перед нами. Что страннѣе всего: в Святую ночь! Когда особенно дано человѣку чувствовать себя в потокѣ міровой любви, единенія братскаго... Андрей же Бѣлый как раз тосковал в одиночествѣ. Пустой вихрь жизни, раны болят... — но пустынность вообще была ему свойственна. Кого, или что он сам-то любил? Это вопрос. И вот груз чудачества, монструозности утомлял.

Фигура его металась на фонѣ стѣны, правда, как над-

гробный вѣнок в вѣтрѣ. Вдруг он раскинул руки крестом, прижался к стѣнѣ спиною, совсѣм поблѣднѣл, воскликнул:

— Я распят! Я в жизни распят! Вот мой путь.... Всѣ радуются, а я распят...

Расходились поздно, туманным утром. Быть может, Александр Койранскій и не так был доволен, что распалил Бѣлаго.

.....

Большая публика не принимала его, но друзья и восторженные поклонники у него были. Нѣсколько позже примкнул он к антропософскому движенію — приобрѣл и там вѣрных почитателей и почитательниц.

В тѣ, предвоенные годы вышли книги его стихов “Пепел” и “Урна”, — быть может, лучшее, что им написано. Нѣкоторые звуки стихотвореній этих и теперь пронзают, и будут пронзать. Дал и романы: “Серебряный голубь” (дѣтская и лубочная вещь), “Петербург” — безвоздушная фантазмагорія. Много кипѣл, выступал, писал, ссорился, ожесточался. Имя его приобрѣло извѣстность, но довольно странную. И во всяком случаѣ, боевую.

Вот небольшой образец этой “боевой” его дѣятельности.

Андрей Бѣлый читает в Литературно-Художественном Кружкѣ. Начинаются пренія, выступает, среди других, беллетрист Тищенко, тѣм извѣстный, что Лев Толстой об’явил его лучшим русским современным писателем. Этот Тищенко был человек довольно невидный, невзрачный, настроенный невоинственно, — как вышло, что он разволновал Бѣлаго, не знаю. Но спор на эстрадѣ, перед сотнями слушателей так обернулся, что Бѣлый взвился и “возопил”:

— Я оскорблю вас дѣйствіем!

К нам, засѣдавшим в ресторанѣ Кружка, извѣстіе это дошло вродѣ того, как в деревнѣ передают, что загорѣлась рига. Бросились тушить. Но было уж довольно поздно. Из-за кулис во-время задернули занавѣс, отдѣлив пу-

блику (Бѣлым возмущенную) от эстрады. Зала кипѣла и бурлила. “Скандал”, “безобразіе”, “дуэль”....

На большой лѣстницѣ картина: сверху спускается Андрей Бѣлый, в кучкѣ друзей. Кругом шум, гам. Бѣлый в полу-обморочном состояніи, опирается на сосѣдей, едва передвигает ноги, поник весь, на подобіе Пьерро. Его внизу одѣли и увезли. Завтра дуэль....

Разумѣется, поздно вернулись мы в ту ночь домой из Кружка. Но условились с С. Соколовым рано утром быть у Бѣлаго — секунданты не секунданты, а вродѣ того.

Часов в девять явились к нему в Денежный. Бѣлый был в это утро совсѣм бѣлый, почти в истерикѣ, не раздѣвался, не ложился, всю ночь бѣгал по кабинету.

Высокая, великолѣпная его мать спокойнѣе нас и “Бори” отнеслась к происшествію. И оказалась права. Излившись перед нами, как слѣдует, Бѣлый признал, что вчера перехватил.

Приблизительно говорилось так:

— Тищенко — ничего! Это не Тищенко. Тищенко никакого нѣтъ, это личина, маска... Я не хотѣл его оскорблять. Тищенко даже симпатичный... но сквозь его черты мнѣ просвѣчивает другое, вы понимаете... сила хаоса, темная сила, вы понимаете — (Бѣлый закидывает назад голову, глаза его расширяются, он как-то клопочет горлом, издает звук вродѣ: м-м-м... — будто вот онѣ, вокруг, эти силы)... Враги воспользовались безобидным Тищенко... он безобидный. Карманный человѣчек, милый карлик, да я даже люблю Тищенко, он скромный... Тищенко хороший....

Одним словом, окажись тут под рукой Тищенко, Бѣлый кинулся бы его цѣловать, плакал бы на его груди — что не помѣшало бы через час его возненавидѣть и объявить носителем мірового зла.

Во всяком же случаѣ, Бѣлый по нашему настоянію написал письмо - извиненіе, которое Соколов и передал куда надо: до свинца дѣло не дошло. А о скандалѣ... поговорили и забыли.

.....

В самые страшные годы Россіи Бѣлый мнѣ вспоминается болѣе мирно.

Когда с Осоргиным и Бердяевым торговали мы в Книжной Лавкѣ писателей, на Никитской, Бѣлый к нам заворачивал иногда. Он выпустил даже в нашей серіи свою рукописную книжечку (за отсутствіем типографій мы писали кое-что от руки, сами мастерили обложки и продавали любителям в Лавкѣ — довольно дорого). Бѣлый ни с кѣм тут не ссорился. Увлекался антропософіей, в Петербургѣ выступал в “Вольфилѣ”, а в Москвѣ жил одно время во “Дворцѣ искусств”.

Этот “дворец” — дом гр. Соллогуба на Поварской у Кудринской площади. Старый дом прославлен “Войною и Миром”. Там, гдѣ Наташа Ростова носилась рѣзвыми своими ножками, поселился рыжебородый поэт Рукавишников — Луначарскій избрал его главою двorca.

Во “дворцѣ” читались какія-то лекціи, выступали товарищи, кажется, была и столовая, кое-кто поселился. Туда Бѣлый позвал меня к себѣ в гости.

Он всегда был, с ранних лѣтъ, лѣваго устремленія. Что-то в революціи ему давно нравилось. Он ее ждал, и когда она пришла, очень многое в ней принял. В тѣ годы (20 - 21), ближе всего был к лѣвым эсерам, разным “Скифам” (как и Блок). Бѣлый не так страдал от революціи, как мы, и уживался с нею лучше. Все же антропософія уводила его в сторону. Духовныя начала движенія этого уж очень мало подходили к уровню “революціонной мысли”.

Не без волненія шел я, в сумерки зимняго дня, по старым, благородным залам, комнатам, корридорам, закоулкам соллогубовскаго дома. Он построен “покоем”, с боковыми крыльями, обнимающими большой двор (подводы с добром Ростовых, бѣгущих от Наполеона.... Раненый князь Андрей. Великая слава Россіи).

В больших окнах, до полу, мелькнул этот двор. Из за-

лы можно было выйти на балкон под колоннами, — а там дальше опять плакаты и расписанія лекцій.

Бѣлый встрѣтил меня очень привѣтливо, гдѣ-то вдали, в своей комнатѣ, выходявшей в сад. Он был в ермолочкѣ, с полусѣдыми из-под нея “клочковатостями” волос, такой же изящный, танцующій, присѣдающій.

Комната в книгах, рукописях. Почему-то стояла в ней и черная доска, как в классѣ.

...Не то Фауст, не то алхимик, не то астролог. Очень скоро, конечно, разговор перешел на антропософію, на революцію. Может быть, с “убійцей Мирбаха” он говорил бы и иначе, но со мной стал почти на мою позицію — тут помогала ему и его антропософія.

Теперь и доска оказалась полезной. Он на ней быстро расчертил разные круги, спирали, завитушки... — Мір, циклы исторіи послушно располагались по волютам спирали. Он объяснял долго и вдохновенно — во всяком случаѣ, это было рѣдкостно, менѣе всего заурядно, почти увлекательно. (Бѣлый вообще был отличный оратор, но не владѣл постройкою рѣчи).

Разумѣется, понял я четверть, может быть, треть — самое большее... Астролог же и эуритмик вытанцовывал убѣдительно — и надо сказать: не было в нем здѣсь, в Соллогубовском домѣ, обычной нервозности. Скорѣе фантастика успокаивающая. Снѣг сизѣл в саду, скоро спустится московская зимняя ночь. Граждане выйдут воровать заборы. Глаза Андрея Бѣлаго сіяют, он откидывается назад, смотрит каким-то соколом, в горлѣ у него радостное клокотаніе м-м-м... На слушателя это хорошо дѣйствует.

Наконец, вычертил еще какую-то кривую, тоже вроде спирали — с торжеством хлопнул куском мѣла по доскѣ — профессор Горнаго Института Долбня, показывающій ряды Абеля.

— Видите? Нижняя точка спирали? Это — мы с вами сейчас. Это нынѣшній момент революціи. Ниже не опу-

стимся. Спираль идет кверху и вширь, нас выносит уже из ада на простор....

Спираль долго еще выносила Россію на простор — море дѣтских и юношеских гробов еще предстояло пережить, сотни тысяч загубленных жизней, — но мы с Бѣлым в тот вечер искренно думали, что вот кончается уже Голгофа: навѣрно потому, что хотѣли вѣрить. Спираль только украшала желаніе.

Во всяком случаѣ, Бѣлый был хорош и живописен в своей лабораторіи, правильно или невѣрно исчислял он сроки.

.....

В 1921 году от'ѣзд Бѣлаго за-границу, прощальный вечер у нас в Союзѣ писателей на Тверском бульварѣ в Домѣ Герцена. Парадокс ранней полосы революціи: правительство дало нам особняк, мы там устроились довольно основательно, а в Уставѣ нашем сказано, что коммунисты членами Союза быть не могут. И, дѣйствительно, ни одного коммуниста у нас не было.

В напутственном словѣ Бѣлому можно было еще сказать:

— Дорогой Борис Николаевич, передайте эмиграціи, что литература в Россіи жива... и никогда, никому... ни за что не уступит своей свободы.

Бѣлый сидѣл за столом напротив меня — в залѣ стало мертвенно-тихо, в прекрасных его глазах что-то пролетѣло, метнулось, будто живая птицеобразная душа без слов сказала... А потом он вскочил.

— Да, скажу, скажу....

В ту минуту он навѣрно так и думал. Но нѣт сомнѣнія, что, сѣвъ в вагон, все мгновенно и позабыл.

...Через год встрѣтились мы уже в Берлинѣ, для нас в "новой жизни", для него это был эпизод, ибо скоро он возвратился в Россію.

Его заграничная жизнь оказалась вполне неудачной. Берлин как бы огрубил его. По всему облику Бѣлаго про-

шло именно с ъ р о е, берлински - будничное, от колбасников и пивнушек, гдѣ стал он завсегдатаем. Лысина разрослась, руно волос по вискам посѣдѣло и порѣдѣло, к концу он нѣсколько и обрюзг, от эмалевой бирюзы арбатских глаз, глаз его молодости, мало что сохранилось. Они сильно выцвѣли — да и выраженіе стало иное. Он походил теперь на выпивающаго, незадачливаго и непризнаннаго — не то изобрѣтателя, не то профессора без кафедры. Характер сдѣлался еще труднѣй. Раньше он восторгался антропософіей и в ней находил опору. Теперь на нее возстал. Одно время сам строил в Дорнахъ антропософскій храм, Гетеанум, а теперь на Рудольфа Штейнера накидывался с яростью.

— Я его разоблачу! Я его выведу на свѣжую воду!

И вот из Берлина, являвшагося ему мучительной пустотой, рѣшил он опять бѣжать в Россію. Его пустили. Дамы, в дѣтствѣ знавшая Бѣлаго по Царицыну, сказала ему:

— Помни только, Борис: будешь в Москвѣ, не вѣшай на эмиграцію всѣх собак! Держи себя тихо, прилично.

Он помахивал лысо-сѣдою головой, бормотал:

— Да, да! Я не буду вѣшать собак! Я уважаю берлинских друзей. Я буду держать себя корректно.

Бѣлый уѣхал в Россію в плохом видѣ, в настроеніи тягостном. Не знаю точно, что говорил там об эмиграции, о "берлинских друзьях" — кажется, все, что полагается. В воспоминаніях же своих, вышедших там, распял и время молодости своей, и тогдашних людей, и пріятелей, и знакомых, и Россію тѣх лѣт. Но в Россіи революціонной не преуспѣл также, — видимо, оказался для нея слишком диквинным и монструозным.

"Золотому блеску вѣрил,

"А умер от солнечных стрѣл,

"Думой вѣка измѣрил,

"А жизнь прожить не сумѣл".

Измѣрил-ли онъ вѣка, я не знаю. Жизнь прожил бурно, путано, незадачливо и горестно — несомнѣнно. Дошли извѣстія, что в Крыму, в Коктебелѣ, он очень много жарился на солнцѣ, послѣ чего и заболѣл смертельно. Если это вѣрно, то замѣчательное стихотвореніе надо считать и пророческим.

Бор. Зайцев

М Ы

Чѣм дальше — тѣм ближе! Мы много видали
И нас не страшат помутнѣвшія дали...
Мы — вѣрныя дѣти веселой планеты,
Мы — вѣрим в ея отраженные свѣты.
Мы знаем, что есть Гималаи и Анды,
Мы ждем не дождемся гремящей команды,
Идти и подняться на верх Эвереста,
Гдѣ столько просторнаго, чистаго мѣста;
И нас неизмѣнно ведут на охоту
Ружье Тартарена и меч Дон-Кихота!

Игорь Гребенщиков.

На свѣтъ нѣтъ торжественнѣй и проще
Твоихъ вѣками сглаженныхъ песковъ.
Монахъ водилъ в собора темной рощѣ,
Я помню, нам показывали площадь,
Гдѣ строгій пастырь жег еретиковъ.

От мавританской желтизны лучистой,
Земныхъ, неповторяемыхъ прикрасъ
Горѣло сердце. Шли контрабандисты,
Какъ в оперѣ преслѣдовали насъ,

И голубые голуби картинно
Садилась на чугунный переплетъ,
Гудѣли пчелы в чашѣ апельсиновой,
И сокомъ наливался пышный плодъ.

Испанія, твой змѣвидный танецъ,
Насупленные брови вечеровъ,
О, кто тебя увидѣвъ, не помянетъ
Твоихъ небесъ оливковыхъ румянецъ
И солнечную тишь твоихъ дворовъ!..

Софія Прегель

Ты от меня улетишь, как осенняя птица.
Надо, пора.
Будут и листья, и птицы протяжно кружиться
Завтра с утра.
Наша ли жизнь, задрожав, зазвенѣв, оборвется
Без очевидной вины.
Помнишь ли звук, что подчас в тишинѣ раздается,
Лопнувшей тонкой струны.
Ты от меня улетишь, как послѣдняя птица,
В страхѣ грядущаго зла.
Ты от меня улетишь, не посмѣя проститься
Росчерком вольным крыла.
В долгую свѣтлую ночь над пустыми полями,
В поздній морозный восход,
Ты улетишь, как они, за былыми годами,
Не задержавши полет.

К. Франкфурт.

П Е Р Е Л Е Т.

Замедляя свой бѣг, тяжело уставшее лѣто.
Все прозрачнѣй и мягче лучей утомленный янтарь.
Тишина озирала поля. Подрастающим вѣтром
Доносилась яснѣе с полей горьковатая гарь.
И утра, холодѣя подолгу, мутясь, голубѣли,
Когда нехотя тучи раскутывал поздній восход.
В небѣ солнце устало, а птицы не знали и пѣли,
Предугадывая всѣми перьями близкій полет.
Шумный вѣтер, тревожно клубясь, призывает кочевье,
Гонит трепетный лист в вышину, догоняет лазурь,
И безумным вѣтрам трепеща рукоплещут деревья,
Тѣм вѣтрам, что трубили веселые праздники бурь.
Птица крыльями бьет и клюет оперившійся воздух,
Перебоями столпленных волн возмущая простор.
Он врывается в грудь и кипит, животворен и жесток,
Он огромная синія крылья над нами простер.
Облака и листы разлетаются, клича тревогу,
Вѣтер рвет высоту, отступает послѣдняя пядь,
Несмолкаемый рог! О, в безсмертную нашу дорогу!
Возвращенное небо над нами сияет опять!

К. Франкфурт

Повѣсть об отцѣ

УШ.

С Рейснерами отецъ познакомился года за два передъ тѣмъ, когда они проводили лѣто на Черной Рѣчкѣ, неподалеку от нас.

В то время в газетах много шума надѣлало новое разоблаченіе Бурцева — сперва стороной, потом под инициалами, Бурцев обвинялъ нѣкоего профессора в том, что он свою научную дѣятельность совмѣщаетъ с ролью освѣдомителя охраннаго отдѣленія. Наконецъ, была об'явлена в печати и полная фамилія новаго провокатора — профессоръ международнаго права Томскаго университета Михаилъ Андреевичъ Рейснеръ. Черный ореолъ азефовщины, слава лучшаго революціоннаго разоблачителя в тѣ годы окружала Бурцева, и его обвиненіе произвело на лѣвую общественность очень большое впечатлѣніе. Рейснеровъ стали избѣгать, бывшіе друзья им не кланялись на улицѣ, происходили скандалы на лекціяхъ. Соблазнъ, дѣйствительно, былъ великъ: профессоръ Томскаго университета — охранникъ, это давало столь благодарную пищу сплетнямъ, что слухи, одинъ другого нелѣпѣе, поползли по всей Россіи. Михаилу Андреевичу пришлось оставить профессорство в Томскомъ университетѣ и перевестись в Петербургъ, в Психо-Неврологическій Институтъ. В это тяжелое для Рейснеровъ время, когда Михаилъ Андреевичъ былъ наканунѣ самоубійства, отецъ первый заѣхалъ къ нему познакомиться — онъ считалъ обвиненіе Бурцева не только не обоснованнымъ, но и преступнымъ. Такъ началось это знакомство, впрочемъ, никогда не переходившее в дружбу.

Семья Рейснеровъ, в то время, какъ я у нихъ поселился, в началѣ 1913 года, состояла изъ четырехъ человѣкъ — самого профессора, его жены Екатерины Александровны и двухъ дѣтей: дочери Лариссы и сына Игоря. В Петербургѣ они жили, какъ на необитаемомъ островѣ, — пустота, образовавшаяся послѣ Бурцевскаго об-

виненія, заполнялась очень медленно. Гостей у них почти не бывало, если не считать двух или трех студентов, завсегдаев, которые, как и мой отец, не вѣрили, что Михаил Андреевич может быть провокатором. Эта замкнутость и одиночество наложили свой отпечаток на весь их семейный быт — в домѣ не было веселья. Если иногда и раздавался смѣх, то звучал он так неожиданно и так несвоевременно, что смѣявшійся вскорѣ замолкал, сконфуженный, не сразу соображая, как он допустил такую нетактичность. Отсутствіе смѣха и та особенная, болѣзненная настороженность, которая бывает в домѣ у тяжело больного человѣка, когда всѣ бессознательно слѣдят друг за другом, как бы кто не зашумѣл, не нарушил осторожной тишины, сразу, хотя я себѣ и не давал в этом отчета, поразили меня. Я чувствовал, что Рейснерам было трудно дышать, но, конечно, уже только много позже понял, в чем было дѣло. Выработалось у Рейснеров, вслѣдствіе их оторванности от всего внѣшняго міра, и совершенно особенное отношеніе друг к другу — минутами казалось, что это не семья из четырех человѣк, а одно единственное существо, настолько они были связаны и близки между собой. Каждый успѣх, каждая неудача одного из них принимались, как общая радость или общее горе. Совмѣстно, единодушно они ненавидѣли весь окружающій мір, всѣх людей, бывших внѣ круга семьи. Эта страстная любовь друг к другу, а также страстное презрѣніе к чужим было движущей силой их жизни, являлось самой яркой чертой характера, об'единявшей всѣх членов семьи, в сущности совсѣм различных и непохожих один на другого.

Михаил Андреевич, большой, грузный, тяжелый, с неожиданно мягким и даже сладким голосом, оставаясь внѣшне главою дома, в сущности, был самым незначительным и блѣдным человѣком в четыреедином семействѣ Рейснеров. Настоящим руководителем, главной пружиною, двигавшей весь семейный механизм, была Екатерина Александровна Рейснер, урожденная Хитрово, находившаяся в родствѣ с Храповицкими и Сухомлиновыми. Военный министр ген. Сухомлинов приходился ей не то двоюродным братом, не то троюродным дядей, не помню, но во всяком случаѣ никаких отношеній ни с кѣм из Сухомлиновых она никогда не поддерживала. Все маленькое тѣло Екатерины Александровны было насыщено волей, ея ум, острый ум математика, сохранял во всѣх разговорах, во всѣх диспутах, женскую гибкость и чисто женское, интуитивное пониманіе слабых сторон противника. Она постоянно, даже за сто-

лом, в семьѣ, доказывала, убѣждала, волновалась, жила всѣм своим существом. Когда в трамваѣ или в поѣздѣ происходило столкновение между пассажирами, Екатерина Александровна немедленно вмѣшивалась, остроумною шуткой привлекала на свою сторону всѣх зрителей, и плохо приходилось тому, кто пытался ей возражать. Медленный, приторно любезный, немного рыхлый и черезчур спокойный Михаил Андреевич и рядом острая, злая, неукротимая Екатерина Александровна, — они прекрасно дополняли друг друга.

Ларисса Рейснер, Теруань де Мерикур русской революціи, по преданію поднявшая возстаніе на крейсерѣ «Аврора», — по ея приказу матросы начали обстрѣл из орудій Зимняго дворца. В гражданскую войну она не раз пробиралась, переодѣтая простою бабой, в расположение Колчаковских войск и добывала там цѣннѣйшія свѣдѣнія для штаба красной арміи. Талантливая писательница, поэтесса, прекрасная журналистка, — в 1913 году Ларисса была молоденькой 17-лѣтней дѣвушкой, писавшей сентиментальные стихи, не думавшей о революціи и наслаждавшейся необычайной своей красотой. Ея темные волосы, закрученные раковинами на ушах, как у Лолы Монтез, сѣро - зеленые, огромные глаза, бѣлыя, прозрачныя руки — особенно руки, легкія, бѣлыми, сквозными бабочками взлетавшія к волосам, когда она поправляла свою тугую прическу, сіяніе молодости, окружавшее ее — все это было дѣйствительно необычайно. Когда она проходила по улицам, казалось, что она несет свою красоту, как факел, и даже самые грубые предметы при ея приближеніи пріобрѣтали неожиданную нѣжность и мягкость. Я помню то ощущеніе гордости, которое охватывало меня, когда мы проходили с нею узкими переулками Петербургской стороны, — не было ни одного мужчины, который прошел бы мимо, не замѣтив ея, и каждый третій, статистика точно мною установленная, врывается в землю столбом и смотрѣл вслѣд, пока мы не исчезали в толпѣ. Однако, на улицѣ никто не осмѣливался подойти к ней — гордость, сквозившая в каждом ея движеніи, в каждом, легчайшем поворотѣ головы, защищала ее каменной, нерушимой стѣною.

Вообще гордость была одной из основных рейснеровских черт. Даже мой товарищ, брат Лариссы, Игорь, веснучатый, острый, — в мать — четырнадцатилѣтній мальчишка, был преисполнен гордостью. Так, как он, никто не умѣл закинуть назад голову, одним

взглядом уничтожить зарвавшегося соклассника и выйти с достоинством из труднаго положенія. Эта гордость шла Рейснерам, как мушкетерам Александра Дюма — плащ и шпага.

Они соединяли память о крестоносцах, положивших начало роду фон Рейснеров, высокое презрѣніе к черни, чрезвычайную внѣшнюю чопорность, вѣрность традиціям предков, утонченность, переходившую в снобизм, с вѣрностью російской социал - демократической партіи большевиков, к которой они были близки еще до войны. Я не думаю, что послѣ революціи они смогли забыть о своем восьмьсотлѣтнем дворянствѣ, даже если бы они и захотѣли забыть. Впрочем, им это и не нужно было — бурбонскія лиліи их фамильнаго герба уживались с серпом и молотом: Михаил Андреевич был одним из авторов конституціи РСФСР.

Уклад жизни рейснеровской семьи был совершенно противоположен нашему, андреевскому: все было чопорно, точно, сдержанно. Перепутать вилки за накрытым ослѣпительной скатертью обѣденным столом — грѣх, положить руки на стол — великій грѣх, ѣсть с открытым ртом — смертельный грѣх, не прощавшійся никогда, никому. Непонравившіеся или провинившіеся гости — по-немногу бурцевское измышленіе забывалось, и зимой 1914 года начали в домѣ у Рейснеров появляться новые люди, — искоренялись безоговорочно, рѣзко и безстрастно. Всѣ тѣ, кто отчаянно влюблялись в Лариссу — только немногіе сумѣли избѣжать общей участи, — в день первой же попытки заговорить об охватившем их чувствѣ, отлучались от дома, как еретики от церкви. Но внутри, в самой семьѣ было много мягкости и ласки: радостно они слѣдили за успѣхами друг друга, соединяемые взаимной, нерушимой любовью. Когда Ларисса напечатала первое свое стихотвореніе, в домѣ начался праздник, продолжавшійся цѣлую недѣлю. Изданіе альманахом «Шиповник» пьесы «Атлантида», — она написала эту пьесу в 18 лѣт, — превратилось в событіе, под знаком котораго прошла вся зима. Гимназическіе успѣхи Игоря — он постоянно шел первым учеником; лекціи Михаила Андреевича, особенно тѣ, которыя он читал в пригородах и на окраинах, рассчитанныя на рабочую аудиторію, пользовались большим успѣхом; наконец, рассказы самой Екатерины Александровны — в 40 лѣт, между дѣлом, она начала писать и писала неплохо, — у нея был вѣрный взгляд и слух, почти безошибочный, — все имѣло постоянный отклик в семьѣ, и всякая удача, пускай даже преувеличен-

ная до смѣшного, служила двигателем для новой и новой работы.

Почти с первого же дня моего приѣзда к Рейснерам я полюбил Екатерину Александровну. Та заботливость и то вниманіе, с которым она отнеслась ко мнѣ, ко всѣм моим мальчишеским интересам, влеченіям и антипатіям, ко всему, что мнѣ было близко, вплоть до моей нераздѣленной любви к отцу, которую она быстро разгадала и всячески старалась поддержать во мнѣ, каждая мелочь влекла меня к ней. За все мое пребываніе в домѣ Рейснеров ни о каком наказаніи не могло быть и рѣчи — достаточно было одного слова, одного намека Екатерины Александровны, чтобы я считал за счастье сдѣлать так, как она хочет. Поселившись у Рейснеров и сразу став членом их семьи, я начал жить рейснеровскими интересами, рейснеровской любовью и рейснеровской ненавистью к людям. Я с наслажденіем дышал суровым и нѣжным воздухом, окружавшим меня. Впервые я почувствовал признаніе моего, пускай дѣтскаго и маленькаго, но моего собственнаго «я». Перестав быть тѣм, о ком говорят, я сдѣлался тѣм, с кѣм разговаривают, как с равным. Эта вѣра в меня, в мою индивидуальность, — да и как было не вѣрить — вѣдь я сдѣлался «рейснером», развила во мнѣ глупую самоувѣренность и в то же время наполнила меня той гордостью, которой мнѣ не хватало. Я начал бороться за себя — часто нелѣпно, не во время, но с большим упорством и настойчивостью. Моя заносчивость выводила из себя моих родственников: — дядей и теток, моих двоюродных братьев — и все же, при всей своей нелѣпости, шла мнѣ на пользу: я начал дѣлать попытки, быть может смѣшныя, но все же рѣшительныя, — утвердить себя.

Подчиняясь чопорному укладу рейснеровской жизни, я ходил в крахмальных воротничках и манжетах, готовил уроки — единственный раз за всю мою жизнь я хорошо учился, по новому начал осмысливать книги, прочитанныя в отцовской библіотекѣ, — не просто переживая их, но уже пытаюсь самостоятельно оцѣнить и разобраться в грудѣ сырого матеріала. Однако, вся эта чопорность и «сознательность» не мѣшали мнѣ оставаться десяти - одиннадцатилѣтним мальчишкой. Совершенно особенное удовольствіе мнѣ доставляло окно, разбитое камнем, пущенным рукою в сіяющей манжетѣ, еще пріятнѣй было хулиганить, оставаясь хорошо и чисто одѣтым. И, если раньше я не терпѣл подчиненной роли в дѣтских играх, то теперь появилась душевная необходимость быть зачинщиком. Наконец, во мнѣ опредѣлилось самое главное: то,

чѣм отмѣчена вся моя дальнѣйшая жизнь, то, чѣм я живу и теперь, — я стал писать стихи, уже не случайно, не «между прочим», а с твердой увѣренностью, что у меня не может быть иного пути. В Финляндіи я писал потому, что не мог не писать, не мог не подчиниться увлекавшей меня голубиной музыкѣ, интуитивно, в ритмѣ набѣгавших строк находя выход моему лирическому волненію. Теперь к этому прибавилось рациональное — так надо.

IX.

Вечером, прежде чѣм я ложился спать, мы собирались за большим, обѣденным столом. Рѣдкій гость, из «посвященных», скромно присаживался на вѣнском стулѣ, все вниманіе сосредоточивая на том, чтобы случайно не закапать бѣлоснѣжной скатерти. Михаил Андреевич пил чай с молоком, внимательно держа в руках широкій, серебряный подстаканник. Ларисса сидѣла строга, прямая, опутив рѣсницы, и молчаливо царствовала. Игорь первый заводил разговор — о литературѣ, о театрѣ, о политикѣ — из сосѣдней комнаты могло показаться, что это говорил взрослый человек. Он начинал жестиковать — его темпераменту было чуждо внѣшнее спокойствіе Лариссы. Екатерина Александровна неодобрительно смотрѣла на взлетавшія руки сына, на его слишком быстро краснѣвшее от возбужденія лицо, но вскорѣ не выдерживала и сама вмѣшивалась в разговор. Иногда своим мягким, «бархатным» голосом вставляла замѣчаніе Михаил Андреевич. Внезапно подняв рѣсницы и на мгновеніе озарив весь стол зеленоватым сіяніем своих прекрасных глаз, произносила афоризм Ларисса — всегда не глупый, но всегда немного вычурный и как будто придуманный заранее. Гость, немного пообвыкнув, наконец, принимал участіе в общем разговорѣ. Внезапно и стремительно вмѣшивалась Екатерина Александровна — нѣсколько рѣзких и очень умных фраз, и от доводов гостя обыкновенно ничего не оставалось. Гость пытался защищаться, но вот — неосторожное движеніе, и папирозный пепел падал на стол, ложась уродливым пятном на накрахмаленную скатерть. Гость краснѣл, но никто из сидящих за столом, конечно, не обращал вниманія на его неловкость, и разговор продолжался, всегда интересный и всегда немного неестественный, как будто всѣ дѣйствующія лица находились не у себя в столовой, между четырех стѣн, а на эстрадѣ, и все говорилось для невидимой, присутствовавшей там, в темнотѣ, многочисленной публики.

Я очень любил эти вечера за чайным столом, и до послѣдней минуты, когда Екатерина Александровна говорила мнѣ: — Теперь тебѣ пора идти спать, — я чувствовал себя равноправным собеседником. Мои неудачныя вступленія в разговор затупевывались, удачныя подчеркивались. Понемногу я приучился вмѣшиваться только в тѣх случаях, когда я был увѣрен, что мои слова не придется заминать. Быть может за полтора года моей жизни у Рейснеров я больше научился обращенію с людьми, чѣм за всю мою остальную жизнь.

Иногда, по возвращеніи моем из гимназіи, я заставлял Ларису за писаніем стихов. Она ходила по комнатѣ большими, неровными шагами, взволнованная, на нѣкоторое время потерявшая свою царственность. Растрепавшіеся волосы темными прядями падали на лицо, на шею, еще рѣзче отбѣняла прозрачность кожи. В разрѣзѣ легкой бѣлой кофточки свѣтилось нереальное тѣло — в эти минуты она казалась призрачной, безплотной. Я вслушивался в ея бормотанье:

Руку на меч положив изощренный,
Юноша, в звонкія зори влюбленный,
Так говорил...

На мгновеніе она присаживалась к столу, записывала набѣжавшія строки маленьким огрызком карандаша, вставала и вновь принималась ходить, бормоча и колдуя, неясным привидѣніем в бѣлых зимних сумерках, когда сквозь заиндевѣвшія окна скупо просачивается отблеск снѣжных крыш, и далекій, внезапно вспыхнувшій, внизу, во дворѣ, фонарь бросает летучія тѣни на сѣрый потолок.

Эта атмосфера творчества невольно захватила и меня. Мнѣ не важно было, что ея стихи были несовершенны, что она в то время переживала вліянія и Блока, и Гумилева, неожиданно соединяя несоединимое, но ея бормотанье, но ритм ея шагов мнѣ замѣнили мою голубиную музыку.

Я помню одну бессонную ночь. Меня в тот раз уложили в столовой—моя комната была занята. Простыня сбилась, зеленый шершавый бархат дивана щекотал плечо. В глубинѣ комнаты огромным, неясным, как будто дышащим привидѣніем стоял дубовый

буфет. Станным, идущим изнутри свѣтом, горѣли стекла призрачных картин. На каминѣ ожившія статуэтки слонов — впереди самый большой и за ним двѣнадцать маленьких — медленно передвигали бѣлыми лапами, и мнѣ казалось, что вот-вот, сію минуту, они исчезнут из поля моего зрѣнія. Окна, завѣшенные легким, сіяющим тюлем, излучали сотканный из тончайших волокон, колеблющійся, струящійся сумрак.

Слова, приходившія на ум, были самыя простыя и самыя, для меня, необходимыя — комната, темнота, окно, опять комната, опять темнота:

В темной комнатѣ горит окно.

Отчего так в комнатѣ темно?

Я один лежу, лежу, лежу,

Я сквозь сон на темный мір гляжу.

Безконечное число раз я повторял — лежу, лежу, лежу, вслушивался в заунывное жужжаніе слов — они преобразались, теряли свой повседневный смысл, их мистическая сущность выбиралась из оболочки букв. Вскорѣ я перестал понимать, гдѣ слова, гдѣ темная музыка моей безсонницы, и я готов был плакать и кричать, мучительное наслажденіе охватывало меня, все рушилось, все гнбло, уже в полуснѣ, на самой грани грядущаго мрака, я продолжал повторять:

Я один лежу, лежу, лежу,

Я сквозь сон на сонный мір гляжу.

.....

День ото дня я все крѣпче и глубже втягивался в жизнь Рейснеров. Когда через нѣсколько мѣсяцев, весной, рѣшался вопрос, гдѣ я буду проводить лѣто, и меня хотѣли взять домой на Черную Рѣчку, я приложил всѣ возможныя усилія к тому, чтобы убѣдить отца не брать меня. Отец был удивлен и, быть может, даже нѣсколько обижен, но я с таким жаром убѣждал его в том, что в настоящую минуту мнѣ необходимо остаться у Рейснеров, что он, в концѣ концов, уступил. Когда мы в маѣ 1913 года уѣхали на берег Рижскаго залива, в Ассерн, произошло событіе, окончательно привязавшее меня к Екатеринѣ Александровнѣ: я тяжело забо-

лѣд, схватив крупозное воспаленіе легких, впоследствии осложнившееся гнойным плевритом. Пять дней я был при смерти, но с невѣроятной заботливостью и вниманіем, совершенно забыв об ѣдѣ и об отдыхѣ, Екатерина Александровна выходила меня, как бы на ново родила, вернув мнѣ потерянную было жизнь. Вѣроятно в это же время и она почувствовала меня родным и близким, своим младшим сыном.

Послѣ кризиса, наступившаго на пятый день, началось медленное, тягучее выздоровленіе.

Когда я уже был в состояніи сидѣть на кровати, ко мнѣ в комнату стали пускать Игоря — до тѣх пор безсмѣнно и ночью, и днем меня сторожила Екатерина Александровна. Я оцѣнил ея ловкія, сухія руки, никогда не причинявшія мнѣ боли, ея нѣжность — впервые послѣ ухода Дочки я перестал ощущать одиночество, до тѣх пор не отстававшее от меня ни на шаг.

Однажды, когда изсякли наши обыкновенные, мальчишескіе разговоры, Игорь начал рассказывать мнѣ фантастическій роман, в котором мы были главными дѣйствующими лицами. Рассказывал он легко, плавно, без труда находя всѣ нужныя слова, подчиняя ритму своих безокойных, летающих рук длинные періоды, придаточныя предложенія, вводныя слова, так что самая сложная фраза у него получалась круглой, завершенной, как будто готовой к печати. Роман был безконечен — продолжавшійся послѣ нашего возвращенія в Петербург, во время долгих воскресных прогулок, вечером, когда мы ложились спать, он так и остался неоконченным. Чего только здѣсь не было — фантазія Игоря была неудержима: всемірный потоп и жизнь уцѣлѣвшей горсточкой людей на вершинах Памира, окруженной водой, смѣнялись государством, которое мы основывали на Филиппинских островах, потом появлялась война с японцами на островѣ Формоза, безконечныя, героическія приключенія подводной лодки, одним движеніем руки превращавшейся в аэроплан, описаніе жизни золотоискателей на Аляскѣ, революція в Петербургѣ и сверженіе Николая II, полеты на Марс, — все чередовалось в непрерывном, ежесекундно мѣнявшемся калейдоскопическом вихрѣ. Иногда нить повѣствованія Игорь передавал мнѣ. Не стѣсняясь моими неудачами, он подсказывал, направляя, пока я сам, без посторонней помощи, не на-

учился выдумывать новыя, неожиданныя приключенія и не постиг тайны управленія непокорными, разбѣгавшимися во всѣ стороны словами.

Х.

Осенью, послѣ возвращенія в Петербург, я поѣхал на нѣсколько дней погостить на Черную Рѣчку. Дома мнѣ все показалось чужим и незнакомым: мои крахмальные воротнички и манжеты совершенно не вязались с укладом нашей андреевской жизни. За столом я невольно подмѣчал, как кто ѣст, кто дѣлает вопіющія с рейснеровской точки зрѣнія ошибки. Когда мнѣ забыли дать салфетку, я принялъ забывчивость почти за варварство. Из попыток моих заговорить с отцом так, как я привыкъ разговаривать с Екатериной Александровной, как равный с равным, тоже ничего не вышло; он поднялъ меня на смѣх:

— Ты думаешь? Да ты погоди еще думать — рано.

Наканунѣ моего отъѣзда я зашел в кабинет и увидѣлъ отца заснувшим на диванѣ. Я подошел на цыпочках, стараясь не шумѣть, и наклонился над ним. Он спал скрючившись, поджав ноги в черных, на резинках, испачканных глиною башмаках, дыша тяжело и неправильно. На щекѣ виднѣлся отчетливый красный рубец от сватившейся в сторону кожаной подушки. Правая рука откинута в сторону и согнутые пальцы медленно, ритмически, то сжимались, то раскрывались, на нѣсколько мгновеній обнажая золото обручальнаго кольца, то снова пряча его тусклый блеск. Я почувствовал прилив моей неизмѣнной нѣжности к отцу, странную, не вполне осознаваемую жалость, любовь, которую мнѣ захотѣлось положить, незамѣтно, в его живую, движущуюся руку. Я отошел в сторону и, скрывшись в тѣни дальняго угла, долго еще смотрѣлъ на него, не в силах уйти и боясь, что вот - вот он проснется.

Когда на другой день я сядил на станціи Райвола в поѣзд — в гимназіи уже начинались занятія, — мнѣ было очень трудно покинуть Черную Рѣчку. Безсознательно сжимая в карманѣ пальто банан, положенный бабушкой под подушку и найденный только перед самым отъездом, я смотрѣлъ на бѣдный финскій пейзаж, пролетавшій мимо окон — чахлыя березы, сосны, лысины торфяных болот, на тусклое осеннее небо, вдыхал специфическій запах вагона третьяго класса — смѣсь застывшаго холоднаго табака, угольной пыли, дыма, сырости — и чувствовал, что главное, самое главное в моей жизни, остается в нашем чернорѣченском домѣ.

Этой зимой я учился в гимназии Мая. В первый и последний раз в моей жизни я учился хорошо — плохо учиться у Рейснеров было невозможно. Впоследствии, когда я с трудом переползал из класса в класс, моим утешением был рассказ отца о его собственных успехах:

«В седьмом классѣ, в первую четверть, совершенно случайно я оказался первым учеником. Событіе настолько необычайное, что директор Орловской гимназіи, гдѣ я учился, произнес цѣлую рѣчь: подумайте, до чего вы всѣ дошли, если в вашем классѣ Андреев — первый ученик. Меня стали вызывать — как перваго ученика, — во всѣх тѣх случаях, когда никто не мог отвѣтить на поставленный вопрос. Уже во вторую четверть я был послѣдним».

Я не любил гимназіи Мая — в ней был неистребимый дух чиновничества и нѣмецкаго, сытаго либерализма. Все зданіе гимназіи, от подвального этажа до чердаков — огромные, рекреационные залы, всевозможные кабинеты и лабораторіи, широкіе и скучные классы, спеціальныя столовыя, все было пропитано особенным запахом буржуазнаго благополучія. Если еще внизу, гдѣ помещались младшіе классы, сквозь официальную, жирную скуку пробивалось мальчишеское буйство, то наверху, по большому, с верхним свѣтом, залу ученики ходили попарно, в затылок, как арестанты на прогулкѣ. Начиная с шестого класса почти всѣ ученики носили котелки, называли друг друга по имени-отчеству и, сдержанно поругивая правительство, приготовлялись к занятію теплых и хлѣбных мѣст. Только один единственный живой эпизод сохранился у меня в памяти: получив двойку по Закону Божьему, — случай сам по себѣ безпримѣрный в анналах гимназіи Мая, — я на другой день, во время утренней молитвы, когда мы стояли длинными шпалерами, по классам, в самом большом рекреационном залѣ, и хор мальчишескими высокими голосами выводил: «родителям на утѣшеніе, царю и отечеству на пользу», — я устроил обструкцію — мое хрюканье, сперва заглушенное пѣніем, в тот момент, когда молитва кончилась, и наступила глубокая тишина, разнеслось по всему залу, из конца в конец. Меня вызвали к директору и, обрушив на мою голову гром и молніи, отправили домой. Инцидент кое-как уладила Екатерина Александровна — вѣроятно она сумѣла доказать, как дважды два четыре, что мое поведение

является единственно правильным, и что сам директор на моем мѣстѣ должен был бы выразить свой протест хрюканьем.

На Троицу, поздней весною, я поѣхал гостить на Черную Рѣчку. В лѣсах темная зелень сосен и елей перемежалась со свѣтлыми пятнами молодых березовых листьев и веселой прозрачной травой, настойчиво пробивавшейся между черными вѣтвями бурелома, обглоданнаго недавно сошедшим снѣгом. Нѣжный мох был мягок и ласков, ландыши усыпали края лѣсной дороги. Их бѣлые цвѣты, высвободившись из тѣснаго об'ятія свернутой трубочкою листьев, горѣли, озаренные косыми лучами еще низкаго солнца, в глухом сумракѣ валежника. Лѣс был наполнен щебетаньем обалдѣвших от весны птиц и протяжным, тилинькающим перезвоном колокольчиков — в первый раз, послѣ долгаго стоянія в хлѣву, коров выпустили пастись на волю. Этот перезвон, то глухой, то нѣжный, таявшій в синевѣ утренняго воздуха, сопровождал меня до самаго дома. Когда на поворотѣ, над изумрудною дымкой березовых верхушек выросла четырехугольная, черная башня нашего дома с острой иглой громоотвода, вонзившагося в безоблачное небо, меня охватило чувство уже совсѣм безтолковой, совсѣм мальчишеской радости.

Внутри дома было весело и празднично: все было украшено свѣжесрубленными березами, огнѣ стояли повсюду, во всѣх углах, клейкія и ярко - зеленыя, в воздухѣ пахло лѣсом, сыростью и весной. Нѣжная трава, такая нѣжная, что по ней было страшно ходить, устилала крашенныя доски полов. Огромные солнечные квадраты ползли по полу, и пучки зеленой травы излучали легкое, зеленое сіяніе. В домѣ стояла особенная предпраздничная тишина, когда все уже готово, все прилажено и устроено, и вот, всѣ — и люди, и вещи — ждут послѣдняго знака, чтобы сразу ожить, заволноваться и наполнить криками и шумом осторожный весенній воздух.

Меня вызвали к отцу — он жил этой весною в небольшом, недавно выстроенном флигель, в полѣ, за дворницкой, гдѣ ему было типше и спокойнѣе. Я побѣжал во флигель, мимо уже зазеленѣвшаго холма - ледника, задним двором, гдѣ в загонѣ паслись свиньи, лежали желтыя, свѣжераспиленные доски, и запах навоза смѣшивался с душистым и нѣжным запахом смолянистых опилок. Я бѣ-

жал, высоко подпрыгивая по деревянным мосткам, проложенным по гладкому полю, зеленѣвшему всходами яровой ржи, — мое веселое настроеніе нарастало с каждой минутой.

Отца я застал на маленькой стеклянной терраскѣ. Над его головою висѣли гирлянды березовых вѣток, перед ним на столѣ, накрытом скатертью, с красными разводами, сіял стакан мѣдно - коричневаго чая. Солнце отражалось в граненом стеклѣ, и желтые зайчики прыгали по столу, по коркам румянаго, поджареннаго хлѣба, по бѣлому, лѣтнему кителю отца.

Слегка откинувшись в плетеном, скрипучем креслѣ, отец закурил. Знакомое мнѣ с самаго ранняго дѣтства движеніе — в лѣвой рукѣ крѣпко стиснутый коробок, в правой спичка, рѣзкое движеніе сверху вниз и, когда вспыхивает желтый огонек, — легкій наклон головы, пока не загорѣлась твердо зажатая в зубах папироса, и синій, вьющійся дымок не начинал кружиться над головою. В этот день во всѣх движеніях отца была особенная значительность и суровость — я почувствовал, что мнѣ предстоит серьезный разговор, и мое веселое настроеніе смѣнилось торжественным и важным. Сидя перед отцом на низеньком плетеном стулѣ, я машинально собирал крошки поджареннаго хлѣба, слѣдил за кольцами дыма, таявшими в тѣни, под потолком, и чувствовал, что вот тут, сейчас, рѣшается безоговорочно и непоправимо моя судьба.

— Ты переходишь в третій класс, — говорил отец. — Ты перейдешь, так вѣдь?

— Да.

Я был увѣрен в переводѣ — всѣ мои четверти были «красными», т. е. средній вывод отмѣток был больше четырех.

Отец продолжал спокойно и четко, стараясь, чтобы мнѣ были ясны и понятны его слова:

— Этим лѣтом ты будешь жить дома. Мы уѣдем в шхеры. Знать ты больше не вернешься к Рейснерам. Я знаю, что ты хочешь сказать — рукою, в которой между указательным и средним пальцами была зажата папироса, он остановил меня, — я знаю, но я думаю, — он сдѣлал удареніем на словѣ «я», — что тебѣ необходимо покинуть Рейснеровскую семью. Они злые и ненавидят всѣх людей. В свою очередь ты заразился от них этой злостью, рейсеровской нелюбовью к людям. Когда ты поѣдешь в Петербург, ты

передашь Екатеринѣ Александровнѣ письмо от меня — в нем я все об'ясню, чего ты не понимаешь, и что она поймет.

Я почти не спорил с отцом. Я знал эти непреклонныя ноты в голосѣ отца, когда бесполезно сопротивляться, и когда всякое возраженіе, даже самое невинное, в нем вызывало только раздраженіе и досаду. Слезы мнѣ застилали глаза. Спотыкаясь, я сошел со ступенек террасы и, не отвѣчая на зов бабушки, даже на приглашеніе отца пойти с ним гулять — в первый раз в моей жизни, — я убѣжал на берег рѣки и там, забившись в кусты ивняка, начал плакать, захлебываясь и даваясь моими первыми недѣтскими слезами.

Через три дня, когда я уѣзжал обратно в Петербург, — до окончанія занятій еще оставалось недѣли двѣ — весь дом был полон увядшими березами, в воздухѣ стоял осенній запах тлѣнья и печали. Солнце и перезвон коровьих колокольчиков не могли меня утѣшить. Даже обѣщанный мнѣ отцом энфильдовскій велосипед — давняя моя мечта — не мог воплотиться в моем моображеніи, оставаясь далеким и, быть может, даже ненужным.

Вад. Андреев

(Продолженіе слѣдует)

Альбом путешественника

5. — Открытіе Палестины

Помню чувства, охватившія меня в Палестинѣ...

В этих жалких, в сущности, городках протекало дѣтство міра. И, подобно тому, как небольшой закоулок, гдѣ мы играли в дѣтствѣ, помнится таинственно - огромным, а вернувшись, лѣтъ через двадцать, домой, мы недоумѣваем — «гдѣ же, в такой тѣснотѣ, умѣщались всѣ мифы нашего дѣтства», — человекъ, впервые попавшій в Палестину, переживает то же смущеніе.

Всѣ эти народы и царства, всѣ эти филистимляне, идумейцы, амалекитяне, аммонитяне и моавитяне умѣщались в маленькой странѣ, в крошечных городишках с волшебными именами.

Иногда пугала мысль: как бы Палестина не оказалась — силою вещей — чѣм-то вродѣ міровой еврейской дачи, благоустроенным курортом, гдѣ сливки еврейскаго общества или, попросту, счастливчики проводят историческія каникулы, изрѣдка смущаемые набѣгами окрестных хулиганов.

Такія опасенія могут порой возникнуть в Тель - Авивѣ. Очаровательный вечер в очаровательном палестинском обществѣ (возвести в зную степень!) размягчают слабое человѣческое сердце, склоняют его к полусонному послѣбанкетному оптимизму, но — простите—вѣдь, это земля Библии, и библейское небо над нею; это о них гдѣ-то сказано: «небо твое сдѣлаю, как желѣзо, а землю — как мѣдь». Вѣдь это возвращается послѣ тысячелѣтних приключеній блудный Израиль, тот самый, котораго топчут, гонят, травят, кромсают по сей день, в вѣкъ всеобщей грамотности и всяческих прогрессов, и которому завтра, при все-возрастающем прогрессѣ, будет много хуже (вѣдь до сих пор от прогресса, главным образом, выигрывают мелкіе — и міровые — хулиганы, смѣнившіе простодушную дубину на неотразимый пулемет).

Вѣдь это вернулись в Землю обѣтованную люди, принимавшіе надругательства, костры и погромы и обрекавшіе на ту же судьбу

своих дѣтей, которых они отмѣчали обрѣзаніем, по опыту зная, во что им может обойтись эта печать (вѣчный Авраам, ведущій сына на закланіе — Богу).

Ничто не казалось этим людям слишком дорогой платой за право быть іудеем (предпочли же в 1349 г. страсбургскія мѣщанки - еврейки взойти с дѣтьми на костер — крещенію).

В чем же, что же — этот іудаизм?

Чѣм-то отличаются же евреи, скажем — от цыган, тоже небольшого народца, разсѣянаго по всей землѣ.

Продѣлайте опыт — вычитите из исторіи міра вклад кучки рабов (500.000 человек, нынѣшнее еврейское населеніе Палестины), три тысячи с лишком лѣтъ назад вышедших из Египта, и вы поймете, что нелегко такому народу отдать — ни за какую похлебку — честь своего творческаго первородства.

Но — склонимся над «объективными данными».

Зеленая Палестина не менѣе разнолика, чѣм городская. Ее характеризует мирное сосуществованіе разнообразных, а порой и противорѣчивых, социальных форм.

Разсмотрим, напр., кантон Эйн - Харод, близ Эздрелонской долины. В него входят: Кфар - Іехескель, Бет - Альфа, двѣ крупныя коммуны — Эйн - Харод и Тель - Іосеф, и малая коммуна — Гева.

Кфар - Іехескель — вольный поселок, так назыв. мошав. Мелкія индивидуальныя хозяйства. Наемный труд запрещен. Каждая семья имѣет свой участок — домик с садом, огородом или полем, которыя она обрабатывает собственными силами. Крупныя земледѣльческія орудія — общія.

Эйн - Харод, Тель - Іосеф и Гева — социалистическія деревни. Причем, первыя двѣ коммуны — «кибуцы», а Гева — «квуща» (о разницѣ между этими доминирующими формулами палестинскаго социализма — ниже). Строй социалистических общин Палестины слѣдовало бы назвать социал - толстовством. О вліяніи на них идей великаго русскаго писателя свидѣтельствуует многое.

Даже еврейскую тактику 1936 года — отказ от актов мести в отвѣтъ на арабскій террор, можно разсматривать как реминесценцію теоріи «о непротивленіи злу». (Послѣ года исключительной выдержки и самообладанія, евреи перешли на тактику «око за око»).

О «соціал - толстовствѣ» свидѣтельствуют — отношеніе к землѣ, вѣра в облагораживающее вліяніе земледѣльческаго труда, снобизм всяческаго «опрощенства», упраздненіе денег, религіозная мораль — при отрицаніи религіи. Характерно вегетаріанство многих руководителей этих коммун. Помню одного из них, в Африкѣ, запрещавашаго женѣ стлать для него постель на том основаніи, что «стыдно пользоваться услугами другого человѣка».

В колоніи Нахалал долго хвастали: не бываѣть на нашей землѣ тракторному колесу. Гдѣ, мол, поэзія и смысл жеста сѣятеля, жнеца и т. д. Никогда мы не унизимся до превращенія в каких-то механиков. Сейчас у них — комбайн. Экономика побѣдила — арабская конкуренція!

Потребности араба (пища, одежда, жилище) невообразимо - минимальны, к тому же он широко пользуется дѣтским трудом. В Нахалалѣ же с ребенком возятя 16 лѣт прежде, чѣм он станет на работу. Один этот фактор об'ясняет причины относительной дороговизны еврейскаго продукта. Вот и приходится мириться с трактором.

Основные принципы соціалистических общин: самоуправленіе; общій труд; упраздненіе собственности; минимальнѣйшее личное хозяйство (ни чайника, ни кастрюли вы у хозяйки не найдете, питаются — в общей столовой). Упраздненіе денег. Воспитаніе дѣтей колоніей, в специальном домѣ, отдѣльно от родителей. Полное равноправіе полов. Женщина откупається рабочим днем от всѣх женских забот. Не только воспитаніе дѣтей и уход за ними, но и кухня, и стирка бѣлья, и штопка, и питье, все — на плечах коммуны.

«Соцраспредѣленіе»: всѣ получают все — в предѣлах возможности коммуны — по своим потребностям. За одну и ту же работу семейный человѣкъ получит много больше холостого. (Если у члена коммуны застряли гдѣ - нибудь — в Польшѣ, в Румыніи, в Россіи — родители или родственники, коммуна высылает им деньги либо посылки. Больше того: семейный человѣкъ, отец, скажем, пятерых дѣтей, получающій в шесть, в семь раз больше холостого товарища, может работать вдвое хуже или меньше, если он слаб, болен, или стар). Немощные и старики вовсе освобождены от работы. Совѣтскому принципу «кто не работает — не ѣст», палестинскіе соціалисты могли бы противопоставить: «ѣдят всѣ, а работает, кто может».

Беременные женщины — предмет всеобщаго попеченія и заботливости, от работы освобождены. Вообще, в коммунах стараются не терять из виду индивидуальных особенностей членов. (В Афиким, гдѣ я прожил дней десять, художник работает только 4 дня в недѣлю и ведет переговоры с общиной, которая принципиально согласилась послать его в Париж учиться).

Дѣти, как уже упоминалось, живут не с родителями, а в специальных — кстати сказать, прекрасных — домах (обычно — лучшее зданіе в коммунѣ), гдѣ их воспитывают опытные педагоги. Отмѣчу, что даже в зажиточных коммунах взрослые и по сей день живут в большой тѣснотѣ (нерѣдко, по двѣ семьи — в одной комнатѣ). Кромѣ обычной школьной программы, дѣти с малых лѣт обучаются земледѣльческому труду — сначала по два часа в день, а позже — и больше, на отведенных для них участках (огород, поле, сад).

Гигиена и красота помѣщений, постановка воспитанія и обученія дѣтей этих еврейских крестьян на высотѣ неправдоподобной, и совершенно недоступной для дѣтей зажиточных классов европейских стран. В нѣкоторых, очень рѣдких, коммунах (Дганія) дѣти возвращаются, послѣ ужина в дѣтской столовой, к родителям на-ночь. От своих европейских ровесников палестинскія дѣти отличаются большою самостоятельностью, почти всегда имѣют свое самоуправленіе.

В Палестинѣ, странѣ опытов, не обходится, конечно, и без чрезмѣрнаго увлеченія педагогическими новинками. В одной модернистической школѣ, гдѣ проводится практика свободнаго воспитанія и естественнаго самообученія, одному знакомому указали, чуть ли не как на чудо, на мальчугана, в 12 лѣт еще не научившагося читать.

— Неправда - ли, какая сила, какая твердость характера, — восхищался гид.

Молодое поколѣніе поражает крупным ростом, атлетическим сложеніем, безстрашіем, спортивностью, прямою и смѣлостью поведенія и мысли. Палестинцы называют их «сабра». Сабра — плод кактуса, не только специфически - мѣстный продукт, но еще отличается тѣм, что *голыми руками* его никак *не возьмешь*. В Тель - Иосефѣ я видѣл, как дѣтишки четырех лѣт и постарше лихо скакали на неосѣдланных лошадях.

Женщины ни в чем не отстают от мужчин. Никакого труда не

боятся, встрѣчаешь их не только в «дѣтских яслях», в больницѣ, в прачешных и в разных женских мастерских, но и в качествѣ возницы на мчащейся во всю телѣгѣ, и верхом на лошади. Почти повсюду онѣ потребовали для себя права участвовать в «Хагана», в еврейской самооборонѣ. Обходить колонію с ружьем не романтическая шутка, а утомительный и опасный труд.

При мнѣ нашли, по дорогѣ из Тейль - Амалэ в Шату, труп мальчика - стража Хаима Брок (из Германіи) с перебитым позвоночником и чисто - беллетристической записью в книжечкѣ. Нѣсколько кривых строчек. Приведу их текстуально.

«Ранил араб». Ниже: «Мучительныя боли». Под ней: «Отчего вы не приходите, товарищи». Слѣдующая: «Так тяжело умирать». И послѣдняя: «Все за нашу свободу».

(Пуля в позвоночникъ — мучительная смерть).

**

Дѣвушки - халуціанки крѣпки и свѣжи, презирают пудру и косметику, ходят (нерѣдко — и в нерабочее время) в коротких трусиках, в брюках, в мужской тяжелой обуви, часто — в рабочих кепках.

Такой наряд много удобнѣе для работы, есть тут, конечно, и изрядная доля рабоче - социалистическаго снобизма. (Галстук, напримѣр, неизмѣнно вызывает в квуцѣ насмѣшливую гримасу или презрительную жалость к отсталому человѣку).

Героизм этих молодых женщин усугубляется тѣм, что онѣ знают, что от работы и климата онѣ быстро увянут, огрубѣют, подурнѣют, осядут, преждевременно утратят свѣжесть и женственность.

*

Чѣм же отличаются друг от друга основные виды социалистической деревни — кибуц и квуца?

Кибуц — охотно совмѣщает сельское хозяйство с промышленной отраслью (столярная мастерская, кирпичный или гончарный завод, а то и типографія (Эйн-Харод). Кибуц — не боится прогрессивнаго увеличенія числа участников его в связи с ростом хозяйства. Крупнѣйшіе из них вмѣщают до 1000 человѣкъ. Квуца же — избѣгает индустриальнаго, не интегрально - земледѣльческаго хозяйства, опасаясь механизациі жизни. Кромѣ того, она максимально ограничивает число своих членов (от 100 до 300 человѣкъ) во имя сохраненія живого общенія между ними.

Квудіанцы считают, что большое количество членов коммуны не может не отразиться на качествах взаимных отношений. Идеал квуцы — большая дружная семья, культ вниманія к товарищу, человеческой дружбы. Поэтому, в случаѣ значительнаго увеличенія числа членов ея, квуца дѣлится на двѣ, на три части. (Исторія Дганіи, выдѣлившей из себя Дганію - Алеф и Дганію - Бет). Принцип товарищеской связи тѣм лучше соблюден, что для поступленія в кibuц или квуцу недостаточно подписать соотвѣтствующую формулу. Кандидат в палестинскій колхоз живет в нем мѣсяцы в качествѣ гостя, затѣм — мѣсяцы в качествѣ временнаго участника колхоза, подчиняющагося всему колхозному распорядку. Кандидат имѣет возможность присмотрѣться к предстоящей жизни, к будущим своим товарищам. Колхозники близко знакомятся с чело-вѣком, желающим вступить в их семью. Только послѣ этого опыта происходит всеобщее голосованіе, рѣшающее судьбу кандидата.

Вход в коммуну, как видит читатель, узок. Но выходныя ворота — широки. Покинуть коммуну можно в любую минуту (но — навсегда).

Члены коммуны пользуются ежегодным отпуском. Часть членов путешествует по Палестинѣ без гроша в карманѣ. Даже городская Палестина славится своим гостепрїимством, в колхозах же гостепрїимство возведено в закон. Мнѣ не раз приходилось посѣщать столовую социалистической деревни. Я садился, как и другіе посѣтителы, за стол, — и, не спрашивая нас о том, кто мы, откуда и зачѣм пришли, нас братски кормили наравнѣ с колхозниками. Бдущіе в города получают нѣкоторую сумму денег, от которых они уже успѣли отвыкнуть.

Социалистическая Палестина выглядит счастливой. Далось ей это счастье нелегко. В благоустроенной красавицѣ — Гевѣ еще десять лѣтъ тому назад не было больше двух пар сапог на всю коммуну — квуцианцы надѣвали их поочередно.

Религіозные евреи идут в эти колхозы неохотно, хотя тѣ, что туда попадают (выписанные колхозниками из-за границы родители) пользуются религіозной свободой, получают кошерную пищу и т. д. Их шокирует то, что молодежь не признает традицій, богослуженій, кошерной пищи, не строит синагог и, по их мнѣнію, издѣвается над праздниками.

Должен признать, что вольныя интерпретаціи еврейских

праздников — плакаты, флаги, лозунги, колосья, парад земледельческих орудий на советский лад — чрезвычайно убоги в сравнении с тысячелетним ритуалом еврейских праздников, с совершенным театром религиозной традиции, где гениальным религиозным режиссером изучены каждый жест и каждое слово, организована чудесная постановка, в которой самый ничтожный участник получает право на главную роль.

Отталкивает религиозного еврея и то, что Библия преподается в социалистических школах в стерилизованном виде, не как Священное писание, а как сокращенное собрание исторических анекдотов, моралистических и гигиенических предписаний, народных легенд и мифов.

Большинство религиозных евреев осело в Иерусалим и в других городах, где они занимаются мелкими ремеслами, торговлей, случайными делами, или просто живут на нищенском иждивении родственников и богомольных людей, полагая основу своей жизни в молитвах и в изучении священных текстов. (В Тель-Авиве я видел такого старика — торговавшего «эсроки»-ами и пальмовыми ветвями. Он стоял на улице с небольшим ящиком, подвешенным на груди. На жалкой кучке товара лежал засаленный том комментариев к Библии, явно поглощавший все внимание уличного торговца).

Есть среди религиозных евреев и сторонники еврейского земледелия. Они живут почти исключительно в вольных или кооперативных поселках, где всегда имеются синагога и хедер. Интересна в этом смысле хасидская деревушка Кфар-Хасидим, под Хайфой, со своими боролатыми и пейсатыми крестьянами, кузнецами, слесарями и пастухами в ермолках.

В Саронской долине я побывал в социалистической квуче религиозной молодежи (Родгас). Там же — общая столовая, социалистическое хозяйство, упразднение денег, самоуправление, но — ревностное соблюдение религиозных обрядов и семейного начала (дети — при родителях).

В 1936 году была поставлена в долине Бет-Шан (237 метров ниже ур. моря) на иорданской границе такая же социалистическая коммуна религиозной молодежи. Поставили в один день в пустыне. Как в книге Ноеми — «в одной руке меч, а в другой — молоток», под вооруженной до зубов охраной, под угрозой ежеминутна-

го нападенія, поставили двойные деревянные заборы, набитые песком и камнем, оцѣпили колючей проволокой, воздвигли неизмѣнную сторожевую вышку.

Вечером часть халуцов уѣхала, оставив горсточку поселенцев — нѣсколько десятков юношей в палатках, в пустынь, отрѣзанных от еврейскаго міра. Вокруг — одни арабы. Особенно опасно зимой, когда к лагерю по размытым дорогам и не добраться. Это — героическое и безвѣстное еврейское казачество, которое еще ждет своего лѣтописца.

«Геры» (христіане, перешедшіе в іудейство) обычно ведут себя так же, как и религіозные палестинцы. Помню встрѣчу с ними в Седжера, маленьком поселкѣ в 20 с лишним домов.

У в'ѣзда в поселок рослый старик мирно бесѣдовал с арабом. Я сразу признал гера. (Я, правда, был предупрежден, что в поселкѣ имѣется нѣсколько гер-ских семейств). Обратился к старику по-русски. Познакомились и пошли в поселок.

Должен признаться: я с трудом удерживался от хохота, так безмѣрно - комичен был стиль Мойше Куракина. Типичный, прямо лубочный, русскій мужичище, смачно говорящій по-русски в анекдотически - народном стилѣ:

— Ентот арабок не понимает, что наш брат, еврей, не даст еспуску...

— Как, значитя, отец наш, Моше - авину (т. е. Моисей) заховорил...

Разговор был весь уснащен цитатами из Библии (он говорил «Танах»), поговорками на иврит и на идиш, которыми старик владѣет свободно, ссылками на Талмуд. Подошел рослый парень с престонародно - русским лицом.

— Это сынок, Хаим.

Хаим Куракин, парень - гвоздь, смущенно улыбался. Старик об'яснил смущеніе сына:

— Не володѣет русским. Вы с ним говорите на иврит.

Дѣйствительно, парень еле говорит по-русски, с мѣстечково-еврейским акцентом!.. Отошел, вытащил из кармана газету на древне - еврейском языкѣ, сѣл читать. Прямо, водевиль!

Больше того: оказалось, что старик - Куракин «габѣ» в синагогѣ (вродѣ синагогальнаго старосты — почетная выборная должность), как самый набожный, досконально - знающій закон. В поселкѣ же немало чистокровных евреев.

— Откуда вы?..

— Астраханскіе...

Старик не очень вразумительно рассказал о том, как еще отец его дошел до истинной вѣры, о фантастических мытарствах и приключеніях, пережитых им и его семьей по пути в Палестину. Рассказал, между прочим, и о том, как увѣровавший в іудейство 90-лѣтній старик из сосѣдняго села сѣл, сжал колѣни — и сам себя прехладнокровно обрѣзал.

Пробѣжала курносая бѣловолосая дѣвчонка с косицами. Внучка. Третье палестинское поколѣніе.

— Рахиль, что ж «шалом» не скажешь. Рахиль по - русски уже ни слова!

Что больше всего поражает в Палестинѣ, кромѣ пейзажа — повидимому, единственнаго в мірѣ?

Во первых: обычный в еврейской Палестинѣ парадокс — послѣднее слово урбанизма и техники на фонѣ подлинной Библии! Не всегда это радует сердце, но разум не протестует. Трудно привыкнуть к статичности арабов, часами лежащих, либо сидящих в самых неудобных на европейскій взгляд позах. Непостижимая пластика торжественнаго бездѣлья и фатализма.

Палестина — страна чудаков и героев ненаписанных книг, людей исключительной біографіи, авантюристов, гражданских и религіозных святых.

Палестинцы — умны, интересны, болтливы, талантливые собесѣдники.

На всѣх мѣстах сидят люди высшей квалификаціи — явленіе знакомое, русскій Париж этим не удивить. И, все же, трудно привыкнуть к тому, что ночной сторож разговаривает с тобой о Прустѣ, уличный продавец сосисок — о новѣйших теченіях мірового театра, скромный коммерсант, с которым тебя знакомят в кафѣ, оказывается ученым синологом - японологом, а крестьянин без запинки цитирует современных русских поэтов.

Очень облагораживает жизнь отмѣна чаевых. Человѣческое достоинство, дѣйствительно, много от этого выигрывает. В ресторанѣ, в парикмахерской, в гостиницѣ, будь перед вами шоффер такси или уличный мальчишка, никто нигдѣ не ждет от вас подачки за работу или за услугу. Скорѣе обидѣлись бы.

Страна высокой культуры. Стандарт жизни высок — комфор-

ту, соціальної гігієни позавидует Европа. В Іпотечном банкѣ в Тель - Авивѣ служащіе сушат руки горячим воздухом, лѣтом дышут охладженим воздухом. Я заглянул в кооперативный ресторан для служащих — уютные стеклянные столики, изящная обстановка, на каждом столикѣ цвѣты. Банк этот не специальная достопримѣчателность, и я посѣтил его по собственному почину.

Пресса, театр, первоклассный симфоническій оркестр — в смыслѣ культуры крошечная Палестина живет много выше своих средств. Палестинцы много читают (статистики утверждают, что в этом смыслѣ — Палестинѣ принадлежит мировое первенство). Іерусалимская бібліотека — недавно основанная — теперь самое богатое книгохранилище на Ближнем Востокаѣ.

Городской рабочій тратит, в среднем, 10% заработка на книги (французскій рабочій должен был бы тратить — соответственно — 150 фр. в мѣсяц на книги). Страна очень демократична, и это сказывается во всем, даже в мелочах: так, напр., палестинец без малѣйшаго стѣсненія попросит газету или журнал у сосѣда по автобусу, а то и просто — осторожно потянет за кончик газеты, только из вѣжливости изображая на лицѣ молчаливую просьбу.

В странѣ много и случайных людей, неудачников, обиженных и разочарованных, всяких «ratés», но и в настоящее тяжелое время в ней еще много динамики, поэзии борьбы и строительства. Нѣсколько раз я наткнулся на случаи безкорыстного тайного служенія странѣ.

Так, разговаривая с одним инженером о достоинствах и о недостатках еврейскаго рабочаго, я полюбопытствовал: не сказывается ли на высокой производительности палестинскаго рабочаго извѣстный коэффициент національнаго энтузіазма. Инженер не без рѣзкости отвѣтил, что нельзя требовать от человѣка 365 дней энтузіазма в году — по 8 часов в каждом. Значительно позже я узнал от прямого начальника этого человѣка, что послѣдній в теченіе многих лѣт берет только 40% своего жалованья, считая его слишком высоким и «не по карману» Палестинѣ.

Человѣк этот женат, имѣет дѣтей, и меня еще при первой встрѣчѣ с ним поразило, что он, занимал высокій пост в важнѣйшем учрежденіи, худо одѣт. Молчаливый упрек товарищам? Урок практическаго идеализма? Во всяком случаѣ, человѣк, об'яснявшій мнѣ, что нельзя требовать от палестинцев перманентнаго эн-

тузіазма, сам оказался тайным энтузіастом на всѣ «365 дней» в году.

Помню разговор с ним. Мы говорили о фантастической палестинской экономикѣ, гдѣ ввоз превышает вывоз на 80%, о територіальной тѣснотѣ страны и т. д. В общем, сказал я ему, сіонисты — вродѣ человекѣ, полюбившаго женщину и с досадой отмахивающагося от подсчета матеріальных неудобств, связанных с женитьбой на ней. Сіонист женится на Палестинѣ по любви. Инженер покачал головой: — Нѣт, не так. Сіонист живет на необитаемом островѣ, гдѣ имѣется одна единственная женщина — Палестина. Вот на ней то он и женится. Ибо — на ком же ему жениться? Выбора нѣт.

**

Что такое Палестина?

Узкая береговая полоска между Средиземным морем и Иорданом. Ничтожная територія, вмѣщающая при том страшныя горы и пески безплодной іудейской пустыни.

Какова емкость этой страны? Сколько она может вмѣстить евреев? Область догадок — и загадок!

Англійская комиссія 1921 года опредѣлила Холон (к югу от Тель - Авива) как «мертвую землю», об'явив, что «в Палестинѣ нѣт больше мѣста и для кошки».

Недавно королевской комисіи Пиля показали ту же, «мертвую» землю в живом видѣ — на дюнах поставили прекрасный рабочій поселок (последнее слово урбанизма), распланировали город, заранѣе насадили в центрѣ его обширныя парки...

Кончилось тѣм, что, когда в англійской палатѣ кто-то запротестовал против ничтожных размѣров площади, отводимой евреям авторами проекта раздѣла Палестины («Вѣдь, на такой площади можно размѣстить лишь крошечную часть еврейскаго народа...»), ему отвѣтил докладчик:

— Почтенный джентльмэн плохо знает евреев. Кто - кто, но они сумѣют устроиться.

Таково опасное довѣріе англичан к новооткрытым колонизаторским и земледѣльческим талантам евреев. Дѣйствительно, двѣ тысячи лѣт эта земля как бы ждала возвращенія Израиля.

Что нашли здѣсь евреи? Пески, камни, пустыню, смертоносныя болота, беспощадныя болѣзни, косившія туземцев, различныя виды лихорадки, дизентерію, трахому, тиф. О выстроенных на

дюнах городах и поселках, о болотах, превращенных в цвѣтущіе сады, распространяться нынѣ не приходится.

Все же минимум земли евреям необходим — сіонисты полагают базу Палестины в еврейском земледѣліи, и не затѣм туда возвращаются, чтоб стать народом комиссіонеров. Кстати, на-счет микроскопичности проектируемаго государства, евреи не прочь горько пошутить. Приведу два популярныя анекдота.

Утро. В туристическое агентство приходят туристы.

— Мы бы хотѣли осмотрѣть Еврейское государство.

— К вашим услугам. А что джентльмэны предполагают дѣлать послѣ завтрака?

Второй: — «Официально сообщается, что еврейское правительство постановило выпустить почтовые марки с планом Еврейскаго государства — в натуральную величину».

**

Итак, территориально Палестина: узкая полоска земли на берегу Средиземнаго моря, окруженная с суши 15 миллионным арабским морем.

Экономически — страна слабого экспорта и массивнаго импорта. Природныя богатства — кромѣ мрамора и солей Мертваго моря — увы: мѣшечки с землей с гробницы Рахили замѣтная статья вывоза.

Политически — узел сложных и противорѣчивых интересов великих держав, чувствительный невральгическій пункт: маленькое еврейское хозяйство — излюбленное мѣсто схваток между крупными международными атлетами (от чего, конечно, «страдает» хрупкая еврейская посуда).

Друзья евреев — уклончивы и капризны, враги же — упрямы, настойчивы, опасны. Не безуміе - ли это: возвращеніе Израиля в землю обѣтованія.

Что на это сказать?

Конечно, Палестина — мала, малопомѣстительна и окружена врагами, а палестинская экономика — фантастична.

Но палестинское строительство игнорирует экономическій фактор, как игнорирует и фактор территориальный, и вся его динамика родственна наполеоновскому «on s'engage et puis on voit».

Безуміе Израиля — священное творческое безуміе. Если б харьковскіе студенты, пробравшіеся в концѣ прошлаго вѣка че-

рез всё рогатки, через невообразимыя испытанія, в эту страшную голую жестокою страну — помнили, что, по данным специалистов, вся Палестина (тогда, до отдѣленія Заіорданья, т. е., втрое больше нынѣшней) вмѣститъ максимумомъ 150.000 евреев, сегодня не было бы их там около 500.000. Но они пошли в Палестину, не заглядывая в статистическія таблицы.

Если б Палестина стала только духовным центром Израиля *), или просто — убѣжищем для громимых колѣн израилевых, то и тогда она заслуживала б всеобщаго содѣйствія и поощренія.

Но сіонизм можетъ стать этапом на пути осуществленія Израилем своей исторической миссіи.

Даже арелигіозныя соціалистическія общины — очевидное доказательство духовно - мистической роли Израиля. Благословеніе это или проклятье, но онѣ, все же, принадлежат к народу, который, по словам Маритэна, «не даетъ міру спать».

Если б главнымъ дѣломъ этихъ людей было созданіе образцоваго еврейскаго земледѣлія и гигантскаго соціалистическаго куроводства, они бы пошли не в эту безпощадную страну, гдѣ все, казалось бы, противъ них, а в Канаду, Аргентину или Мадагаскар, гдѣ об'ективныя условія колонизаціи — несоизмѣримо лучше и легче.

Но и они горятъ священнымъ безуміемъ, неугасимой таинственной страстью, которымъ они порой не знаютъ, а порой — боятся дать имя.

А имя это: миссія Израиля.

Палестина можетъ стать — новой главой Библіи. Повторяю: можетъ стать, можетъ быть...

Довид Кнут

*) Палестина уже сотворила чудо — чудо воскрешенія древняго языка, мертваго уже во дни Христа. То, что еще недавно, тридцать лѣтъ назадъ было утопійей, мечтой сумасшедшихъ одесситовъ, сегодня — реальность, и 750.000 человекъ называютъ сегодня дерево, лошадь, хлѣбъ и вино именами, которыми ихъ называлъ Моисей.

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(Из воспоминаний)

ІУ. — НЬЮ - ІОРК — БОСТОН — ЧИКАГО. —
ПРОБЪЛ В КНИГЪ. — «КРАСНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ».

Это было второе из пяти моих посѣщеній Соединенныхъ Штатов. Я уже не чувствовал себя новичкомъ в Америкѣ и достаточно знал ее, чтобы согласиться с ироническимъ замѣчаніемъ американцевъ: «кто не написалъ книги об Америкѣ послѣ первой поѣздки, тот уже никогда ее не напишет». Я успѣлъ также понять и другое американское изреченіе: «кто знаетъ только Нью - Іорк, тот не знаетъ Америки». Конечно, американскій Космополис, — в своихъ низахъ скопище осадковъ всѣхъ неудавшихся иммиграцій, не нашедшихъ в себѣ силы двигаться дальше, а в своей верхушкѣ — отборъ особняковъ американскихъ «десяти тысячъ» и ихъ торговыхъ конторъ в небоскребахъ «даун таунъ» (нижнемъ городѣ), — Нью - Іоркъ есть только раздувшійся нарывъ на глѣзѣ Америки, а не органическое проявленіе американскаго духа, — хотя бы даже в ближайшей к Атлантикѣ полосѣ «Новой Англіи». Чикаго — второй послѣ Нью - Іорка крупный городской центр — и первый, с которымъ я ближе познакомился, уже представляетъ другую Америку: «Средній западъ», гдѣ в началѣ нашего столѣтія еще завершались процессы, давно законченные на Востокѣ, — процессы американской колонизаціи: авантюризмъ большого стиля сверху и бытовой анархизмъ снизу, — остатки примитивизма там и здѣсь. В исторіи Чикаго я прочелъ, что еще в шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія два мула успѣшно обслуживали ежедневную почту зарождавшагося города. Это и понятно, такъ какъ американское населеніе разныхъ національностей только в тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ подошло с юга къ великой озерной области сѣвера. А тамъ позади, на «Дальнемъ Западѣ», еще цѣлы были пустыри, перемежавшіеся оазисами населенія. В

Калифорніи еще жили герои Брет - Гарта, смѣнившіе тѣх краснокожих средней и восточной Америки, похождениями которых мы в нашем дѣтствѣ увлекались в романах Фенимора Купера и Майн - Рида. Если к «Новой Англии», «Среднему» и «Дальному Западу» прибавить еще давно колонизованный юг и недавно заселенный сѣвер, то вот уже *пять* Америк, из которых каждая живет собственной жизнью, мало связанной с нью - йоркской вытяжкой, а иногда и враждебной ей.

Мой вѣрный друг и деликатный покровитель в Америкѣ, Чарльз Крен, с своей многолюдной семьей, явился для меня тѣм микрокосмом, на котором я впервые познакомился с разными стадіями американскаго историческаго процесса. Сам он представлял переходный тип от одного поколѣнія новых американских богачей к другому. Как нарочно, Крен дал мнѣ почитать популярный тогда роман «Письма отца - самоучки (self-made-man) к своему сыну». Книга отлично иллюстрировала этот поворотный пункт поколѣній. Отец Крена, съ которым я еще успѣлъ познакомиться, — крѣпыш, солидно обставившій свое торгово - промышленное предпріятіе и передавшій его на полном ходу дѣтям, — это был представитель американской скалы, на которой созидались небоскребы. Сын — мой Крен — с темпераментом, все еще кипящим жаждой приключеній и творческаго почина, юношей повадился ходить на пристань, гдѣ стояли иностранные корабли; его манили невѣдомыя дали, и в один прекрасный день — в том, в чем был, не предупредив отца, без всяких средств он сѣлъ на голландскій пароход и отплыл в голландскія колоніи Азіи. Здѣсь развивается в нем любовь к экзотическим странам — и к угнетенным народам в процессѣ их освобожденія. Этой своей любви он остается вѣрен в теченіе всей своей жизни. От Азіи его интерес переходит к Россіи, от Россіи — на балканских славян; затѣм он возвращается к мусульманским странам Ближняго Востока и Африки, копчается на Албаніи. В Африкѣ Крен разыскивает шейха Сенусси, в Аравіи его сосѣд по автомобилю в пустынь падает под пулей бедуина, и только случайность спасает Крена от смерти. Близкій к правящим сферам Америки, друг Теодора Рузвельта и потом Вильсона, он получает назначеніе посланником в Китай, но остается на посту недолго и оттуда попадает в третій раз в Москву при Совѣтах (в первый раз он пріѣзжал в Россію приглашать меня в Америку, во второй — поспѣшил пріѣхать —

на огонек — в первые же дни революціи 1917 г.). Всюду он привлекает к себѣ друзей и остается им вѣрен; через третье лицо он помогает друзьям, оставшимся у большевиков; воспитывает дѣтей извѣстной турецкой писательницы; дѣлает анонимно массу добра. Со мной он дважды путешествует по Болгаріи и Турціи; отовсюду привозит художественныя произведенія — и практическія свѣдѣнія, превращая свой дом в музей — и обогащая фирму Вестингауза новыми рынками. В концѣ своей безпокойной карьеры он еще создает в Калифорніи единственную в своем родѣ финиковую плантацію, гдѣ разводятся лучшіе сорта фиников, собранные им со всего свѣта. Среди всѣх своих скитаній Крен никогда не забывает тѣх, кого раз полюбил. Мнѣ посчастливилось попасть в это число, и гдѣ-бы он ни был, возвращаясь через Париж, он обязательно устраивает встрѣчу со мной и рассказывает мнѣ свои послѣднія впечатлѣнія.

Многочисленная семья Крена — дѣти разныхъ возрастов и его внуки — опять представляютъ переходъ к новому типу — третьяго и четвертаго поколѣнія. Дѣлами они больше не занимаются; их привлекают свободныя профессіи, спорт, любительство, искусство, — новаторство в разныхъ сферах творчества и жизни. Обладая значительными средствами, они имѣют досуг и пользуются им — одни для серьезной работы в избранной специальности, другіе — для развлечения. Часто — в послѣднем поколѣніи — они принадлежат к типу «уставших от американской нивеллировки» — и увлекаются экзотикой иного рода, нежели мой старыи друг. Вообще, однако, старыя рѣзкія различія между «пятью Америками» со временем сглаживаются — по мѣрѣ усвоенія общей культуры. За время моихъ посѣщеній Соединенныхъ Штатов, т. е. в теченіе цѣлой четверти вѣка (1903 — 1928), я мог наблюдать громадныя перемѣны и гигантскій рост Америки. К нѣкоторым из этихъ явленій я буду имѣть случай вернуться; теперь я говорю об Америкѣ, какой засталъ ее в 1903 — 1904 годахъ.

Благодаря дружественному посредничеству Чарльза Крена, мнѣ на этотъ разъ предстояло перейти от одного полюса американской жизни к другому: от самаго молодого чикагскаго университета к старѣйшимъ образовательнымъ учрежденіямъ Бостона, — этихъ общепризнанныхъ «американскихъ Афинъ», столицы древнѣйшаго штата Массачусетса. Я разумѣю здѣсь, прежде всего, Лоуэллевскій институтъ (Lowell's Institute), основанный в 1937 году и поддер-

живавшій прочную репутацію найбільше авторитетнаго учреждения для чтенія публичных лекцій. В этот отдѣлъ института ежегодно приглашаются лекторы с европейским или всемірным именем. Я, конечно, к этой категоріи не принадлежал, и мое приглашеніе было вызвано настойчивой рекомендаціей Крена. По завѣщанію основателя института, приглашают лекторов обязательно члены фамилии Лоуэлей. Наиболѣе извѣстный из них, ректор и профессор старѣйшаго Гарвардскаго университета в окрестностях Бостона (Кембридж), Лоуренс Лоуэль, приходился кузеном своего родственника, формально приглашавшаго очередных лекторов: через его посредство я и получил приглашеніе, а затѣм познакомился с ним лично и был его гостем в Гарвардѣ, что само по себѣ было рѣдким отличіем.

Это знакомство сразу ввело меня в избранный круг литераторов, артистов и др. интеллигентов, которыми славился Бостон на всю Америку. К семьѣ Лоуэлей принадлежал и знаменитый поэт Лоуэль, — и его традиція поддерживалась в Бостонѣ его молодой родственницей, мисс Лоуэль — тоже поэтессой, которая и собирала около себя этот избранный круг. Надо прибавить, что это был не только центр культуры, но и центр американской аристократіи. «Десять тысяч» избранных об'единялись одним признаком, — не всегда, конечно, соответствовавшим дѣйствительности: они считали себя потомками «Отцов Пилигримов» (Pilgrim Fathers), пріѣхавших из Англии на «Mayflower» и высадившихся в 20 г. на скалѣ Плимута, — теперь одного из кварталов Бостона. Как извѣстно, американцы очень чувствительны к генеалогіям, и тѣ, которые американской генеалогіей от XVII вѣка не обладают, замѣняют ее в наше время женитьбой или замужеством с князьями, графами, маркизами тѣх стран Европы, гдѣ подобные титулы имѣются. Перепало кое-что от этой американской прихоти и на долю наших титулованных эмигрантов. Старая аристократія «ландыша» смотрѣла на этих мѣщан во дворянствѣ с нѣкоторым пренебреженіем, строго охраняя собственную чистоту.

Должен опять оговориться, что и здѣсь я описываю прошлое, теперь уже довольно далекое. В промежуткѣ произошли большія перемѣны, и аристократическій Бостон теперь уже не тот, что прежде. Но, возвращаясь к декабрю 1904 г., я чувствовал, что открытый мнѣ доступ в эту избранную среду является для меня спеціальным знаком вниманія. Я здѣсь, дѣйствительно, встрѣтил лю-

дей, живших интеллектуальными интересами, — людей с развитым эстетическим вкусом, бывших в курсѣ послѣдних — или предпослѣдних новинок Европы и гордившихся этим. В то г д а ш н е й Америкѣ это был, в самом дѣлѣ, довольно одинокій оазис. В бесѣдах этого круга стремленіе к высотам культуры совмѣщалось с нѣкоторым презрѣніем к быстрой демократической нивелировкѣ Америки, и в политикѣ высказываемые в этом салонѣ взгляды носили характер несомнѣннаго консерватизма. Я, однако, почувствовал, переходя от уюта этого, почти семейнаго, круга к большой аудиторіи моих лекцій, что репутація высокой культурности Бостона вовсе не ограничивается одним этим избранным кругом. Должен по совѣсти признать, что едва-ли когда — либо я имѣл перед собой аудиторію такого высокаго уровня, как именно здѣсь. Тема моя была для них новая; я не щадил их вниманія, загружая свое изложеніе не только фактическими подробностями, но даже и таблицами цифр на доскѣ. Вниманіе, однако, ни на минуту не прерывалось, а по окончаніи каждой лекціи я получал самое осязательное доказательство того, что содержаніе лекціи воспринято во всѣх деталях. На меня сыпался цѣлый ряд вопросов, большею частью мѣтко поставленных и глубоко захватывавших предмет. Видно было, что имѣешь дѣло с людьми не только бывалыми и знакомыми с жизнью, но и обладающими значительным запасом политических, социальных и теоретических познаній. Это был своего рода экзамен для самого лектора, и подчас я со смущеніем видѣл, что вопросы вскрывают самыя мои слабыя мѣста.

Словом, я был доволен Бостоном и благодарен ему. Это умное вниманіе пришло во-время для окончательной обработки второй части моей книги о «Русском Кризисѣ». Признаться, читая лекціи, я больше думал о ней, чѣм о моих слушателях: поэтому и донимал их так непедagogично подробностями, болѣе важными для русских, нежели для иностранцев. Послѣ окончанія этого курса лекцій у меня оставался промежуток времени до возвращенія в Чикаго и прочтенія там курса о балканских славянах. Я рѣшил воспользоваться этим промежутком для того, чтобы, пользуясь гостепріимством ректора Гарвардскаго университета, поработать среди уюта университетскаго городка в обширной гарвардской библіотекѣ.

Историческая часть моей работы была в это время уже готова. Оставалось лишь дополнить новыми данными параллельную

исторію русскаго либеральнаго и соціалистическаго движенія, доведенную до девяностых годов прошлаго вѣка. Прочтенный в Бостонѣ курс присоединял к исторіи характеристику современнаго положенія — по матеріалам, отчасти собранным в Россіи, отчасти присланным мнѣ в Америку и доводившим фактическое изложеніе до конца 1903 г. Были подобраны цифровыя данныя об экономическом кризисѣ, о рабочем и крестьянском движеніи, о ростѣ политических преступленій, об усиленіи правительственных преслѣдованій; предсказана трудность мирнаго исхода и быстро возростающая неизбѣжность революціи. Но между обѣими частями — исторіей и современностью — зіял пробѣл, который оставалось заполнить. Это было — состояніе либеральнаго и соціалистическаго движенія при переходѣ от прошлаго к настоящему — на рубежѣ двух столѣтій. О либерализмѣ за эти годы я мог говорить по личным наблюденіям и на основаніи той политической эволюціи «Возрожденія», о которой говорилось в предыдущей главѣ. О новѣйших событіях среди обоих теченій русскаго соціализма — народничества и марксизма — я знал по личным знакомствам с их «легальными» представителями и с их журнальной работой за короткое время моего редакторства в «Мірѣ Божіем», по возвращеніи из Болгаріи. Не мог, конечно, не знать и о начавшейся борьбѣ внутри самого марксизма — между «экономистами» и «ревізіонистами» (бернштейнѣйцами) — и их противниками. Обо всем этом я и говорил в книгѣ; упоминал даже «Искру». Но внутренней психологіи этой подпольной борьбы — в результатѣ накопившихся в ней противорѣчій — я, разумѣется, знать не мог в тѣ годы: этот пробѣл так и остался пробѣлом. А между тѣм из него неизбѣжно вытекала неполнота и односторонность моих практических выводов, о которой скажу сейчас. Я очень рассчитывал на русскія заклади огромной бібліотеки Гарвардскаго университета и дѣйствительно нашел там много нелегальных брошюр, изданій и газетных комплектов. Судя по надписям на нѣкоторых из них, эта коллекція была приобрѣтена университетом от нѣкоего Панина — очевидно, русскаго революціонера - эмигранта. Она мнѣ очень помогла, — для девяностых годов, — но и усилила несоотвѣтствіе моих знаній между этим періодом и ближайшими послѣдующими годами. Я упоминаю о всѣх этих автобіографических подробностях, потому что онѣ повліяли на мои представленія о ходѣ предстоящаго революціоннаго движенія в Россіи. К моей исторической схемѣ

встрѣчной эволюціи русскаго либерализма и социализма эти данныя очень подходили; но проекція хода этой эволюціи в будущее вышла неправильной: чрезчур оптимистичной. Дѣло в том, что я строил свою схему на постепенном сближеніи обоих теченій русской политической мысли и не мог предусмотрѣть возможности их новаго расхожденія при подѣмѣ новой революціонной волны. Приведу полстранички из америкапской книги, никогда не увидавшей свѣта в русском переводѣ, чтобы закрѣпить документально это мое тогдашнее представленіе. «Мы видѣли», резюмировал я свой рассказ, «как в шестидесятих годах, когда либералы впервые появились как особая политическая группа, они были заподозрѣны болѣе прогрессивным общественным мнѣніем в аристократизмѣ и крѣпостничествѣ; это лишило их политическую программу (я разумѣл конституціонныя требованія) всякаго вліянія на правительство и на общественное мнѣніе. Во втором періодѣ их борьбы, в семидесятих годах, либералы получили болѣе сильную поддержку общественнаго мнѣнія образованных классов; но революціонеры оставались их противниками, — и они, в свою очередь, были готовы помочь правительству против революціи. С тѣх пор обѣ стороны поняли, что лучше бороться вмѣстѣ против общаго врага, нежели сражаться друг с другом. Мы видѣли, что и социалисты, и революціонеры признали, что причина их неудачи отчасти и заключается в недостаточной поддержкѣ образованных классов. В то же время либералы поняли, что никакія частичныя соглашенія с правительством не могут гарантировать данных уступок и установить таким образом длительное состояніе социальнаго мира. Раз революціонеры стали практичнѣе, а либералы — демократичнѣе и прогрессивнѣе в своих требованіях, стало возможно прямое соглашеніе между обѣими группами».

На чем я основывал это заключеніе — или эту надежду? В восьмидесятих и девяностых годах доказательства были в изобиліи. Это было, именно, то время, когда революціонеры поняли недостаточность своих сил и утопичность своей программы — и стали умѣреннѣе в своих ближайших требованіях. Александр Михайлов уже в 1881 г. показывал на судѣ, что «послѣ восьми лѣтъ столкновеній с централизованным политическим строем... оказалось необходимым выдвинуть на первый план политическую свободу и народоуправленіе... Это — лозунг уже не социалиста только, а всякаго честнаго и развитаго русскаго гражданина, и потому нѣтъ

сомнѣнія, что им опредѣлится для Россіи ближайшій шаг прогресса». И в письмѣ друзьям из Петропавловской крѣпости он завѣщал: «все отдаленное, все недостижимое должно быть на время отброшено. Соціалистическіе и федералистическіе идеалы должны отступить на второй план дальнѣйшаго будущаго, и лозунгом вашим должно стать... земское учредительное собраніе при общем избирательном правѣ, при свободѣ слова, печати и сходок». Это была старая программа Герцена; но и к ней исполнительный комитет Н. В. весной 1880 г. присоединял оговорки. Он соглашался «признать даже царское правительство, если оно будет восстановлено учредительным собраніем, но сохранить за партией право пропаганды республиканской идеи». Не упоминаю уже о еще болѣе сдержанных требованіях к царю в знаменитом письмѣ исполнительнаго комитета Александру III в 1881 г. В том же 1881 г. Кравчинскій писал: «соціализм не стоял и не стоит препятствіем для объединенія русской оппозиціи: нам дороги интересы свободы всѣх русских, без различія партій; мы готовы защищать ее во имя общаго внѣклассоваго чувства гражданской солидарности, которая существует во всѣх передовых странах — в тѣм болѣе степени, чѣм онѣ культурнѣе. В вопросѣ политическом, составляющем злобу дня, наша программа есть именно программа передовой фракціи русских либералов». Тѣ же взгляды развивала в срединѣ девяностых годов преемница «Народной Воли», партія «Народнаго Права», среди которой были и мои личные друзья (как Мельшин—Якубович). И первоначальный («легальный») марксизм, борясь с народничеством, занялся прежде всего установленіем того безспорнаго факта, что Россія не составляет исключенія в ряду других культурных стран, и что в ней этап развитаго капитализма должен быть пройден перед переходом к соціалистическим формам хозяйства. Идея классовой борьбы оставалась при этом на втором планѣ.

Под вліяніем этих взглядов образумившихся революціонеров 80-х - 90-х годов, я как-то просмотрѣлъ значеніе того факта, что Плеханов уже при переходѣ своем от «Чернаго Передѣла» к (непринятой) статьѣ в «Вѣстникѣ Народной Воли», т. е. уже в первой половинѣ восьмидесятых годов был готов замѣнить одну отброшенную утопію другой. Первая утопія заключалась в вѣрѣ в прирожденный соціализм крестьянства. Новая утопія состояла в замѣнѣ этой фантастической роли крестьянства в революціи — такой

же и болѣе важной — ролью рабочаго класса, как единственнаго фактора при введеніи немедленнаго социализма в м е ж д у н а р о д н о м масштабѣ во всѣх цивилизованных странах міра. Ленин развил эту утопію своим возвращеніем к Ткачеву (переворот сверху, вмѣсто «федерациі» общин снизу), к бланкизму и к Жоржу Сорелю (водвореніе социализма сверху, путем насильственнаго захвата власти во имя диктатуры пролетаріата). Как построится ход русской революціи при примѣненіи этой новой утопіи, я предвидѣть не мог, а единственная встрѣча моя с Лениным в 1902 (1903?) году в Лондонѣ только показала мнѣ, что и он еще рассчитывает на сотрудничество «буржуазной демократіи» при созданіи коалиціоннаго правительства в будущей демократической республикѣ. Отсюда происходила невольная перестановка моих перспектив при оцѣнкѣ предстоявшей дѣйствительности. Могу только прибавить, предваряя дальнѣйшій рассказ, что эта ошибка перспективы, прежде чѣм принести вред, принесла и значительную пользу. Оптимизм, как иногда бывает, оказался источником силы.

Не столько закончив, сколько оборвав свои работы в Гарвардѣ, я вернулся к началу январскаго семестра 1905 г. в знакомую уже мнѣ семью чикагских профессоров и начал чтеніе лекцій о балканских славянах. Но оно недолго продолжалось. Мнѣ удалось прочесть из этого курса только нѣсколько лекцій. В чикагских газетах от 23 (10) января я прочел оглушительное извѣстіе о «Красном Воскресеньѣ» в Петербургѣ (9 - 22 января). Первоначальныя свѣдѣнія были очень кратки и неясны; но их было достаточно, чтобы показать мнѣ, что предсказанная в моих курсах революція дѣйствительно начинается. Моя книга кончалась свѣдѣніями о резолюціях земскаго с'ѣзда 19 (6) ноября и о парижском с'ѣздѣ оппозиціонных и революціонных партій. Это был послѣдній аккорд в сближеніи обоих русских теченій. Теперь приходилось кончать рассказ народным возстаніем и его ближайшими послѣдствіями. В текстѣ я говорил о чрезвычайной трудности даже для «опытнаго и авторитетнаго политика» опредѣлить, в виду общаго антиправительственнаго фронта, ту минимальную программу, которая могла бы «спасти положеніе» и «удовлетворить общественное мнѣніе». В примѣчаніи к сданному в печать набору мнѣ пришлось прибавить: «эти строки были написаны до зимних осложненій 1904 - 1905 г. г. Теперь никакой отдѣльный государ-

ственный дѣятель спасти положеніе не может. Слово принадлежит представителям народа». Так отразилась в моем сознаніи разница положенія *до* и *послѣ* «Краснаго Воскресенья». Естественно, что на этот раз я счел своим долгом как можно скорѣе прервать лекціи и спѣшно вернуться в Россію. Я сказал об этом Крену. Его ясный ум и приобрѣтенный в странствіях опыт, вмѣстѣ с симпатіей к освободительным движеніям народов, дали ему возможность сразу оцѣнить значеніе петербургскаго событія. Он вполне присоединился к моему рѣшенію. Мнѣ оставалось только закончить подготовку к печати книги, что входило обязательной частью в выполненіе креновскаго плана лекцій о славянствѣ. Тут мнѣ помог молодой доцент по кафедрѣ ассириологіи чикагскаго университета, д-р Мусс - Арнольд, проникшійся ко мнѣ самой нѣжной дружбой. Ему я обязан окончательным выправленіем текста, причем он обнаружил пониманіе малѣйших деталей моего изложенія и заинтересовался внутренним значеніем описанных мною процессов. Это отразилось и в составленном им великолѣпном «аналитическом указателѣ» к книгѣ. Свою дружбу ко мнѣ Арнольд сохранил до послѣдней моей поѣздки, — до свиданія с ним, когда женатаго и полудлѣбнаго, жившаго на покоѣ, я разыскал его в отдаленном кварталѣ Нью - Йорка. Едва-ли дойдет до него это выраженіе моей благодарности.

Пока Мусс - Арнольд заканчивал свою работу над изданіем книги, я воспользовался нѣсколькими свободными днями, чтобы совершить экскурсію на сѣвер, к границам Канады. Я поднялся через Детройт в Торонто (по ту сторону границы), оттуда к истоку рѣки Св. Лаврентія из озера Онтарио и дальше, по живописнѣйшей части рѣки (т. наз. «Тысячѣ островов») до Монтріоля (Монреаля) с его старо - французской культурой. Оттуда, через озеро Чамплен и Нью - Йорк, я вернулся прямым путем в Чикаго (на Ніагарѣ я был и раньше, и позже). В поѣздкѣ этой я провѣрил впечатлѣніе свое о связи канадской природы с сибирской и сѣверо - русской (свѣжій климат, угрюмые хвойные лѣса и т. д.). Но, кромѣ того, я еще раз натолкнулся тут на удивительную для того времени организованность и освѣдомленность американской печати. На каждой остановкѣ по пути я покупал мѣстную газету — и вездѣ, днем и вечером, находил продолженіе связнаго разсказа о петербургском «Красном Воскресеньѣ». Тут попутно я узнал о роли Гапона в движеніи, о его связях с зубатовщиной, с одной сторо-

ны, и с русскими лѣвыми теченіями, с другой, о подробностях кроваваго дня и т. д. Только это дало мнѣ возможность вставить в книгу болѣе подробный разсказ об этом поворотном моментѣ революціоннаго процесса. О характерных особенностях американской прессы я, впрочем, узналъ тут не впервые. Помню, как при первом же моем прїѣздѣ в Америку у памятника Свободы поднялись на палубу океанскаго парохода одновременно с таможенными чиновниками и репортеры газет, — как они отыскивали меня в каютѣ при провѣркѣ паспортов, собрали обо мнѣ и о цѣли моего прїѣзда нужны им свѣдѣнія — и закончили, до моей высадки, обязательным вопросом, как мнѣ понравилась Америка. Выйдя, по выполненіи таможенных формальностей, с пристани и купив газеты, я к удивленію прочел не только свою біографію с портретом, но и болѣе или менѣ остроумные, смотря по таланту репортеров, отвѣты о моей любви к Новому Свѣту.

С изданіем книги я все же задержался в Соединенных Штатах еще на два мѣсяца с лишним. Закончив, наконец, этот мой собственный политическій путеводитель по возрождавшейся новой Россіи, я к началу апрѣля вернулся в Петербург.

П. Милюков

Проблема рождаемости

I.

Проблема рождаемости нынѣ серьезно стала перед цивилизованнымъ человѣчествомъ. Перенаселеніе или вымираніе? Такова, повидимому, альтернатива, которая грозитъ народамъ и человѣчеству. Двѣ противоположныя перспективы, которыя, каковъ бы ни былъ выборъ между ними, должны казаться роковыми для многихъ странъ.

Три факта знаменуютъ нынѣ численное движеніе населенія в различныхъ странахъ міра: постоянное уменьшеніе рождаемости в большинствѣ цивилизованныхъ странъ; сильная рождаемость и значительный рост населенія в нѣкоторыхъ странахъ менѣе цивилизованныхъ; абсолютное уменьшеніе численности населенія, уже наблюдающееся в своемъ началѣ в нѣкоторыхъ странахъ, а именно во Франціи и в Австріи.

Далекъ от насъ спектр перенаселенія, которымъ нѣкогда Мальтусъ, в своей простой и монистической формулѣ, грозилъ человѣчеству. Ученіе Мальтуса опредѣляется в двухъ «тенденціяхъ»: населеніе возрастаетъ в геометрической прогрессіи; средства существованія умножаются лишь в арифметической. Отсюда безпрестанная опасность перенаселенія, жестоко пресѣкаемая природою, голодомъ, болѣзнями и насильственными смертями, если только мѣры воздержанія не становятся на пути чрезмѣрной рождаемости. Теза Мальтуса оказала вліяніе на теоріи біологическія (принципъ борьбы за существованіе в дарвинизмѣ), теоріи экономическія (ученіе о заработной платѣ Рикардо), на политическія и законодательныя мѣры. Потомъ наступилъ моментъ, когда и біологія, и политическая экономія стали рѣзко выступать противъ теоріи Мальтуса. Но генеральное сраженіе было ей дано на полѣ статистики. Цивилизованный міръ прежде боялся перенаселенія, теперь онъ боится вымиранія...

Садлер и Дюбльдэй противопоставляли «закону Мальтуса» тот тезис, что плодovitость находится в обратном соотвѣтствіи с количеством средств существованія. Герреншванд, потом Шарль Фурье и Пьер Леру предвидѣли и предсказывали, что экономическій прогресс человѣчества повлечет за собою уменьшеніе плодovitости и рождаемости. Кэри, Герберт Спенсер и другіе изслѣдователи доказывали, что способность воспроизведенія находится в обратном отношеніи къ мозговой дѣятельности, и потому слѣдует ждать сокращенія рождаемости с развитіем цивилизаціи. Карл Маркс высказал ту идею, что нѣтъ единого закона народонаселенія, но что существуют различные законы народонаселенія, которые соотвѣтствуют различным социальным режимам. Но он проблему народонаселенія ассоціировал с вопросом капитализма, хотя проблема эта обладает болѣе широкими рамками, чѣм спеціальныя условія экономического строя. Проблема народонаселенія является в сущности проблемою исторіи человѣчества.

Затѣм слово было предоставлено статистикѣ. Вот что констатировала послѣдняя: в наиболѣе цивилизованных странах наблюдается одновременно и сокращеніе рождаемости, и уменьшеніе смертности; но избыток числа рожденій над числом смертей становится все меньше и меньше. В этом заключается именно современный кризис рождаемости и вообще кризис эволюціи народонаселенія. Ибо цифра смертности стремится къ минимуму, который, повидимому, должен быть непреходимым предѣлом, тогда как цифра рождаемости может понижаться неограниченным образом.

В Европѣ постоянное убываніе рождаемости наблюдается в большинствѣ западных и центральных стран: во Франціи, в Англии, Скандинавских странах, Финляндіи, Голландіи, Бельгіи, Германіи, Австріи, Швейцаріи, Италіи. Въ Европы, Соединенные Штаты, Канада, Аргентина, Австралія, Новая Зеландія слѣдуют той же демографической траекторіи. Процесс этот обострился особенно в послѣдніе годы.

Спектр перенаселенія, которым нѣкогда Мальтус грозил, доказывая, что рост средств существованія отстает от численнаго роста населенія, совершенно исчез, по крайней мѣрѣ для болѣе цивилизованных стран, гдѣ приходится бороться уже против катастрофического уменьшенія рождаемости. Никогда средства питанія не были столь обильны, как в нашу эпоху, и экономическіе

кризисы в известной степени об'ясняются перепроизводством продуктов, служащих прямо или косвенно для питанія и одежды. И что же? В большинствѣ стран цивилизованнаго міра рождаемость уменьшается с каждым годом, а в нѣкоторых из них уже наблюдается начало растущаго дефицита населенія. Какой удар для стараго мальтузіанства!

Куда же должен привести этот процесс? Это — вопрос, который занимал математиков - статистиков.

Сначала выводы их казались довольно утѣшительными. Они доказывали, что эволюція численности населенія ведет, в противоположность истолкованіям мальтузіанцев, к нѣкоторому устойчивому равновѣсію: ни перенаселеніе, ни вымирание. Первый, Кетле, в своей «Соціальной физикѣ», говоря о математической сторонѣ проблемы, высказал, что движеніе населенія стремится к установленію стаціонарнаго состоянія, в виду существованія причин, сопротивляющихся росту населенія в геометрической прогрессіи. Потом, еще сто лѣтъ тому назад, бельгійскій математик Верюльст развил уравненія, из которых он вывел формулу «логистической кривой» движенія населенія в современных цивилизованных странах; из формулы Верюльста вытекало, что годичный прирост населенія, в результатѣ уменьшенія рождаемости, начнет убывать, пока численность населенія не достигнет предѣла, который не сможет уже быть превзойден и который останется неизмѣнным. Это — предѣл «асимптотическій» (в математикѣ и физикѣ подобные законы измѣненія называются «асимптотическими» *).

Впослѣдствіи ту же форму для движенія населенія Соединенных Штатов нашли американскіе биологи - статистики Пирль и Рид. Еще раньше их, другой американскій статистик, Вудруфф, выводил, что, вслѣдствіе упадка рождаемости, населеніе Соединенных Штатов достигнет стаціонарнаго состоянія в 2000-ом году. Напротив того, Пирль и Рид вычислили, что населеніе Соединенных Штатов достигнет стаціонарнаго предѣла в 2100-ом году, при численности в 97 миллионов душ. Недавно Рид показал, что существует полное согласіе между цифрами, которыя дает статистика, и тѣми, которыя вычислены на основаніи «логистической кривой»,

*) P. Verhulst, *Recherches mathématiques sur la loi d'accroissement de la population*, «Nouveaux Mémoires de l'Académie Royale de Bruxelles», t. XVIII, 145, p. 8. — *Deuxième Mémoire*, t. XX, 1847, p. 4-6.

начиная с 1790 года, с нѣкоторым легким несоотвѣтствіем для цифр годов 1920 и 1930. Для Франціи и Швеціи, Пирль и Рид нашли ассимптотическіе предѣлы в 42,6 миллионѣ и 7,9 миллионѣ душ соотвѣтственно. Наконец, англійскій статистик Юль показал, что формула Верюльста примѣнима к большинству цивилизованных стран, в которых уменьшеніе рождаемости и уменьшеніе смертности образуют эволюцію, ведущую к установленію стаціонарнаго состоянія населенія *)).

Оптимисты могли торжествовать: «закон Мальтуса» был, по видимому, сокрушен.

II.

Но нашлись скептики и пессимисты, которые, «по ту сторону баррикады», стали смущать умы спектром, противоположным тому, которым нѣкогда утрашал Мальтус. А что, — говорили они, — если убыль рождаемости приведет движеніе населенія по ту сторону ассимптотическаго предѣла, и населеніе начнет абсолютно уменьшаться вслѣдствіе превышенія цифры смертности над цифрой рождаемости? Развѣ подобные примѣры абсолютнаго уменьшенія населенія, вслѣдствіе уменьшенія рождаемости, не имѣли мѣста в древней Греціи и в древнем Римѣ? Не шестуем ли мы по пути вымиранія населенія цивилизованных стран?

Подобная перспектива не есть простая возможность. Она, по видимому, начинает уже осуществляться в нѣкоторых странах. В особенности тревожной представляется демографическая эволюція Франціи, которая знает уже абсолютно дефицитные годы. Из статистических данных, относящихся к Франціи, вытекают два серьезных факта. Во первых, рождаемость во Франціи продолжает постоянно убывать. Число живых рожденій было в 1934 году 677.000, в 1935 — 640.527, а в 1936 году — 630.059, на 10.468 меньше. За девять первых мѣсяцев 1937 года было 471.150 жи-

*) R. Pearl and L. J. Reed. **On the Mathematical Theory of Population Growth**, «Metron», vol. III, N° 1, 1923. — **On the Mathematical Theory of Population Growth**, Baltimore, 1924, p. 1-6. — **Predicted Growth of Population of New York, N.Y.C.**, 1923, p. 7, 34, 36, 41, 42. — «The American Journal of Hygiene», vol. IV, 3, May 1924. — L. J. Reed, **Population Growth and forecasts**, «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», November 1936, p. 162-163. — G. Udny Yule, **The Growth of Population**, etc., «Journal of the Royal Statistical Society», January 1925, p. 1 etc.

вых рождений, тогда как за девять первых мѣсяцев 1936 года было 484,291 живых рождений, т. е. на 13,141 меньше в 1937 году, чѣм в соответственный период 1936 года. Ежегодное уменьшение числа рождений во Франціи — явление, конечно, не новое, оно наблюдается уже давно. Еще болѣе серьезен второй факт: хотя смертность во Франціи болѣею частью уменьшается из года в год, но уменьшение смертности уже не в состояніи компенсировать уменьшение рождаемости, и таким образом начинает получаться дефицит: численность населенія Франціи начинает уменьшаться абсолютным образом. В 1935 году пропорція рождений составляла 15,2 на 1000 душ, тогда как пропорція смертностей достигала 15,7 на 1000; уменьшение населенія достигло в этом году 17.852 душ. В 1936 году число смертей составляло 642.139 против 630.059 рождений, и населеніе уменьшилось на 12.080 единиц. Два года под ряд численность населенія абсолютно уменьшается. «Больше гробов, чѣм колыбелей»!

Франція — не единственная нынѣ европейская страна, в которой цифра смертности превышает цифру рождаемости. Именно во Франціи уменьшение рождаемости началось перед тѣм, как оно стало проявляться в других цивилизованных странах, и нѣтъ ничего невозможнаго в том, что процес абсолютнаго уменьшенія численности населенія, тенденція котораго уже ощущается во Франціи, наступит потом и в других странах. На путь демографическаго дефицита вступила и Австрія: в 1935 году пропорція рождений в этой странѣ составляла 13,2 на тысячу, ниже цифры смертности, доходившей до 13,6 на 1000.

Возможную перспективу абсолютнаго уменьшенія численности населенія в цивилизованных странах давно уж предвидѣли нѣкоторые изслѣдователи. Швейцарскій демограф Секретан видит в процессѣ численнаго убыванія населенія нѣкоторый закон эволюціи самой цивилизаціи *). Еще болѣе 50 лѣтъ тому назад финляндскій статистик Тальквист предсказывал, что сокращеніе плодовитости браков приведет к абсолютному уменьшенію населенія **).

*) Julius Beloch, *Die Bevölkerung der Griechisch-römischen Welt*, Leipzig, 1886, p. 159, 499, 500 etc. — E. Albertini, *L'Empire Romain*, Paris (Alcan), 1929, p. 129-132 et 304-305. — H. F. Secrétan, *La Population et les Mœurs*, 2e édit., Paris (Payot), 1915, p. 12 etc. — Adolphe Landry, *La révolution démographique*, Paris (Sirey), 1914, passim.

**) J. V. Tallquist, *Recherches statistiques sur la tendance à une moindre fécondité des mariages*, Helsingfors, 1886, p. 99.

Нѣсколько лѣтъ тому назад Юль высказал возможность того, что сокращение рождаемости приведет, через нѣсколько десятков лѣтъ, к абсолютному уменьшению населенія. Говоря об упадкѣ рождаемости в Англии, доктор Вилугби, в рѣчи, которую он произнес в качествѣ предсѣдателя медицинскаго общества, воскликнул: «Если уменьшение числа рожденій будет продолжаться, то мы вскорѣ увидим наступленіе момента, когда естественный рост населенія — вытекающій из избытка числа рожденій над числом смертей — совершенно прекратится. Но необходимо себѣ поставить вопрос, не остановится ли и эта эволюція, и, послѣ остановки роста народонаселенія, не начнет ли оно уменьшаться абсолютным образом». Подобныя перспективы не исключаются и англійским профессором Хогбеном, а также французскими демографами Ландри и Менаром *). Два американских статистика, Дублин и Уэльптон, предсказывают, что населеніе Соед. Штатов начнет уменьшаться с 1970 года. Это — перспектива, которая тревожит также извѣстнаго біолога — математика Альфреда Лотка **).

Франція и Австрія дают уж нам примѣръ начинающагося абсолютнаго уменьшенія численности населенія. Не послѣдуют ли этому примѣру другія цивилизованныя страны?

Но если так, то куда нас приведет подобная эволюція? К вымиранію, к исчезновенію народов? Возможность подобнаго процесса не исключается проф. Хогбеном. Перспектива эта, которая грозит человечеству, если уменьшение рождаемости станет всеобщим, предусматривается также Кучинским и Лотка. Этот послѣдній ставит, впрочем, вопрос о том, не может ли подобная тенденція быть видоизмѣнена законодательными мѣрами ***).

Тогда возникают слѣдующіе два вопроса. Прежде всего, какова траекторія движенія численности населенія в случаѣ ея регрессирования? И, во вторых, возможно ли примирить подобную эво-

*) L. Hogben, *Some biological aspects of the population problem*, «Biological Review», 1931, № 2. — A. Landry, l.c., *passim*. — G. Mesnard, *Le déclin démographique des civilisés en Europe au XIXe siècle*. «La Nature», 1 janvier 1937, p. 6 etc. — Cp. Jean Bourdon, *Le mouvement de la population en Europe au XIXe siècle*, «Mercure de France», Janvier 1924, p. 101-111.

**) «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», November 1936, p. 6, 163, 164.

***) A. J. Lotka — *Modern Trends in the Birth Rate*, «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», November 1936, p. 5-12.

люцію с ассимптотической формулою, которая, однако, представлялась правильною для многих лѣтъ?

Вряд ли можно сомнѣваться в том, что убываніе рождаемости и уменьшеніе численности населенія не поведут к полному вымиранию народов. Демографическіе кризисы древняго міра были только временными. Ни греческій народ, ни римляне не вымерли в результатѣ этих кризисов. Вѣрно лишь то, что древній мір впал в состояніе варварства. Но, еще в болѣе раннюю эпоху, наблюдалась послѣдовательность періодов то убыванія населенія, то демографическаго распрѣта *). Что касается демографическаго движенія нашей эпохи, то слѣдует ждать, что, в результатѣ дѣйствія біологических и соціальных факторов среди цивилизованных націй, дѣйствія, которое обнаруживается в избыткѣ смертности над рождаемостью, численность населенія будет уменьшаться до извѣстнаго низшаго предѣла, чтобы потом подняться до нѣкотораго высшаго предѣла. Тогда демографическая траекторія будет проходить через минимум и через максимум. Она, может быть, будет колебаться между двумя предѣлами, постоянными или переменными. В этом случаѣ закон народонаселенія, вмѣсто того, чтобы быть ассимптотическим, станет періодично - циклическим.

Демографическій закон может быть квалифицирован как «закон историческій». Но примѣнимость «историческаго закона» часто ограничена и условна. Это — закон, который сохраняет свою примѣнимость лишь до тѣх пор, пока дѣйствуют нѣкоторые болѣе или менѣе извѣстные факторы, и который может ее терять, когда начинает давать себя чувствовать дѣйствіе других факторов — либо оставшихся неизвѣстными до нѣкотораго момента, либо пренебрегавшихся в прежних условіях или для удобства и легкости изслѣдованія. Подобным фактором может, напримѣр, быть сознательное вмѣшательство человѣка или общества. В этих случаях историческій закон носит характер «тенденціи», которая чужда той детерминистической необходимости, которая приписывается законам природы. Джон Стюарт Милль и Бэн, в своих трактатах логики, подчеркивали характер тенденціи в рядѣ «соціологических законов». Историческій закон, в той мѣрѣ, в какой он выражает тенденцію, всегда *условен*; он уже болѣе не примѣним в своем настоящем выраженіи, и он должен уступить мѣсто другой формулѣ тен-

) J. Beloch, **Die Bevölkerung der Griechisch-römischen Welt, p. 210 et 500.

денці, когда условія мѣняются *). Демографическій закон может таким образом выражать тенденцію.

Что закон движенія населенія может мѣняться в теченіе исторических эпох, это вполне достовѣрно. Исторія знает эпохи расцвѣта населенія, она знает эпохи упадка и временнаго вымиранія. Факторы и механизмы демографических измѣненій могли мѣняться от эпохи до эпохи. Демографическій закон — как вообще социальный закон — может измѣняться или эволюціонировать с измѣненіем условій, которыя входят в его формулировку.

Здѣсь представляется аналогія с тѣм, что мы находим в физикѣ и даже в математикѣ. Так, в геометріи один вид конического сѣченія может переходить в другой (напр. эллипс в гиперболу) путем непрерывнаго измѣненія нѣкотораго параметра; геометрический закон «эволюціонирует» в операціи геометрическаго анализа вслѣдствіе «эволюціи» параметра. Если подобныя измѣненія происходят *во времени*, как напримѣр в механикѣ, то мы находимся перед измѣненіем физико - механическаго закона. Таков случай измѣненія параболической траекторіи кометы в траекторію эллиптическую в результатѣ «уловленія». Не говорил ли Анри Пуанкаре (равно как и Бертран Рассель) об «эволюціи законов»? Закон природы тогда теряет свой желѣзно - фаталистическій характер. Нынѣ в наукѣ все болѣе и болѣе склонны разсматривать детерминизм физических законов, как *детерминизм статистическій*, выражающій извѣстную вѣроятность. Соображеніе это может, **a fortiori**, примѣняться к закону социальному. Вполнѣ естественно тогда допустить, что закон движенія населенія измѣнялся во времени и будет измѣняться в будущем, в зависимости от нѣкоторых «исторических параметров».

Различныя общества не эволюціонируют тождественным образом. Допуская даже, что эволюція различных обществ слѣдует одинаковой формулѣ, слѣдует признавать, что в нѣкоторый данный момент они не проходят через ту же самую стадію эволюціи. Не только «во времени», но также «в пространствѣ» демографическій закон может не быть тождественным для различных социальных организмов.

*) J. Delevsky, *La prévision historique dans la Nature*, Paris, Hermann et Cie, 1935. — J. Delevsky. *La simplicité des lois*, «Revue Philosophique», Septembre-Octobre 1934; *La prévision dans l'histoire humaine*, «Revue Philosophique», Septembre-Octobre 1936.

Тогда возможно, что население цивилизованных стран в некоторый момент истории начинает численно убывать, чтобы достигнуть некоторого минимума и начать потом снова возрастать. Подобныя колебанія численности населенія были извѣстны и в древней Греціи. Ни «закон Мальтуса», ни стационарная неподвижность, ни вымирание, либо исчезновение народов, но — колебанія в видѣ періодическаго цикла! *).

Если асимптотическая формула давала результаты, которые, в течение некотораго періода времени, согласовались с дѣйствительной эволюціей численности населенія в цивилизованных странах, то это объясняется математически тѣм, что вокруг максимума количество населенія медленно измѣняется, так что величины, вычисленныя по двум различным законам, до поры до времени приблизительно совпадают.

Согласно данному предположенію, тенденція асимптотическая должна быть замѣнена, в некоторый момент, тенденціей періодико - циклической. Будущее покажет, в какой мѣрѣ гипотеза эта правильна.

III.

Другая тенденція, повидимому, обнаруживается в рядѣ стран менѣ цивилизованных, в которых рождаемость, по крайней мѣрѣ еще нынѣ, не уменьшается, и избыток рождаемости над смертностью не убывает. К этим странам асимптотическая формула не примѣнима.

Прежде всего, варварскія или менѣ цивилизованныя расы не обнаруживают тенденціи к пониженію рождаемости. В самой Европѣ рождаемость не уменьшается еще в тѣх странах, как напр. СССР (если вѣрять совѣтской статистикѣ), Польша, Румынія, Югославія, Греція, — гдѣ жизнь менѣ культурна. В Польшѣ избыток рождаемости над смертностью в течение 1933 - 1935 годов оставался почти постоянным: 12,1 на 1000. В Греціи рождаемость была 31 на 1000 в 1934 году против 28,5 в 1933 году, тогда как смертность уменьшилась от 16,8 в 1933 г. до 14,9 в 1934 г. В Болгаріи пропорція рождаемости была в течение годов 1933, 1934

*) J. Delevsky, *Une formulation mathématique de la loi de la population*, «Metron», 1929, vol. VII, N° 4. — Ср. V. A. Kostitzin, *Biologie mathématique*, Paris, Armand Colin, 1937, p. 95.

и 1935: 29,1; 30,0; 26,2, — тогда как пропорции смертности для тѣх же годов были соответственно 15,5; 14,1; 14,14. Согласно советской статистикѣ, пропорція рождаемости увеличилась в СССР в течение послѣдних годов, тогда как смертность, в особенности для очень маленьких дѣтей, уменьшилась. Согласно этой статистикѣ, число роженій на 1000 жителей было 33 в 1922 году; 41 в 1923 г.; 45 в 1925 г.; 48 в 1930 г.; одновременно с этим, общая смертность будто бы понизилась с 1913 до 1930 года на болѣе 45% *).

Значит ли это, что существуют двѣ группы стран с противоположными демографическими тенденціями, или же, что вторая группа стран, с высокою рождаемостью, как обладающая менѣе высокою культурой, не успѣла вступить на тот путь демографической эволюціи, по которому идут уже страны болѣе цивилизованныя, и что, по мѣрѣ того, как человѣчество культурно развивается, оно всюду слѣдует — раньше или позже — той же линіи сокращенія рождаемости?

Еслибы первая тенденція сохраняла свое постоянство, то возникла бы опасность перенаселенія. Тогда человѣчеству грозили бы двѣ противоположныя перспективы одновременно: перенаселенія и вымиранія. Картина движенія мірового населенія в цѣлом представляет признаки, которые продолжают еще тревожить демографов, болѣе или менѣе терроризованных мальтусовым спектром. Так, австралійскій ученый Ниббс предсказывает, что все населеніе земли возрастет до 7,4 миллиардов душ в 21-ом вѣкѣ и 14,8 миллиардов в 22-ом вѣкѣ. Как подобная масса населенія сможет жить на нашей маленькой землѣ? Англійскій агроном сэръ Даниэль Хол поднял тоже крик безпокойства, предвидя невозможность питать все возрастающія людскія массы. Другой ученый, американскій соціолог Эдвард Росс, предвидит даже, что в концѣ этого вѣка плотность населенія на земном шарѣ сможет дойти до такой пропорціи, что придется «жить стоя»!...

Пирль, говоря о возрастающей плотности населенія на землѣ, тоже выражает нѣкоторое безпокойство перед перспективой перенаселенія и перед опасностью истребительной войны.

Французскій агроном Дюфренуа возлагает надежду на успѣхи

*) Согласно нѣкоторым указаніям, в СССР перепись была аннулирована, т. к. «не хватило 30 миллионoв человек, спроектированных по плану». См. Е. Кускова, «Голоса оттуда», «Посл. Нов.», 11 февраля 1938 г., и Н., Процесс 21-го, 4 марта 1938 г.

агрономіи, которая одна может помочь этой возможной новой бѣдѣ *).

Перенаселеніе? Существуют, однако, признаки, которые показывают, что нѣкоторыя страны, которыя недавно еще можно было отводить во вторую категорію, и которыя поражали своей высокой рождаемостью, нынѣ тоже вступили на путь уменьшенія рождаемости. Так, в Испаніи рождаемость с 30,3 на 1000 в 1913 г. упала до 27,7 в 1933 г., до 26,2 в 1934 г. и до 25,5 в 1935 г.; правда, избыток рождаемости над смертностью в этой странѣ оставался еще до гражданской войны высоким. То же самое явление наблюдается в Португаліи. В Аргентинѣ, пропорція рождаемости, которая была 37,2 на 1000 в 1913 г., упала до 25,9 в 1933 г. и до 25,3 в 1934 г., и избыток рождаемости над смертностью значительно понизился. Но особенно поразителен примѣръ Японіи, в которой многіе годы рост рождаемости сопровождался уменьшеніем смертности. Нынѣ и в Японіи начался упадок рождаемости: цифра с 33,3 рождаемости в 1913 г. упала в 1933 г. до 31,5 и до 30,0 в 1934 г., тогда как смертность, составлявшая 19,5 в 1931 г., была 17,8 в 1933 г. и 18,1 в 1934 г.

Позволяют ли подобные факты, как это дѣлают нѣкоторые демографы и социологи, заключать с увѣренностью, что менѣе цивилизованныя страны и народы и расы, которые разсматривались до сих пор как весьма плодовитые, послѣдуют примѣру стран и народов болѣе передовых, что их рождаемость тоже будет убывать, и что одна и та же демографическая эволюція имѣет мѣсто всюду, с тѣм только различіем, что она лишь замедлена и отстает у народов менѣе передовых? Или же дифференціальная тенденція будет оставаться неизмѣнною в демографической эволюціи двух категорій стран?

В первом случаѣ существует единообразный закон эволюціи численности населенія во всѣх странах и у всѣх рас, который получает отчетливое выраженіе по мѣрѣ распространенія притока культуры. Это было - бы своего рода «законом цивилизаціи». Во втором случаѣ слѣдовало бы признать, что демографическая эволюція различных стран и народов может слѣдовать различными путями, и что она не зависит исключительно от усиленія факторов, совокупность которых составляет систему цивилизаціи. В этом по-

*) J. Dufrénoy, *Revue d'agronomie*, «Revue générale des Sciences pures et appliquées», 2 février 1937, p. 91.

слѣднем случаѣ, состав человѣчества, с точки зрѣнія этнической и расовой, будет измѣняться в пользу народов и рас болѣе плодотивых. В этой именно плоскости часто и усматривают нынѣ опасность «упадка бѣлой расы»...

Но и в первом случаѣ должен мѣняться этнический и расовый состав, с точки зрѣнія численных пропорцій, и упадок рождаемости проявится в странах болѣе цивилизованных с большей интенсивностью и быстротою, чѣм в странах менѣе передовых. Эти послѣднія, хотя и слѣдуют, согласно второй гипотезѣ, той же самой эволюціи, все же, в силу сравнительной отсталости и относительной медленности своего демографическаго упадка, окажутся в болѣе благоприятных условіях в смыслѣ численности, по отношенію къ странам и народам болѣе передовым. В случаѣ антагонизмов и борьбы, это различіе способно вліять на судьбы различных народов и даже на самыя их демографическія тенденціи.

IV.

Изученіе различных демографических тенденцій, представляющихся в эволюціи современных обществ, может до извѣстной степени быть облегчено в свѣтѣ изслѣдованія причин и мотивов, которые дѣйствовали и нынѣ дѣйствуют на эволюцію рождаемости в различных обществах и особенно в различных группах и слоях одного и того же общества.

Каковы же эти причины? Между ними слѣдует различать тѣ, которыя не зависят, по крайней мѣрѣ прямо и непосредственно, от человѣческой воли и инициативы, как причины біологическаго характера, от причин волевого характера, кроющихся в сознательных мотивах человѣческаго поведенія и обусловленных, в свою очередь, факторами социальными, моральными и экономическими.

Естественное безплодіе является причинностью, которая стоит совершенно в сторонѣ от добровольных ограниченій, ибо здѣсь дѣло в механизмѣ, не зависящем от человѣческой воли. Тѣм не менѣе подобное естественное безплодіе может в извѣстной мѣрѣ быть измѣняемо и преобразуемо вмѣпательством «общественнаго», сознательнаго человѣка. По этому поводу слѣдует вспомнить предсказанія Шарля Фурье и Герберта Спенсера. Полагают, что интенсивная мозговая жизнь, острая сознательность, активность ин-

теelligentной мысли в общем біологически ограничивают воспроизведеіе вида.

Нѣкоторые биологи допускают существованіе физико - гигиенических причин, которыми опредѣляется безплодіе расы или опредѣленных соціальных групп. Причины могут заключаться в пищевом режимѣ, как напр., в недостаточной пропорціи кальція в пищѣ, недостаточном количествѣ нѣкоторых витаминов, в слишком большом потребленіи мяса и т. п. Если бы кризис рождаемости об'яснялся подобными причинами, то с ними было бы легко бороться путем мѣр пищевой гигиены. Но можно было бы также вообразить накопленіе, в теченіе вѣков, физиологических дѣйствій внутренняго порядка, которыя, в извѣстный період исторіи народа, періодически или неперіодически, производили біологическій эффект сокращенія плодовитости. Явленіе это могло бы быть аналогично остановкѣ или замедленію дѣленія микроорганизмов, или предполагаемому нѣкоторыми палеонтологами процессу возрастающаго безплодія нѣкоторых животных видов, процессу, который, в теченіе прежних біологических эпох, приводил к «внезапному исчезновенію» этих видов. Мір микроорганизмов, одноклѣточных существ, повидимому, знает подобные критическіе моменты, в которые размноженіе организмов путем дихотоміи приостанавливается; необходима спеціальная стимуляція (механизм кон'югаціи) для того, чтобы произвсети новое размноженіе вида.

Тогда было бы понятно, почему кризис рождаемости повторяется от времени до времени в исторіи у различных народов. Можно даже себя спрашивать, не были ли паденіе цивилизаціи и деградація народов, столь частыя в исторіи, вызваны совпаденіем во времени дѣйствія, с одной стороны, соціальных, политических и моральных факторов, а с другой стороны, накопленія эффектов наслѣдственных біологических факторов. Извѣстно, что в школѣ трансформизма существует идейное теченіе, приписывающее внутренним факторам преобладающую роль в механизмѣ образованія видов. К сожалѣнію, подобныя гипотезы, в примѣненіи к исторіи человѣчества, не представляются еще доказуемыми на основѣ реальных фактов.

Что представляется несомнѣнным, это то, что современный кризис рождаемости у цивилизованных народов — результат, главным образом, сознательной воли, добровольнаго воздержанія и ограниченія, противозачаточных мѣр, абортв и систематическаго

уклоненія от производства потомства. В силу ряда мотивов, люди не желают имѣть дѣтей. В этом отношеніи среди разнообразія побужденій, стимулов и мотивов слѣдует отмѣтить вліяніе достатка и бѣдности, образованія, профессіи, степени экономической обезпеченности или необезпеченности, развитія городской жизни, религіозных воззрѣній, степени культуры, свободы и независимости женщины.

Достаток и богатство способствовали, в нѣкоторыя эпохи, установленію режима слабой рождаемости. Крайне ошибочно мнѣніе, будто сокращеніе рождаемости всегда или большею частью вызывается состояніем бѣдности и нужды. Кризис уменьшенія рождаемости, в результатѣ добровольных ограниченій, начинался обычно в высших классах общества. Здѣсь могут преобладать заботы о своих удобствах, свободѣ, стремленіе культурной женщины не быть исключительно машиной для производства дѣтей, а также — в нѣкоторыя эпохи — стремленіе не дѣлать состояніе или собственность между многочисленными дѣтьми. Нѣкоторые из этих мотивов не отличаются от тѣх, которыми в значительной степени об'ясняются кризисы рождаемости в древней Греціи или в Римѣ, в эпоху, предшествовавшую паденію Республики, и в дальнѣйшее время установленія Цезаризма. Историк Полибій писал во втором вѣкѣ до Р. Х.: «Вся Греція страдает от недостатка рождаемости, и страна до такой степени бѣдна людьми, что города остаются без населенія. Ибо люди нашего времени, любя роскошь и деньги, предаваясь лѣности и ставя это выше всего на свѣтѣ, не желают болѣе ни вступать в брак, ни имѣть дѣтей, если они состоятъ в бракѣ. Они согласны, самое большее, имѣть одного или двух дѣтей, чтобы оставить их богатыми и воспитывать в полном довольствѣ». Тѣ же мотивы дѣйствовали позже и в Римѣ.

Тѣм не менѣе слабая рождаемость в высших классах является тенденціей, которая имѣет мѣсто далеко не во всѣ историческія эпохи. Так, французская аристократія стараго режима долгое время оставалась весьма плодovитой. Жены болѣе богатых фермеров в Китаѣ рожают нѣсколько болѣе дѣтей. Но если тенденція ограниченія рожденій, диктуемая вышеуказанными причинами, появляется прежде всего в высших классах, то в послѣдствіи она может распространиться и на другіе классы и на народныя массы. Вообще, здѣсь различные мотивы могут переплетаться и интерферировать между собою; таковы экономическое положеніе, власть

традицій, уровень культуры, степень образования, обеспеченность или необеспеченность социальных условий.

В различных классах и группах высшим доходам может соответствовать меньшая плодовитость. Но в пределах одной и той же группы могут проявляться различия, показывающія, что относительное довольство и экономическая обеспеченность могут способствовать сравнительному росту рождаемости. Так, статистика Стокгольма показывает, что рождаемость законных дѣтей возрастает с доходом. В группах либеральных профессій наблюдается меньшая рождаемость. В образованных кругах населения пропорція рождаемости меньше, чѣм в семьях менѣе культурных. В городах плодовитость всегда сильнѣе выражена, чѣм в деревнях. С другой стороны, в Америкѣ в результатѣ экономического кризиса сократилась рождаемость в группах с болѣе значительным достатком *). Наконец, в семьях католических наблюдалась большая плодовитость, нежели у евреев и протестантов. О нѣкоторых из этих факторов говорил в докладѣ, представленном Парижской Медицинской Академіи, д-р Анри Годлевскій **).

Городская жизнь, эмансипація от великой традицій, знаніе, атмосфера относительнаго довольства, общеніе, возможность быстрого усвоенія и подражанія (хотя бы в отношеніи примѣненія противозачаточных средств) способствуют развитію тенденціи добровольных ограниченій. Так, в Бретани говорят, что «дочери нынѣ болѣе учены, чѣм их матери». Напротив того, жизнь деревенская и земледѣльческая, изолированность, рутина, власть традицій, незнаніе благоприятствуют относительному сохраненію обычаев воспроизведенія и болѣе сильной рождаемости. Если в католических кругах рождаемость относительно сильнѣе, то это лишь отчасти должно объясняться вліяніем религіознаго воспитанія. Как полагает Секретан, болѣе существенным фактором является здѣсь то, что католическое населеніе, главным образом крестьянское и земледѣльческое, живет в деревнях, под властью традицій, в изо-

*) «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», November 1936, p. 23-24, 46-47, 30 et 35. — «Bulletin de la Statistique Générale de la France», Octobre-Décembre 1936, p. 79.

***) Henri Godlevsky, La «Natalité» aux Assises de Médecine, «Bulletin de l'Académie de Médecine», Séance de Juin 1937, p. 63. — Ch. Siredey, *ibid.*, p. 64.

лированности, без общенія и внѣ «мудрости» усвоенія методов и способов добровольныхъ ограниченій *).

Что отсюда слѣдует? По мѣрѣ того, какъ социальный и экономическій прогрессъ будетъ создавать больше довольства, больше просвѣщенія, больше индустриализма и болѣе развитую городскую жизнь среди различныхъ народовъ земного шара, слѣдуетъ предвидѣть, что паденіе рождаемости будетъ распространяться и обостряться.

Тогда какъ довольство и легкость жизни в цивилизованных обществахъ вліетъ на развитіе ослабленія рождаемости, — на другомъ полюсѣ социальной конфигураціи то же явленіе можетъ быть порождено в нѣкоторыхъ группахъ населенія бѣдностью и экономической необезпеченностью.

Будутъ ли всѣ эти факторы дѣйствовать одинаковымъ образомъ и с тою же силою у всѣхъ народовъ, населяющихъ поверхность земного шара?

Если да, — то упадокъ рождаемости постепенно распространится на всѣ страны міра. Всюду будетъ существовать параллелизмъ демографической эволюціи — согласно ассимптотической или періодико - циклической траекторіи, — но, безъ сомнѣнія, с различіями в скорости и размахѣ, что будетъ исключать возможность изохронизма и совершеннаго сходства.

Если же указанные факторы будутъ дѣйствовать различно в различныхъ странахъ и у различныхъ народовъ, то траекторіи демографическаго движенія не будутъ одинаковы в различныхъ странахъ.

Слабая рождаемость у однихъ, сильная рождаемость у другихъ. Вымираніе у однихъ, перенаселеніе у другихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можетъ быть, в теченіе нѣсколькихъ періодовъ ихъ исторіи.

Жестокіе антагонизмы могутъ тогда быть предвидимы, если глубокія социальныя преобразованія и упроченіе международной солидарности не измѣнятъ значительно социальной и моральной жизни народовъ.

Такъ, во Франціи испытывается сильное безпокойство по поводу неравнаго темпа рождаемости во Франціи и в Германіи.

УІ.

Указанныя демографическія перспективы представляются такимъ образомъ в формѣ условной. Однѣ тенденціи могутъ быть ней-

*) Н. F. Secrétan, l.c., p. 363, 364.

трализованы или преодоленны противоположными тенденціями. Дѣйствіе социальных сил может встрѣтить противодѣйствіе скрытых сил, проявляющихся либо стихійно, либо в результатѣ вмѣшательства сознательной инициативы человека и общества. Подобное вмѣшательство составляет специфическій историческій фактор.

Дѣйствіе этого фактора может вліять на демографическую эволюцію, видоизмѣняя мотивы, обусловливающіе упадок рождаемости, устраняя причины, способствующія распространенію добровольныхъ ограниченій, благопріятствуя и поощряя размноженіе. Законодательныя мѣры, социальныя преобразованія, упроченіе социальной и экономической обезпеченности, упорядоченіе воспитанія дѣтей на основѣ общественности могут радикальнымъ образомъ видоизмѣнить характеръ нынѣ дѣйствующихъ демографическихъ тенденцій и вызвать новый ростъ рождаемости вѣлесообразныхъ пропорціяхъ.

Существуютъ мотивы, которые различны для группъ экономически болѣе привилегированныхъ и для группъ экономически болѣе слабыхъ, но которые дѣйствуютъ одинаково неблагопріятно на рождаемость: пользованіе своимъ богатствомъ у однихъ, трудность воспитывать дѣтей у другихъ. Болѣе легко бороться противъ мотивовъ чисто экономическихъ у группъ экономически болѣе слабыхъ, чѣмъ противъ мотивовъ, происходящихъ отъ заботы объ удобствѣ и свободѣ, о спокойствіи, особенно въ группахъ болѣе достаточныхъ.

Въ Римской имперіи упадокъ рождаемости сначала поражае лишь низшіе классы, а потомъ постепенно распространился на все населеніе. Императоръ Августъ издалъ цѣлый рядъ эдиктовъ, вѣ видахъ борьбы съ кризисомъ рождаемости. Законы эти предоставляли цѣлый рядъ привилегій вѣ отношеніи наслѣдованія лицамъ, имѣющимъ дѣтей, но они не давали никакой денежной преміи за рожденія, что вполне понятно, т. к. подобная премія не могла соблазнять семьи изъ богатыхъ классовъ, среди которыхъ, главнымъ образомъ, свирѣпствовалъ кризисъ бездѣтности. Законы Августа оказались безплодны; они оказались безсильны остановить процессъ уменьшенія рождаемости.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, вѣ Итали и Германіи тоталитарныя правительства приняли цѣлый рядъ мѣръ, чтобы поощрять увеличеніе рождаемости. Демографическое законодательство фашистскаго правительства вѣ Итали вдохновлялось, главнымъ образомъ, законодательствомъ Августа, а также цѣлымъ рядомъ новыхъ мѣръ. Но вся эта

демографическая политика до сихъ поръ не имѣла успѣха.

В Германіи, наоборот, политика, поощряющая рождаемость, дала нѣкоторые опредѣленные результаты. Благодаря законам о выдачѣ денежных премій вступающим в брак и предоставленію преимуществ многодѣтным семьям, правительство рейха достигло того, что в 1934 году число рожденій в Германіи превысило число смертей на 450.000, вмѣсто 226.000 в предшествующем году. Пропорція рожденій, которая в 1932 г. упала до 14,7 на 1000, поднялась в 1934 г. приблизительно до 18. В 1936 г. избыток рожденій над смертями достиг 482.000 против 469.000 в предшествовавшем году. В своей рѣчи 27 февраля 1938 г. Гитлер прокламировал триумф новой демографической эволюціи Германіи. Неизвѣстно, будет ли это измѣненіе длиться, но пока что законодательныя мѣры возымѣли несомнѣнное дѣйствіе на демографическій процесс. А нѣсколько лѣтъ тому назад статистики рейха вычисляли, через сколько лѣтъ населеніе Германіи начнет абсолютно уменьшаться.

Во Франціи растущее уменьшеніе рождаемости давно уже тревожит общественное мнѣніе. В теченіе ряда лѣтъ раздавался крикъ о необходимости борьбы против эгоизма, против желанія безудержно пользоваться жизнью без всякаго сознанія обязанностей перед націей, говорилось о воздѣйствіи на юное поколѣніе, о необходимости воспитанія и обученія в духѣ демографических требованій. Как выразился профессор Жан - Луи Фор, «если государство хочет умноженія числа дѣтей, то необходимо, чтобы оно за это платило». Шарль Рише полагал, что можно было бы путем мѣр, подобных тѣм, которыя осуществлены законодательством рейха (давая, напр., премію в 10.000 франков при рожденіи ребенка), весьма значительно повысить французскую рождаемость и поднять ее до 2 милліонов в год. Цѣлый ряд законодательных актов, поощряющих увеличеніе рождаемости, в нѣкоторой мѣрѣ был уже проведен в жизни, но в еще большей мѣрѣ проектировался и проектируется во Франціи. О подобных мѣрах много говорилось в послѣднее время во французском парламентѣ. Тема эта подробно обсуждается в недавней книгѣ об эволюціи и перспективах народонаселенія во Франціи Юбера, Бенля и Бовра *). В особенности важно предло-

*) M. Huber, H. Bunle, F. Boverat, **La Population de la France, son évolution et ses perspectives**. Préface de A. Landry. Librairie Hachette, 1938. Особ. p. VII-XIII, 227 etc.

женіе обезпечить работой главу семейства, как это дѣлается в Германіи.

Установленіе соціальной и экономической системы обезпеченія в результатѣ коренныхъ общественныхъ реформ могло бы противо-дѣйствовать демографическому упадку и создать контр-тенденцію, благоприятствующую подѣму рождаемости в современныхъ обществахъ. Согласно взгляду — впрочемъ, сильно преувеличенному — историка Юлія Белоха, обезлюдѣніе древней Греціи было вызвано, главнымъ образомъ, развитіемъ рабства и конкуренціи, которую рабскій трудъ дѣлалъ труду свободнаго человѣка *). Секретанъ приписываетъ той же причинѣ, независимо отъ причинъ, указываемыхъ Полибіемъ, обезлюдѣніе, прогрессировавшее в Римской имперіи **). Но, согласно историкѣ Альбертини, весьма значительную роль в этомъ процессѣ играли постоянная смута, отсутствіе безопасности и трудность жить в вѣчномъ хаосѣ пертурбацій в производствѣ и обменѣ ***).

Жизнь современной Европы представляетъ *mutatis mutandis* нѣкоторыя аналогіи с жизнью античнаго міра передъ его упадкомъ и крушеніемъ. Если обезпеченность жизни вновь возродится и утвердится, то можно ждать благоприятнаго воздѣйствія подобной перемѣны на эту эволюцію.

Стремленіе къ весьма высокой рождаемости, особенно в нормальныхъ условіяхъ, само по себѣ не можетъ претендовать на роль высокаго идеала, занимающаго первое мѣсто в сокровищницѣ человѣческихъ цѣнностей. Но в настоящую эпоху, в условіяхъ матеріальнаго и моральнаго кризиса, испытываемаго цивилизованными націями, проблема рождаемости пріобрѣтаетъ капитальное значеніе. Прежде всего, если безпредѣльное размноженіе не можетъ быть разсматриваемо какъ высшая цѣль прогрессивнаго шествія человечества, то иначе обстоитъ дѣло с неопредѣленно возрастающимъ уменьшеніемъ рождаемости, которое — видѣ ассимптотическаго или періодико-циклическаго движенія — представляло бы угрозу вырожденія и вымиранія для наиболѣе цивилизованныхъ народовъ; подобное движеніе должно было бы быть разсматриваемо какъ абсолютное отрицаніе человѣческаго прогресса и какъ бѣдствіе, с которымъ необходимо было бы бороться самымъ энергичнымъ образомъ. Далѣе,

*) J. Beloch, l. c., p. 504-505

**) H.-F. Secrétan, l. c., p. 22, 69, 74 etc.

***) E. Albertini, l. c., p. 504-505.

безпрерывное уменьшение рождаемости у цивилизованных народов, которое ставило бы в болѣе неблагоприятное положеніе численную эволюцію народов, созидających и хранящих матеріальную культуру и моральныя цѣнности человѣчества, перед лицом народов примитивных, хищных или же регрессировавших до состоянія моральнаго варварства, было бы постоянной опасностью для нашей гуманитарной культуры по сравненію со странами милитаристскими и хищническими.

Как вытекает из всего предшествовавшего, факторы слабой рождаемости отличаются достаточной сложностью. Не всѣ мотивы порядка экономическаго. Не всѣ мотивы одинаковы для различных классов и слоев общества. Но существуют мотивы, которые с ходом цивилизаціи становятся общими для всѣх классов общества. И эти послѣдніе мотивы не являются мотивами, главным образом, порядка экономическаго — богатства или бѣдности. Так, дѣтей не хотят потому, что желают пользоваться свободой и не быть лишенными удовольствій и всѣх удобств, от которых приходится отказываться вслѣдствіе забот о воспитаніи дѣтей. С этой точки зрѣнія производство дѣтей разсматривается как жертва.

Проповѣдывать жертвы, в особенности толпам скептическим и не воспитанным в школѣ героизма, даже умѣреннаго и относительнаго, проповѣдывать им обязанности перед высшим идеалом, это — попытка, если не абсолютно безнадежная, то по крайней мѣрѣ весьма деликатная. Преобразование семейнаго режима, вырощеніе и воспитаніе дѣтей на коллективной базѣ (мечта нѣкоторых социалистов первой половины прошлаго вѣка), которое представляется еще нынѣ достаточно утопическим, могло бы быть болѣе дѣйственным и серьезным.

Ю. Делевскій

О классовом и демографическом составе СССР

Сколько сейчас населения в СССР? Как оно распределяется между городом и деревней? Из каких классов складывается «безклассовое» советское общество? Какова их численность? Без ясного представления об этих вопросах нельзя подходить к русской загадке. Без ответа на них, никто из всех, интересующихся ближайшими событиями и «судьбами» России, обойтись не может. Проведенная в январь 1937 г. всеобщая перепись должна была нам принести знание по всему кругу указанных проблем, но цифры ее оказались в таком противоречии со всеми декларациями правительства Сталина, что перепись была объявлена вредительской и данные ее, увы, неподлежащими опубликованию. Больше всего ударил кремлевских властителей итог общего населения. Исходя из презумпции, что в России люди вообще размножаются, как кролики, а в условиях «счастливой социалистической жизни» тем больше, они были уверены, что, несмотря на произведенные кровопускания, население должно быть к 1937 году около 180 миллионов душ. А сколько показала перепись? Я уже сказал: в Москву молчат. С. Н. Прокоповичу (см. его бюллетень за январь-февраль 1938 г.) принадлежит очень большая заслуга: он развеял тайну и на основании ряда прямых и косвенных показателей, подвергая их критическому анализу, дал цифру населения. По его мнению, оно к 1937 году — 154.686.000 душ. Попробуем проверить эту цифру, идя другим, чем Прокопович, путем.

На УИ с'їздї Совїтов в январї 1935 г. Молотов детально цитировал «исключительно цїннїую работу», выполненнїую совїтской статистикой «под руководством т. Кравалї». Из неї явствовало, что уже к 1 январю 1934 г. население СССР было 168 миллионів и дїлилось на группы такой-то и такой-то численности (приводить цифры не имїет смысла, главнїя из них оказались невїрными). В странї все «пролетарское население» (работіе, служащіе, инженерно-техническїй персонал) и члены их семей пред-

ставляли — 47.118.000 душ. Вот отсюда мы и извлечем отмычку, чтобы открыть ларчик с секретами переписи 1937 г. По статистикѣ труда, а она довольно точна, извѣстно, что в 1933 г. персонал рабочих и служащих, занятых во всем народном хозяйствѣ, равнялся — 22.320.000. Этот персонал, вмѣстѣ с членами семей-иждивенцами, и составлял к 1 января 1934 г. указанные 47 миллионов. Значит, среди всего «пролетарскаго» населенія на одного активнаго — рабочаго и служащаго — приходилось, в среднем, 1,11 иждивенца. Отношеніе общаго населенія к активному было 2,11. Есть-ли в этом коэффициентѣ что-либо «вредительское»? Может-ли он какой-то несообразностью шокировать наш статистическій разумок? Мнѣ кажется, — нѣт. Правда, городская перепись 1923 г. дала для перевода активнаго населенія в общее гораздо болѣе высокій коэффициент. Он был тогда — 2,41. На одного активнаго приходилось 1,41 иждивенца. Но вѣдь с тѣх пор в демографической матеріи страны произошли огромныя измѣненія. Число многодѣтных семей сократилось, сильно выросло число однопдѣтных. Матеріалы социальнаго страхованія, относительно пособій семьям умерших кормильцев, в 1927 г. регистрировали 47,4% семей с одним ребенком, а в 1930 г. 54%. По бюджетным обслѣдованіям, в рабочих семьях крупной промышленности, в 1924 г. было 3,34 иждивенца, в 1927 г. 2,79 иждивенца, в 1935 году — только 1,59. Данныя, которыми мы располагаемъ о Москвѣ (ихъ можно вычислить по статистическому справочнику «Москва в цифрах») показываютъ, что отношеніе между общим и активным населеніем опредѣляется в ней даже не коэффициентом 2,11, а гораздо меньшим. В 1926 году — это 1,86, а в 1933 году — только 1,64. Количество работающих огромно, число иждивенцев ничтожно! На одного работающаго — 0,64 иждивенца.

Эти и ряд других соображеній, излагать которыя здѣсь долго и не мѣсто, повторяю, приводят к убѣжденію, что коэффициент 2,11 весьма и весьма правдоподобен. Его мы и возьмем для провѣрки цифры С. Н. Прокоповича и, далѣе, для расшифровки новых исчисленій классоваго состава СССР, произведенных в 1937 г., когда стало уже ясно, что 180 миллионнв нѣт в странѣ, как не было 168 миллионнв к концу 1933 г. По Кравалю, за это время об'явленному «врагом народа», «вредителем» и, несмотря на «исключительно цѣнную работу», посаженному в тюрьму, — все проле-

тарское население составляло к 1 января 1934 г. — 28,1%. По новым исчислениям (напечатаны в «Плановом Хозяйствѣ», в статистическом справочникѣ «СССР за 20 лѣт» и т. д.), общее пролетарское население, *цифра его не называется*, составляло к 1937 году в общем населеніи страны, а цифра ея, разумѣется, *также не называется*, не 28,1%, а 34,7%. Хитрые люди! Прикрылись «процентами» и думают, что до абсолютной цифры враг никак не доберется. А ларчик просто открывается. Активное население из рабочих и служащих к 1937 г., т. е. в 1936 г., равнялось 25,8 миллионoв. При коэффициентѣ 2,11, общее население рабочих и служащих с членами их семей — будет 54.438.000. А раз это составляет «34%» населенія всей страны, вычислить послѣднее не трудно: оно 156.882.000.

С. Н. Прокопович, указавшій 154.686.000, слѣдовательно, не ошибся. Разница в 2 миллиoна, менѣе чѣм 2% — не есть ошибка. А, во-вторых, он сам подчеркнул, что возможны «отклоненія в 2-3 миллиoна» в обѣ стороны. Схему движенія населенія за годы пятилѣтки он дает в таком видѣ. Населеніе в 1929 г. было 154,2 милл., в 1933 г. — 165,7 милл. и к 1937 — 154,6 милл. Выходит, что огромная убыль населенія произошла вся, сразу, послѣ 1933 года. Не думаю, чтобы дѣло происходило так. Убыль носила характер трагической плавности. Она началась с 1930 и непрерывно нарастала в теченіе 1931 и 1932 г. г. Это эпоха разгула насильственной коллективизаціи; поѣздов смерти — массовых выселеній из деревни; годы физическаго истребленія кулаков. Из совѣтской литературы мы знаем, что в нѣкоторых селах в это время почти не оставалось мужчин. «Увольненіе от жизни» и огромное пониженіе рождаемости были таковы, что прирост населенія в деревнѣ никак не мог быть большим. Что же касается городов, их населеніе увеличивалось за счет бѣглецов из деревни. Естественнаго прироста городов почти не было. За годы 1930-1936 городскія работницы и женщины-служащія перестали рожать. Это слѣдует из данных соціального страхованія. При огромном ростѣ числа женщин в арміи наемнаго труда, при ростѣ номинальной платы, вслѣдствіе паденія рубля, даже *при одном и том же процентѣ* рождаемости, пособія по беременности и родам в бюджетѣ соціального страхованія должны были бы все время расти. Взяв же бюджеты соціального страхованія, мы найдем, что пособія по беременности и родам падали и упали почти до

нуля. Они составляли: в 1928 г. — 12,3% бюджета, в 1932 г. — 1,8% и в 1933 г. — 1,7% бюджета.

Когда-то Мальтус доказывал, что с отрицательною частной собственности на средства производства, как это имѣет мѣсто в СССР, у населенія не будет сдерживающих мотивов, оно станет размножаться с такою быстротою, что скоро «весь народ превратится в націю нищих, владѣющих общей собственностью». Советская женщина опрокинула тезис Мальтуса. Нищія владѣлицы гигантских заводов и всего всенароднаго достоянія, чтобы не плодить новых нищих, — перестали рожать. Пособія по беременности и родам просто выпали из расходов социальнаго страхованія. Роды стали рѣдкостью. Беременность прерывалась абортами. Послѣдній принял всюду такіе неслыханные размѣры, что в 1936 году диктатурѣ, которая в это время уже замѣтила, что «кролики» перестали размножаться, пришлось принять драконовскія мѣры против аборта. Удивляюсь, почему теперь, когда всѣ напасти на Советскую Русь об'ясняются происками бухаринско - рыковских вредителей и троцкистско-зиновьевских шпионов, — уменьшеніе рождаемости и аборт Кремль не приказал об'яснить тѣми же причинами. Вѣдь читали мы у новаго шефа советской статистики г. Саутина, что малый рост числа телят и «плохо проведенная случная кампанія» среди коров произошли от того, что «троцкистско-зиновьевскія банды умышленно заражали скот *инфекционным абортom* («бруцеллезом»), и надо с энергіей выкорчевывать послѣдствія *этой* гнусной работы вредителей» (см. его статью «Рост социалистическаго животноводства», «Правда», 17 апрѣля 1938 г.). Несчастлива страна, которой правят эдакіе вот «бруцеллезы»!

Итак, все, как будто, говорит за то, что к 1933 г. не могло быть 165 милл. душ. Сколько было, не могу дать обоснованных расчетов. Это и не важно. Человѣкоистребительный характер знаменитых пятилѣток представится со всей очевидностью, когда, не ограничиваясь послѣдними годами, мы развернем схему движенія населенія за длительный період. По переписи 9 февраля 1897 г. Россія, в предѣлах нынѣшняго СССР, имѣла 103,9 милл. населенія. По исчисленію на 1 января 1914 г. — оно поднялось до 139,7 милл. По переписи 28 августа 1920 г. СССР имѣл 130,8 милл. По переписи 17 декабря 1926 г. — 147 милл. По исчисленію на 1 января 1929 г. — 154,8 милл. и на 1 января 1937 —

156,8 милл. Достаточно бѣглого взгляда на эти цифы, чтобы убѣдиться, что во имя построения «соціализма», в сталинскія пятилѣтки, дѣйствительно, уничтожались миллионы и миллионы людей. В царской Россіи, при смертности, значительно превышавшей европейскую, населеніе за 17 лѣт увеличилось на 36 милл. В среднем, — на 2,1 милл. в год. За період 1920 - 1926 г. г., за шесть лѣт, оно увеличилось на 17 миллионov. В среднем — недалеко от 3 милл. в год. С 1929 г. по январь 1937 г., за 8 лѣт оно увеличилось всего на 2 милл. В среднем, на 250.000 тыс., — меньше шестой части процента в год! Это куда менѣе, чѣм во Франціи. Такого уменьшения прироста не было ни в одной странѣ міра, что не мѣшало совѣтским лгунам, именно в это время, ежедневно утверждать, что населеніе увеличивается в «неслыханном в капиталистических странах процентѣ» и «мрачным итогам капитализма СССР противопоставляет подлинный расцвѣт населенія» («Правда», 28 іюня 1936 г.) Эту ложь без тѣни критики повторяли многіе экономисты и серьезные политики Европы (вспомните заявленіе Селлье во французском парламентѣ!). Если бы годовой прирост населенія в теченіе пятилѣток был бы не 3 миллионa, как в 1920-1926 г. г., а хотя бы 2,1 милл., как в царской Россіи за 8 лѣт с 1929 по 1937 г. населеніе должно было бы увеличиться, минимум, на 16,8 милл. Оно увеличилось на 2 милл. За сталинскія пятилѣтки страна потеряла, по самому скромному расчету, — *14,8 милл. душ*. Она потеряла их в видѣ душ, которыя при нормальной обстановкѣ должны были, но не появились на свѣт, и в видѣ жизней, уже существовавших и безпощадно раздавленных пятою «геніальнаго вождя мірового пролетаріата» в ходѣ строительства его «соціализма». Приведенныя цифы могут показаться кошмарной фантастикой. К сожалѣнію, все говорит за то, что они вѣрны. Недаром же засекречена перепись. И недаром Сталин приказал, в спѣшном порядкѣ, ввести стахановщину на родильном фронтѣ, об'явив, что будет отнынѣ жаловать 5.000 рублей каждой матери, рождающей *одиннадцатого* ребенка (декрет ЦИК и Совнаркома от 27 іюня 1936 года)!

Слѣдующая перепись будет в январѣ 1939 г. Раз Сталин приказал рожать, перепись, естественно, покажет «гигантское» увеличеніе населенія. Послѣ всего, что мы узнали, и особенно в послѣднее время, о совѣтской статистикѣ, о всѣх ея штучках (по-

лезно было бы освѣтить, как, напримѣр, она исчисляет національный доход), вѣрить ей и в ея учет населенія — абсолютно невозможно. Допускаю, что, вслѣдствіе ряда принятых мѣр и преслѣдованія аборта, в ближайшіе годы рождаемость повысится, но нужно перестать думать, что Россія, как прежде, будет в первых рядах стран с максимальным процентом прироста населенія. Экономика вліяет на демографію. Каждый экономическій уклад имѣет свои законы народонаселенія. Происшедшіе за пятилѣтку экономическія измѣненія столь велики, что неминуемо должны отразиться на демографіи, уменьшая прирост населенія. При общинном распоряженіи землею, вплоть до послѣдняго времени активно существовавшем на широчайшем пространствѣ Россіи, на каждого родившагося вырѣзывалась земля, и тѣм в крестьянских семьях создавался стимул имѣть больше дѣтей. При коллективизаціи, как и при личной собственности на землю, этот стимул отпадает. *Огромнѣйшее* значеніе играет и переход населенія в города, гдѣ естественный прирост населенія всегда значительно ниже, чѣм в деревнѣ. В теченіе же пятилѣток прилив в города был грандіозен. В самом дѣлѣ, — сколько сейчас в совѣтских городах жителей?

С. Н. Прокопович исчисляет их в 49.974.000. Такая цифра сначала кажется крайне ошибочной. Ея нѣтъ ни в одной из «плановых перспектив» до 1928 г. В прежних большевистских ориентировках стоит для городов на 1936 г. цифра 35 милл., на 1941 год — 40,6 милл. Цифру 49 миллионів нигдѣ не найдете. Это приращеніе «сверхплановое», внѣплановое — прямое дѣло рук политики «товарища Сталина». Но может быть, Прокопович ошибся? Нѣтъ. Мы узнали об этом из двух цифр, которыя, — поскольку перепись секретна, по недосмотру редакціи и цензуры, бросил в своей статьѣ в 1937 г. один совѣтскій экономист. Не желая подводить его в тюрьму за разглашеніе «государственной тайны», не назову его имени. Укажу только, что, имѣя перед собою цифру городского населенія по переписи 1937 г. и сообразуясь с нею, он вычисляет, что торговая сѣть в городах, состоя из 129.100 единиц, приходится на 385 человѣк населенія. Остается заняться умноженіем и получить: 49.703.000. Исчисленіе Прокоповича точно. Зная же цифры общаго и городского населенія, не трудно заключить о численности сельскаго населенія и, в дѣлях луч-

шаго освѣщенія вопроса, дать динамику демографіи города и деревни за длительный період.

	Город	Село	Все населеніе
Перепись 9 февр. 1837 г.	15.825.000	88.106.000	103.931.000
Исчислен. 1 янв. 1914 г.	25.800.000	113.900.000	139.700.000
Перепись 28 авг. 1920 г.	20.787.000	110.076.000	130.863.000
Перепись 17 дек. 1926 г.	26.314.000	120.713.000	147.027.000
Исчислен. на янв. 1929 г.	29.300.000	125.500.000	154.800.000
Исчислен. на янв. 1937 г.	49.703.000	107.179.000	156.882.000

С 1897 г. в царской Россіи, параллельно индустриализаціи страны, происходил огромный рост городского населенія. Ему сопутствовал очень большой рост сельскаго населенія. С 1914 г. населеніе уменьшается (война, гражданская война, голод, тиф, ленинскій «военный коммунизм»). Населеніе из голодающих городов бѣжит в деревню. С 1920 по 1929 г. положеніе выпрямляется и идет под прежним знаком до-военнаго процесса: рост городов и, вмѣстѣ с тѣм, рост сельскаго населенія. В сталинскія пятилѣтки характер процесса абсолютно мѣняется. Города и поселки, украшаемые новопостроенными заводами тяжелой индустриі имени Сталина, имени Кагановича, имени Молотова, имени Ворошилова, пухнут от наплыва населенія, для котораго не приготовлено ни пищи, ни одежды, ни обуви, ни бѣлья, ни жилища. Сельское же населеніе не только не растет, а за самое короткое время тает на 18 милл. душ. Из совѣтской статистики извѣстно, что приблизительно такое количество людей, придя из деревни, «осѣло» в городах. Ну, а куда дѣвался прирост населенія? Вѣдь должен же быть какой-нибудь прирост. Трудно же допустить, что у 125 милл. сельскаго населенія за 8 лѣт не родилось ни одного человѣка? Отвѣт дан выше: за пятилѣтки страна потеряла минимум 14,8 милл. людей, и мы видим, что их в подавляющей части потеряла именно деревня. Зданіе сталинскаго социализма воздвигнуто буквально на костях и трупах миллионов крестьян.

Достигла-ли эта крестьяно-истребительная индустриализація одной из своих главнѣйших цѣлей — расширить «пролетарскую базу» страны настолько, чтобы пролетаріат, переставши быть «островком, тонущим в морѣ крестьянской мелкобуржуазной Руси» (слова Дзержинскаго), стал численно-мощной силою? К этому вопросу мы и перейдем, подвергая анализу классы и группы, составляющіе «безклассовое» совѣтское общество.

В новых данных о классовом составѣ СССР, замѣнивших в 1937 г. подсчеты Кравая, фигурируют, как я уже сказал, лишь туманные проценты. Теперь зная цифру общаго населенія, можно проценты перевести в абсолютныя цифры. Нам указывают, что колхозное крестьянство и социально однородная с ним группа — кооперированные кустари и ремесленники, — городскіе и сельскіе, — составляют вкупѣ 55,5% населенія. Оно — 156,8 милл. Слѣдовательно, крестьянство колхозное и ремесленники — 87 милл. Насколько можно судить по имѣющимся у меня цифрам (признаюсь, устарѣлым и крайне шатким), группа кооперированнаго ремесла и кустарей представляет населеніе около 5 милл. На колхозное крестьянство, значит, приходится 82 милл. При 18,5 дворах в колхозах, на двор ладает 4,4 душ, а не 4,8, как считает С. Н. Прокопович. Будь в них 4,8, крестьянство колхозов представляло бы 89 милл., а оно — 87 вмѣстѣ с ремесленниками.

Крестьяне единоличники и некооперированные кустари и ремесленники — 5,6% общаго населенія. Значит, — 8.780.000. Дворов - единоличников считалось 1.395.000; при 4,4 душах на двор — это 6.138.000. Остаток в 2.642.000 душ приходится на некооперированных кустарей и ремесленников. Переводя это общее населеніе в активное (при коэффициентѣ 2,1 - 2,4), получаем от 1 до 1,2 миллионѣ уцѣлѣвших «частников» кустарей, ремесленников. Так-ли это? Возможно-ли это? Сталинское тоталитарное государство насильственно кооперирует, на примѣр, в Москвѣ уличных чистильщиков сапог. Как при этой политикѣ мог уцѣлѣть от «огосударствленія» цѣлый миллион кустарей и ремесленников, — непонятно? Но если данная интерпретація цифр вѣрна, из нея вытекает, что даже тяжелой гробовой доскѣ тоталитарнаго государства не удалось окончательно придавить поросли личной, частной инициативы, как не удалось ему уничтожить 18,5 милл. *личных* (и развивающихся: количество скота в них сильно растет) хозяйств колхозников *).

*) Дабы не было недоразумѣній в представленіи о деревенских кустарях и ремесленниках, нужно добавить, что в подавляющем большинствѣ случаев это тѣ же крестьяне с тѣм отличіем от чистаго земледѣльца, что в их бюджетѣ значительную роль играет доход от ремесла.

Во всѣх переименованных группах, т. е. крестьян колхозников, кооперированных ремесленников, крестьян - единоличников и частников - ремесленников — 95,7 милл. душ. По расчетам Краваля — 114,9 милл. Он «перемахнул» на 20 милл. душ! Все ремесло, кооперированное и некооперированное (с членами семьи), — 7,6 милл. Если предположить, что половина его — в городах, тогда в деревнѣ всѣх крестьян, крестьян-кустарей и ремесленников нужно будет считать около 92 милл. Выше указано, что сельское населеніе 107 милл. Из кого же образуется остальное, живущее в селах, населеніе, численностью в 15 милл.? Из рабочих и служащих, находящихся в селах промышленных предприятий, строительных рабочих и служащих, занятых в совхозах и лѣсном хозяйствѣ, мѣстной администраціи (рай-и сель-совѣтов), торговых служащих, служащих комиссаріата просвѣщенія, здравоохраненія, народной связи и т. д. С 1923 г. эта часть населенія в деревнѣ увеличилась болѣе чѣм вдвое: с 3,2 до 7,3 милл. в 1935. Среди них больше всего персонала совхозов и МТС (2,3 милл.), работников лѣсного хозяйства (около 1,3), просвѣщенцев — 728.000, торговых служащих — 520 тысяч, работников здравоохраненія 189 тыс. Вмѣстѣ с членами семьи, они и составляют 15 милл. душ. Когда говорится о деревнѣ, ея долѣ в товарооборотѣ и національном доходѣ, очень важно учесть удѣльный вѣс этой сильно возросшей группы.

Нѣсколько слов о крестьянах-единоличниках. Их положеніе трагично. Диктатура недавно снова потребовала их скорѣйшаго превращенія в колхозников. Но колхозы с большой неохотой принимают новых членов, правильно полагая, что это ухудшает положеніе старых членов. С другой стороны, крестьянин, который, несмотря на его дьявольское утуженіе, предпочел остаться вплоть до 1937 г. горемыкой - единоличником, и сам, повидимому, не испытывает желанія итти под бурмистров в колхозы. При дальнѣйшем нажимѣ на него, дѣлающем невозможным его существованіе на землѣ, он двинется не в сторону колхоза, а, в своей большей части, в города и в государственное хозяйство. Больше некуда. А это, при нынѣшних совѣтских условіях, настоящее бѣдствіе. Городское населеніе нельзя болѣе увеличивать. Города и так распухли от излишка жителей. Страдают от недостатка всего, начиная с жилищ и кончая обувью и бѣльем. В государственном хозяйствѣ и без того двое работают там, гдѣ нужен один. Совѣт-

скіе люди, несмотря на прививаемый им «бруцеллез», еще не окончательно потерявшие голову, понимают, что «недостаточно высокий уровень производительности труда», в государственных предприятиях, объясняется, как недавно писало «Плановое Хозяйство», — «*непомытно большим количеством занятых в них рабочих*». Будь в Кремль не правительство Сталина, а правительство честного возвращения к широкому и прочному НЭП-у, оно не стогнало бы единичников с мѣст, гдѣ они кормятся, в мѣста, гдѣ им трудно кормиться и гдѣ и без того людей много. Стогнать единичников с земли — лить воду на мельницу безработицы, которая в *скрытом видѣ* (излишки рабочих) существует почти на всѣх участках совѣтскаго хозяйства и при каком-нибудь сильном толчокѣ может широчайше проявиться, с молниеносной быстротой, в видѣ открытом. Одна из основных сейчас задач экономической политики заключается в возможно скорѣйшем создани *рядом* с государственным хозяйством, *внѣ* его, новых отраслей примѣненія труда в видѣ частной торговли, частного строительства, частного земледѣлія и животноводства, мелкой промышленности, ремесла, частного лѣсного хозяйства, частного рыболовства, частной охоты, частной организациі различных услуг. Рѣчь идет не о бессмысленной, на мой взгляд, и реакціонной идеѣ (однако, живучей в нѣкоторых головах) *замѣститъ* частным хозяйством государственное, разрушая послѣднее, а о том, чтобы частным хозяйством *дополнить* государственное, тѣм оздоровить его, извлекая из него и вообще излишки населенія и направляя их на творчество новых, дополнительных матеріальных цѣнностей, на удовлетвореніе потребностей страны дополнительной организацией услуг. Это вопрос о неизбѣжной, социальнo и экономически нужной странѣ, консолидациі «средних классов» — мелкой буржуазіи. Сталин, как замороженный раб, выполняя в этом пунктѣ программу «фашиста и шпиона» Троцкаго, поступит, конечно, иначе. Крестьян-единоличников, как всяких частных, он давит и задавит. Они — сучек в его глазу и скверный примѣр для принудительно сбитаго в колхозы крестьянства.

Слѣдующая общественная группа, в совѣтских подсчетах отнесенная в особую графу, помѣчена так: «*учащіеся, пенсіонеры, армія и прочіе*». Группа в цѣлом — 4,2%. При нашей цифрѣ населенія — это 6.585.000. Кто в каком числѣ входит в эту группу? Учащіеся? Но не учащіеся вообще, они входят в категорию ижди-

венцев, а учащиеся - стипендиаты. В 1937 г. в высших учебных заведениях было 443.000, а в «специальных средних школах» 592.000 стипендиатов. Армия? Со всеми своими солдатами, войсками ГПУ, красными офицерами и генералами, с семьями послѣдних, это, вѣроятно, максимум 1.400.000. Остаются пенсионеры. По послѣдней мнѣ известной цифрѣ (на 1935 г.) число пенсионеров - инвалидов труда, по старости, за выслугу лѣт, вмѣстѣ с семьями умерших кормильцев, — 1.626.000. Округлим эту цифру до 1.800.000. Всего получится 4.236.000. Остаются еще «прочие», в количествѣ — 2.349.000. Кто же эти таинственные «прочие»? Нужно полагать, населеніе тюрем и концентраціонных лагерей...

Я оставил для конца группу «пролетарскаго населенія». По поводу него требуется болѣе детальныя объясненія. В общем населеніи страны оно составляет 34,7%. В абсолютных цифрах, по принятому нами расчету, оно равно — 54.438.000 душ — и состояло к 1937 г. из 25,8 миллионов активнаго, работающаго населенія. Согласно старому (и негодному) правилу, в этой группѣ совѣтской статистикой смѣшаны в одно «пролетарское населеніе» рабочіе и служащіе. Подобный приѣм распространен и среди многих социалистов Запада, полагающих, что служащій это только *Kravatен-proletariat*, «*prolétaire en faux col*», и ничѣм не отличается от рабочаго. Двигаясь по этой стезѣ, многіе политики на Западѣ начинают, без признаков анализа, складывать число рабочих и число служащих. Приходят к 65%, а в Англии можно притти и к свыше 85% активнаго населенія. Откуда один шаг (однако, в Англии его никто не дѣлает) до идеи «диктатуры» пролетариата, как *большинства* населенія, ибо рабочіе и служащіе во всѣх индустриальных странах составляют подавляющее большинство. При этой концепціи исторія политических и социальних движеній в Европѣ и Америкѣ в послѣднія десятилѣтія вещь плохо понятная. Непонятны в демократических странах и составы парламентов. В индустриальных странах всюду подавляющее большинство «пролетариата», а в парламентах оно никак «не вытасцовывается». Причина совсѣм не отсутствіе «классовой сознательности» у пролетариата *en faux col*, а, наоборот, ея присутствіе. Ибо, хотя рабочіе и служащіе являются категоріями наемнаго труда и часто пути их борьбы полностью совпадают, ставить между ними знак равенства невозможно. У служащих иная роль в

общественном хозяйствѣ. Иной характер труда. Иная психологія, иныя идеологическія постройки, иныя перспективы и представленія.

Нужно особенно остерегаться механически ставить совѣтских служащих за однѣ скобки с рабочими. Нѣтъ болѣе туманнаго, болѣе неоформленнаго, себя невыявившаго, загадочнаго, полнаго противорѣчій, соціальнаго пятна, чѣм совѣтскіе служащіе. В их группу (вѣроятно, это большинство) входят чиновники и служащіе, подобные (по функціям) европейским, с тою только разницей, что на них принудительно надѣта коммунистическая фата. В группу — и *в очень изрядном* числѣ — входят «конкретные носители» и воплощатели идеи сталинской диктатуры, — выходцы из рабочей и мелкобуржуазной среды, с особой психологіей, подобіе которой можно найти *лишь* в фашистских странах. Среди служащих (инженерно - технического персонала больше всего) есть группа, выполняющая роль, несомую в буржуазных странах капиталистами, администраторами и предпринимателями. Есть группа, по функціям и скрытой психологіи, однородная с либеральными профессіями других стран, но существующая в СССР в послушном чиновничьем коконѣ, ибо государство свирѣпо тоталитарно. Наконец, среди служащих есть много таких, которые при других условіях были бы заурядными мелкими собственниками, маленькими предпринимателями, типичными представителями, так называемых, «средних классов». При неизбежно идущем и подготавливаемомъ измѣненіи режима, группа служащих в цѣлом обнаружит огромные волт-фасы и из нынѣшняго гусеничнаго, *краснаго*, обличія служащих вылетит рой разноцвѣтных бабочек всѣх политических цвѣтов.

За годы пятилѣтки «класс» служащих обнаружил такой же численный рост, как и рабочіе. Относя к пролетариату, к классу физическаго труда, — рабочих, учеников, младшій обслуживающій персонал производственных отраслей, а весь остальной наемный люд к персоналу услуг, к «служащим», совѣтская статистика указывает, что за період с 1929 по 1935 год класс рабочих численно вырос с 7.762.000 до 15.983.000 человек, а группы служащих с 4.405.000 до 8.781.000. Служащіе составляют 35,5% общаго наемнаго персонала. При таком процентѣ нужно считать, что в народном хозяйствѣ в 1937 г. — в городѣ и деревнѣ — было занято 16.800.000 рабочих и 9.000.000 служащих. Отбрасы-

вая армію, пенсіонерів, стипендіатів и т. д., беря главное, *основное*, активное население, сравним численность рабочих и служащих со всеми группами крестьянства и ремесленников. Их было 95,7 милл. душ. Но это общее население. Для сравнения с активным населением — рабочими и служащими — нужно выдѣлить активное население среди крестьян и среди ремесленников. Нѣсколько упрощая задачу, и тѣм довольно *сильно преуменьшая* активное крестьянское население, возьму только трудоспособную часть в возрастѣ от 15 - 59 лѣтъ, составляющую в крестьянствѣ по переписи 1926 г. 56%. Получится 53,6 милл. Мы имѣем, в итогѣ, возможность представить классовый состав совѣтскаго общества не так, как он давался в работѣ Кравала, в видѣ цифр общаго населенія по группам с иждивенцами, а в численном соотношеніи групп, составляющих его основное работающее население.

Классовый состав СССР.

Рабочіе	16.800.000	21,2%
Служащіе	9.000.000	11,3%
Крестьяне и ремесленники	53.600.000	67,5%
	<hr/>	
	79.400.000	100,0%

Нельзя не замѣтить, что процент рабочих, — взяты же все рабочіе, и совхозов, и занятые в лѣсном хозяйствѣ (полукрестьяне), — очень скромн. Прибавьте к нему еще нѣсколько миллионів, еще нѣсколько процентов, все равно процент будет низок. Такого процента нѣтъ *ни в одной* из индустріальных стран. Он ползет там к 50% и даже их превышает. В цѣлях расширенія «пролетарской базы» СССР, чтобы она не тонула в «крестьянском мелкобуржуазном морѣ», были потрясены и небо, и земля. Было уничтожено, по меньшей мѣрѣ, 14 милл. крестьянских жизней, и около 18 миллионів крестьян переведены или вытолкнуты в города. Были пущены в ход все мѣры. Большаго уже сдѣлать нельзя. И, все-таки, послѣ неистовств сталинских пятилѣток, «работеніе» страны достигло только 21%. Может подняться еще на нѣсколько пунктов, но не очень на много. Почему? Я говорил о том в предыдущей статьѣ (см. «Р. З.», Апрель). Против этого *властно* возстает *характер* импортированной из Европы и Америки техники, орудій производства-модерн, усовершенствованнаго технического оборудованія-модерн, рассчитаннаго на высочайшую про-

изводительность труда. Но либо использование, во всей ее мощи, заимствованной техники, тогда не нужно большого количества рабочих, тем больше их увеличения; это технико-экономический абсурд. Либо дальнейшее их беспорядочное увеличение, тогда новую технику, приобретенную в пятилетки, нужно или похерить, или пользоваться ею, как старой. Тоже абсурд. На Красноуральском мѣдном заводѣ рабочих почти в 10 раз больше, чѣм на однородно-оборудованном заводѣ Норанда в Канадѣ. На заводѣ Ин-лэнд-Стил К-о в Америкѣ занято 9.200 рабочих, и они выплавляют 1,5 миллиона тонн стали. На столь же хорошо технически экипированном заводѣ Дзержинскаго на Украинѣ занято 28 тысяч рабочих, и они выплавляют в *полтора* раза *меньше*. Можно ли тут думать об увеличении рабочих? А вѣдь так обстоит почти во всѣх областях. Здѣсь мы встречаемся с своеобразіем рабочего вопроса Россіи, многіе его не желают замѣчать. В Европѣ и Америкѣ рост численности рабочего класса, вслѣдствіе происходящей *технической мировой революціи*, замедлился и прекратился, когда пролетаріат, класс физическаго труда, дошел до 50 и выше процентов всего активнаго населенія. В Россіи, поскольку она хочет утилизировать новѣйшую технику, и не допотошно, рост пролетаріата должен замедлиться, когда удѣльный вѣс рабочих в активном населеніи страны еще не дошел даже до 25%. Соціально-политическія послѣдствія подобной ситуациі, созданной мировым техническим прогрессом, в импортном видѣ перекочевавшим и в Россію, нужно учитывать при всѣх попытках прогноза измѣненій, ожидающих СССР в ближайшія пятилѣтки.

(Основную группу активнаго населенія (67%) составляют крестьяне и ремесленники. Освѣщеніе происходящих в ней процессов никак не укладывается в рамки моей статьи. Поэтому я перейду к служащим, одной из трех основных категорій населенія СССР. Согласно марксизму, проповѣдуемому бывшим венгерским сельским учителем, а нынѣ всероссійским академиком Варга, единственным «продуктивным» элементом городского общества являются рабочіе. Чиновники, служащіе, всѣ занятые в торговлѣ, в банках, страховом дѣлѣ, в ресторанах и отелях, в муниципальном хозяйствѣ им зачисляются в «непродуктивные» слои. Увеличеніе в этих областях персонала он объясняет только «растущим» в буржуазном обществѣ во время кризисов «паразитизмом», толкающим людей «в сферу обращенія и личнаго обслу-

живанія». Взгляды Троцкого двигаются по тому же руслу. В советскую, непродуктивную, паразитическую бюрократию он, несомненно, относит всех без исключения, даже самых маленьких, служащих. Иначе, он никак бы не мог дойти до цифры в 25 милл. душ, которой он исчисляет «советскую бюрократию». Если, что, конечно, нелѣпо, — относить к ней всех служащих, ее число, как мы видѣли, 9 милл. душ. С семьями, с иждивенцами (при коэффициентѣ 2,1) это составляет населеніе в 18,9 милл. душ. Далекоеще до 25 милл. К этой советской «бюрократіи» прибавим председателей, бригадиров, конторскій аппарат колхозов (статистика их относит к колхозникам; подавляющая их часть, дѣйствительно, крестьяне). Колхозов в 1937 г. было 243 тыс. Преувеличенно считая в каждом по 10 человек административнаго, служилаго персонала, не несущаго физическаго труда, получим 2.430.000 чел. вмѣстѣ с 9 милл. ранѣе указанных лиц (а в них включены все Сталины (все Молотовы, все Кагановичи и Ежовы), это — 11.430.000 чел. «паразитическаго», «бюрократическаго» — служилаго элемента, занятаго в разных сферах народнаго хозяйства. Это предѣльно-максимальная цифра. В нее вошел весь партійный, весь административный, весь хозяйственный аппарат. С семьями, все-таки, она до 25 милл. не доходит. Эта масса людей, упрощенно именуемая нами «бюрократіей», составляет 14,3% активнаго населенія. В ее вѣдѣннѣе управленіе, суд, хозяйственныя и культурныя функціи. Ну, а в других странах, — каков процент в активном населеніи лиц, выполняющих функціи, однородныя съ тѣми, что должны нести 11,4 милл. советских служащих? Сравненіе затруднительно. Чтобы оно было болѣе или менѣе возможно, в других странах нужно взять чиновников, служащих во всех областях, либеральныя профессіи и лиц, занятых в сферѣ личнаго обслуживания. Проконсультировавъ на этот счет переписи и подсчитав, мы найдем, что этот люд занимает не 14,3%, как в СССР, а во Франціи минимум 17%, в Германіи свыше 21%, в Англии свыше 26%, в Америкѣ свыше 32% *).

Приведенныя цифры могут поразить. А в них нѣтъ ничего непонятнаго. Чѣм экономически развитѣе страна, чѣм выше в ней техника, производительность труда, больше прибавочный про-

*) В составѣ советских служащих находится «правящая бюрократія» — администраторы-«хозяева» предпріятій. На Западѣ им соотвѣтствуют собственники предпріятій, их ведущіе и администрирующіе.

дукт, чѣмъ относительно меньше ей нужно работников физическаго труда, тѣмъ большее число лицъ она можетъ и должна переводить изъ сферы физическаго труда въ сферу умственнаго труда, въ сферу управления, въ сферу обслуживанія растущихъ, усложняющихся, рождающихся потребностей общества. Г-ну Варгѣ эта истина недоступна. Онъ убѣжденъ, что должно расти число пролетаріата только лицъ физическаго труда. Идея о «пользѣ» обслуживанія потребностей общества ему варварски чужда. Ему это кажется паразитическимъ занятіемъ. Послѣдствій техническаго прогресса онъ не понимаетъ. Поэтому-то онъ и утверждаетъ, что въ буржуазныхъ странахъ только *«растущій паразитизмъ»* приводитъ къ тому, что число рабочихъ, занимающихся непосредственнымъ производствомъ цѣнностей, уменьшается, въ то время какъ число непродуктивно занятыхъ рабочихъ растетъ».

Оставляя пока вопросъ о полезности и качествахъ работы совѣтскихъ служащихъ («бюрократіи»), а беря лишь ихъ процентъ, мы видимъ, что въ немъ ничего особо чудовищнаго нѣтъ. Ненормальна не его абсолютная величина, а другое: численное соотношеніе между служащими и рабочими. При такомъ огромномъ числѣ крестьянъ-земледѣльцевъ, какъ въ Россіи, современныя общества обычно не имѣютъ такого процента служащихъ. Онъ слишкомъ великъ. Съ другой стороны, при такомъ количествѣ служащихъ современныя страны не имѣютъ такого процента рабочихъ. Онъ малъ. Въ чемъ тутъ дѣло? Да въ томъ, что великое множество служащихъ («бюрократовъ»), которые, при другой ситуациі, были бы простыми рабочими, крестьянами, ремесленниками, маленькими буржуа-предпринимателями, въ Совѣтской Россіи, въ процессѣ уничтоженія строя частной собственности и замѣны ея государственной, становились на службу государства, дѣлались инженерами, техниками, администраторами, судьями, слѣдователями, директорами, врачами, учителями, профессорами, товаровѣдами, служащими въ различныхъ сферахъ социальныхъ услугъ. Россія въ судорожномъ усиліи захотѣла обзавестись арматурой, *несоответствующей* уровню ея производительныхъ силъ, ея производительности труда, величинѣ создаваемого ея хозяйствомъ прибавочнаго продукта. Отсюда указанные выше дис-

При учетѣ этого факта, приведенныя цифры относительно иностранныхъ странъ нужно увеличить. Для Франціи, съ ея множествомъ мелкихъ предпріятій, процентъ будетъ, конечно, не 17%, а выше. То же и въ Германіи.

пропорціи. В 1914 году в ней было 91 (большевики так считают) «высшее» учебное заведение. Сейчас в ней 700! «У нас 550.000 студентов, на 150 тыс. больше, чѣм в Германіи, Италіи, Англии, Франціи, Японіи вмѣстѣ взятых» (рѣчь Молотова). Организована обширная сѣть хозяйственно-культурныхъ услуг, потребовавшая крупнаго числа служащихъ. В народной связи (почта, телеграфъ, телефон, радіо) в 1924 г. было 80 тыс. персонала. Нынѣ 334.000. В кредитномъ хозяйствѣ было 47 тыс., стало 152 тыс. (в Америкѣ 1.196.000). В муниципальном, коммунальномъ хозяйствѣ было 67 тыс., теперь 508 тысячъ. В охранѣ народнаго здравія было 251 тысячъ, стало 1.156 тысячъ. В просвѣщеніи было 492.000, стало — 2.190.000. В индустріи было 220 тыс. инженерно - технического персонала и служащихъ, стало 988.000. Во всѣхъ административно-хозяйственныхъ учрежденіяхъ (от ЦИК и Госплана до сельсовѣтовъ) было 887 тыс., нынѣ 1.745.000. В общественномъ питаніи (ресторанной отрасли) было 20 тыс., теперь 484.000. Наконецъ, в торговлѣ персоналъ с 248 тыс. поднялся до 1.957 тысячъ (цифра просто *мизерная!*).

Выросшая «надстройка», занявшая миллионы служащихъ, стоитъ что-либо «продуктивнымъ» класамъ — рабочимъ, крестьянамъ, или нѣтъ? Демагоги Кремля убѣждаютъ, что в СССР, не в примѣръ капитализму, лѣченіе, санаторіи, дома отдыха, клубы, театры, пионерскіе лагеря, просвѣщеніе и т. д. ничего не стоятъ трудящимся. «Все бесплатно». «Расходы несетъ государство», знаменитый рождественскій дѣдъ или Провиданс. Даромъ же ничто не дается. И если рабочіе и крестьяне хотятъ имѣть больше учителей, агрономов, профессоров, больше аптек, больницъ, гигиены и всяческихъ жизненныхъ удобствъ, больше ресторановъ и магазиновъ, — нужно за это работать, нужно платить, нанимать для этого особый классъ людей-служащихъ, берущихъ на себя функцію «обслуживать» многообразныя потребности. Услуги, безъ людей ихъ оказывающихъ, с неба не падаютъ. Что же в итогѣ получается? Получается, что, как ни мизерна, в сущности, плата служащихъ (профессор-доктор науки имѣетъ в довоенныхъ рубляхъ около 55 рублей в мѣсяц!), ихъ содержаніе, при *низкой производительности труда* «продуктивныхъ» классовъ, *крайне тяжело и рабочему, и крестьянину, и ремесленнику*. С помощью косвеннаго налога (на оборот), т. е. удорожанія хлеба, ситца, сапогъ, одежды и т. д., государство выкраиваетъ изъ національнаго дохода довольно изрядную часть на содержаніе

служащих, и тѣм, несомнѣнно, уменьшается реальная заработная плата рабочаго, вознагражденіе труда земледѣльца. «Надстрой-ка» СССР не по базѣ, не по уровню національной продукціи, не по уровню производительности труда 70 милл. рабочих, крестьян, ремесленников.

Какой отсюда вывод? Заклеймить, как «непроизводительный» элемент, миллионы за эти годы появившихся служащих, смѣшать их в одну кучу со сталинцами и всю эту бесполезную и вредную «бюрократію» революціонно разогнать?

Но с таким рѣшеніем нам, конечно, дѣлать нечего. В совѣтском служилом аппаратѣ много людей с партійным билетом, насильников, паразитов, бездѣльников, и управляют СССР люди, от которых страна болѣет и дрожит, как в лихорадкѣ. Вот куда смотрите, но не нужно соціологически и экономически невѣрных обобщеній о чудовищной бюрократіи, с'ѣдающей, как саранча, національный доход! Бѣда не в том, что число служащих будто бы чудовищно. Вѣдь каждый день мы читаем, что в странѣ нѣтъ торговых служащих, нѣтъ профессоров, агрономов, редакторов, ветеринаров, врачей, фармацевтов, парикмахеров и т. д. Невѣрно и то, что группы служащих, огульно зачисляемых в преступную бюрократію, проѣдают народный доход. Так упрощенно нельзя подходить к вопросу. Нужно проанализировать совершенно ненормальную структуру совѣтскаго національнаго продукта (в отношеніи пропорціи производимых цѣнностей), понять его низкое качество (все изнашивается с невѣроятной быстротой),—тогда предстанут другія причины матеріальных бѣдствій населенія. Главное же вот в чем: нынѣшніе властители Кремля странѣ не нужны, но созданныя за эти годы хозяйственныя организаци и организаци соціальных и культурных услуг с многочисленным штатом служащих, ей, разумѣется, нужны. Онѣ плохи, их нужно лѣчить и исправлять, но без них и им подобных, в 20 вѣкѣ не обойтись. Бѣда в том, что под тлетворной властью Кремля труд служащих безмѣрно низкаго качества и не улучшается, а *ухудшается*. Низко качество фабричной продукціи, но еще ниже качество дирижируемой Кремлем административной, культурной, идейной «продукціи» служащих, качество всѣх форм обслуживания населенія. И много-ли толку, что «у нас 500.000 студентов», когда юрист из всей науки знает только, что людей можно разстрѣливать, математик не умѣет извлечь квадратнаго корня из девяти, а медик ищет пе-

чень в лѣвом боку. Не «разгон», а замѣна у всѣх категорій «служащих» труда неграмотнаго, низкокачественнаго, бессмысленнаго и потому общественно - бесполезнаго может *постепенно* исправить дѣло.

Ложен взгляд, что единственным продуктивным классом города является только пролетаріат, а всѣ остальные классы и группы паразитами сидят на его спинѣ и «пожирают» созданный рабочим продукт. Продукт общества — социальный продукт, создание всѣх без исключенія составляющих общество профессій. Он результат и физическаго, и умственнаго труда. В нем прямо и косвенно принимают участіе Амперы, Эдиссоны, Кюри, рабочіе, администраторы, служащіе, люди, занятые в производствѣ, в сферѣ обращенія и в сферѣ услуг, хотя столь же несомнѣнно, что в своей матеріальной формѣ продукт появляется на свѣт только от руки рабочаго, крестьянина, ремесленника. От величины создаваемой именно ими продукціи и от величины *тут* образующагося прибавочнаго продукта зависит, сколько *может* общество в данный момент затратить на свою культурную экипировку, направить на вознагражденіе тѣх, кто занят полезным трудом (чиновники, служащіе, ученые, всѣ либеральныя профессіи и т. д.), но не прямо в производствѣ. Ясно, что чѣм выше производительность труда рабочих, чѣм правильнѣе поставлены его цѣли (нельзя производить только чугун и игнорировать, как в СССР, производство ситца), чѣм больше будет прибавочный продукт, тѣм всѣм вообще классам физическаго труда будет легко имѣть, оплачивать созданную и им нужную *социально - культурную надстройку*, поддерживать которую в Россіи для них сейчас очень тяжело потому, что в ней преобладает низко-качественный, бесполезный, плохо себя окупающій труд и потому, что труд самих рабочих и крестьян малопроизводителен. В результатѣ, небольшой пирог національнаго дохода (из котораго огромная часть идет в накопленіе) дѣлится на 156 милліонов ѣдоков. Мы упираемся во всѣх областях в коренную проблему оздоровленія труда, повышенія его качества, разумности, культурности. *От нея никуда не уйти!* Она не рѣшается ежовщиной и безграмотной стахановщиной, но и *не какими-либо видами* троцкизма, — она требует разумнаго измѣненія политической, экономической, социальной, идейной, психологической и моральной обстановки в странѣ...

Е. Юрьевскій

ХРОНИКА

Литература в СССР

Советская литература — явление сложное. Она тѣсно связана со всѣм происходящим в Россіи, и ея положеніе поддается отчетливому анализу почти так же трудно, как общее состояніе страны. Нерѣдко при мысли об этой литературѣ возникает опредѣленная схема, на первый взгляд будто бы и соответствующая ея развитію и судьбѣ. Но стоит в такую схему взглянуть внимательно, как обнаруживается условность и узость построения: если даже оно по своему и правильно, то ни в коем случаѣ не полно. Надо всегда помнить, что всѣ движенія и теченія советской литературы — как, в сущности, и всѣ процессы современной русской жизни вообще, — представляют собою результат столкновения или соприкосновения двух сил: власти и народа, режима и среды, произвола и творчества, — и что, если этой двойственностью пренебречь, выводы навѣрное окажутся фальсифицированными. И в Москвѣ, и у нас в эмиграціи к такому упрощенію замѣтна склонность, — правда, по діаметрально-противуположным причинам. В Москвѣ утверждают, что всѣ русскія настроенія и стремленія, в частности, настроенія и стремленія литературныя, проникнуты единством, — потому что власть и партія в совершенной точности и чистотѣ выражают волю страны. В эмиграціи до сих пор распространено убѣжденіе, что разрыв между властью и страной, так сказать, абсолютен, и что поэтому в советской печати подвизаются лишь лакеи или рабы, а люди, еще не окончательно утратившіе самостоятельности и человѣческаго достоинства, оказались из нея мало по малу исключены. По обѣим формулам можно было бы написать стройную с виду «исторію советской литературы»: в первом случаѣ это была бы исторія сотрудничества, исторія процвѣтанія всякаго рода литературных ростков под благодѣтельным руководством сверху, — вплоть до теперешняго періода ликованій,

восторгов и панегириков; во втором — исторія борьбы и сопротивления. Безспорно, в этой второй версії было бы много истиннаго — и, добавлю, трагическаго. Но далеко не все в совѣтской литературѣ было бы при этом открыто, потому что далеко не все понято.

Нѣтъ возможности в коротком очеркѣ, посвященном преимущественно настроеніям и фактам послѣдняго времени, вернуться ко всему тому, что характерно для совѣтской литературы на всем протяженіи ея существованія. Одно замѣчаніе все-таки необходимо сдѣлать. Если об этом еще раз не напомнить, картина могла бы оказаться слишком искажена.

Упомянутое о живучести, о сопротивленіи литературы в СССР власти нерѣдко истолковывается, как указаніе на ея глубокую, тайную вражду к революціи. Нельзя ручаться, что такой вражды ни у кого из совѣтских писателей дѣйствительно нѣтъ. Однако, в цѣлом, — гораздо замѣтнѣе все-таки тенденція к «углубленію», или, точнѣе, к распространенію революціонной ломки на всѣ области жизни, прежде всего на область моральную и этическую. Сопротивленіе вызвано надзором. Но даже читая между строк, даже додумывая брошенные вскользь намеки или расширяя какія-либо сопоставленія образов, т. е. пытаясь понять с полуслова то, что иначе сказано быть не могло, даже и при таком отношеніи к совѣтской литературѣ — невозможно уловить в ней чего-либо реставраторскаго. То, что в Россіи произошло, ею принято, и ни пересмотру, ни переоцѣнкѣ не подлежит. Сочувствіе — в самых общих чертах — вызвано, очевидно «новыми горизонтами», перед страной открывшимися, ея широким оживленіем, толчком в ея нѣдра, наконец, «надеждами, трудами» по Пушкину. Да и не только этим: всякій государственный строй, даже неизмѣримо болѣе совершенный, чѣм былой строй русскій, требует от совѣсти или от нравственнаго чувства нѣкоторой стоворчивости, и в отвѣтъ всегда всякая революція вызывает смутное ожиданіе того, что разлад с совѣстью будет уничтожен. Скептики знают, что это мечтанія «несбыточныя». Но люди, которым в 1917 году было двадцать лѣтъ, скептиками не были и быть не могли.

И вмѣстѣ с тѣм, совѣтскій період русской литературы есть истиннѣ період «страдальческій». Перед литературой, которая хотѣла остаться живой, стоял вопрос: что такое революція, к чему она обязывает, что она за собой влечет? — а для власти никаких

вопросов вообще не существовало и не существует, и во всяком случае, прерогативу рѣшать их, буде они встрѣтятся, она оставила за собой. Ни за что на свѣтѣ власть этой прерогативой не согласилась бы поступиться. Писателям разрѣшалось и разрѣшается мыслить, однако, лишь в границах частных, отдѣльных, преимущественно практически - строительных «проблем», — но никак не на общія темы. Борьба, сопротивление, проявление жизненной цѣнности — все это было не борьбой против революціи, как многіе у нас склонны были бы предположить, а именно борьбой за мысль, за революцію творчески обращенную, борьбой за право участія в обдумываніи или уясненіи всего совершившагося и совершающагося. Власть возненавидѣла всякую мысль, отчасти, быть может, потому, что в природѣ всякой мысли кроется и сомнѣніе, — а сомнѣніе ей требовалось искоренить, «выкорчевать». Надо отдать ей справедливость: цѣли своей она достигла, и блестящая ея побѣда на этом своеобразном «фронтѣ» должна быть признана едва - ли не самым показательным фактом для того, что дѣлается в совѣтской литературѣ сейчас.

Без всякаго преувеличенія, просмотр и чтеніе московских журналов в послѣднее время — занятіе удручающее. Назвать их пустыми было бы недостаточно: это не пустота, это какое-то коллективное утопаніе в счастье, в благодарности, в новой, невѣдомой остальному міру социалистической красотѣ! Для разнообразія тут же рядом обыкновенно преподносятся каннибальскія резолюціи по поводу раскрытія какого -нибудь очередного вредительства или полемическая перебранка, гдѣ спорящіе утруждают себя не столько обдумываніем и оттачиваніем доводов, сколько розыском сокрушающе ударных цитат. Споры часто бывают исполнены зловѣщаго, но неподдѣльнаго комизма, когда при апелляціи одного из спорщиков к Марксу, а другого — к Сталину, обнаруживается «неувязка», — причем ни тот, ни другой не рѣшаются, разумѣется, ее откровенно признать и ссылаются лишь на «отсутствіе діалектическаго подхода» у оппонента. При «діалектическом подходѣ» все можно сгладить. Вмѣшивается какой -нибудь особобавторитетный товарищ и раз'ясняет, что Сталин развил идеи Маркса глубже и смѣлѣе кого бы то ни было, а оба наши антагониста — просто головотяпы или даже диверсанты. Не цитировали ли они десять лѣтъ тому назад Троцкаго? Не ссылались ли еще недавно на Бухарина? Мгновенно настает тишь да гладь.

О том, что происходит на поверхности совѣтской литературы знают, впрочем, всё. Не стоит на этом долго задерживаться. Состязанія в из'явленіи вѣрносподданническихъ чувствъ «Эльбрусу челоувѣчества» (честь изобрѣтенія этого титула принадлежит, если не ошибаюсь, поэту Н. Тихонову), самокритическія покаянія в духѣ унтер-офицерской вдовы, патетическіе призывы къ бдительности и безопасности — все это не должно бы отвлекать вниманія отъ явленій болѣе существенныхъ, хоть и менѣе замѣтныхъ.

В 1932 году было издано в Москвѣ знаменитое, «всемирно - историческое» постановление от 23 апрѣля о роспускѣ РАПП-а. Практически это мѣропріятіе означало побѣду Горькаго над Авербахом и признаніе за литературой права на какую-то, хотя бы самую скромную долю свободы. По московской терминологіи, 23 апрѣля было покончено с «администрированіем в литературѣ». На первых порахъ создалось настроеніе, вродѣ как послѣ убійства Павла Г. Писатели чуть ли не обнимались на улицѣ от радости, а какой-то юморист писал даже, что «в воздухѣ от всеобщаго умиленія запахло вежеталем, медом, чѣм-то пріятным, чарующим до необыкновенности». Казалось, самыя трудныя времена — позади, и удовлетвореніе было тѣм болѣе явно, что оно совпадало с правительственными заданіями. Можно было радоваться открыто, законно. Радоваться было даже обязательно для всѣх, не желавших навлечь на себя подозрѣнія.

23 апрѣля 1932 года было признано датой «всемирно - историческаго значенія» тогда же. Но и до сих пор еще день этот считается в совѣтской литературѣ праздничным, и с него будто бы начался бурный, творческій под'ем. Паденіе Авербаха (котораго, кстати сказать, теперь считают троцкистом, хотя именно Троцкій дал ему характеристику: «юркое ничтожество») вызвало, вѣроятно, радость искреннюю. Едва - ли однако в наши дни хоть один безпристрастный челоувѣкъ сохранил иллюзію, будто постановление это послужило литературѣ на пользу и чѣм - либо положеніе ея улучшило. Не касаюсь сейчасъ результатов «чисто творческихъ»: офиціально возвѣщеннаго, но мифическаго потока «полноцѣнныхъ художественныхъ созданій». Остановлюсь именно на положеніи, — т. е. на вопросѣ о том количествѣ свободы, которым писателю дано пользоваться.

Авербахъ был челоувѣкомъ с диктаторскими замашками, капризный, до нельзя самоувѣренный, с чѣм-то схоластическим в обра-

зѣ мыслей. Конечно, если бы в самом дѣлѣ вся та власть, которую он имѣл, перешла к Горькому, радость была бы основательна. Помню, в частной бесѣдѣ, один из прїѣхавших из Москвы писателей говорил лѣтъ восемь тому назад — тогда, как это ни кажется теперь невѣроятным, заѣзжіе москвичи еще иногда откровенно бесѣдовали с эмигрантами, — что паденіе Авербаха было бы для литературы и желательно, и вмѣстѣ с тѣм опасно. Опасно потому, что Авербах, держащій все в своих руках, отгораживает литературу от иных вліяній и воздѣйствій, которыя могут оказаться хуже, а, главное, могут быть неуловимы и анонимны. Авербах плох, но по крайней мѣрѣ он один, а послѣ него еще неизвѣстно что будет... Предчувствія были основательны. Горькій мог бы «отгородить» литературу лучше Авербаха, но сдѣлать он этого не пожелал или не сумѣл. Горькій по всей вѣроятности и не понял, что пока в странѣ существует диктатура общая, — да еще такая, как сталинская, — диктатура частная над литературой может при извѣстных условіях быть предпочтительнѣе хаосу, который бросает ее на произвол перваго встрѣчнаго доносчика, любого негодяя, любого пройдохи, стремящагося выслужиться. Писатели, кажется, надѣялись, что на него они могут положиться, как на каменную гору, и Горькій, принявъ уничтоженіе «администрированія» всерьез, рѣшил и даже объявил, что для включенія в братскій и основанный на взаимном довѣрїи союз совѣтских писателей достаточно общаго сочувствія социализму в тѣх формах, в каких он насаждается в СССР, и грамотности. На грамотности он особенно настаивал, по старому своему пристрастію к культуртрегерству и отращенію к азіатчинѣ. Не прошло и года, как Горькій, повидимому, убѣдился, к чему довѣрчивость привела.

Свободы не прибавилось, свобода исчезла окончательно. Ослабленіе надзора или цензуры не могло дать ничего хорошаго при наличїи незыблемаго государственнаго символа вѣры, который, к тому же, с каждым годом становился все болѣе двусмысленным или, правильнѣе сказать, безмысленным. Горькій на первых порах покрывал своим авторитетом то одного, то другого из своих младших собратьев, — правда, не отказывая иногда себѣ в удовольствїи и низвергнуть с высоты величія какую-либо знаменитость авербаховских времен, напимѣр, Панферова. Но «юркія ничтожества» всѣх мастей и типов быстро сообразили, что при новых порядках им раздолье, какого раньше не было, и тут то и на-

чалась та чудовищная ежедневная слѣжка, то постигнув стахановское по темпам и рвенію «выкорчевываніе» всяких стремленій сохранить хоть что-либо свое, началось все то, что дало теперь столь наглядные результаты. У многих из нас есть сейчас склонность идеализировать при сравненіи со Сталиным Ленина, — и сколько бы оговорок ни слѣдовало сдѣлать при такой идеализаціи, она все-таки кое в чем оправдана. Ленина, вѣроятно, просто на просто стошнило бы от теперешних московских газет и журналов. Не говорю уж о славословіях в честь «Эльбруса человѣчества», которых, он вѣроятно, не выдержал бы. Но и полная выхолощенность от какого бы то ни было идейнаго задора, при полнѣйшем удовлетвореніи таким первобытно - райским состояніем должна была бы его поразить.

В странѣ, гдѣ «общественное мнѣніе» приравнивает чуть ли не к государственному преступленію не только импровизацію в политических взглядах, но и самостоятельность в художественных оцѣнках *), должен был бы по крайней мѣрѣ существовать кодекс дозволеннаго и запрещеннаго. Было бы в таком случаѣ хоть извѣстно, за что укрыться! Было бы возможно, хоть в предѣлах этого кодекса, что-то говорить и развивать! Но оттого то в московской литературной печати и водворился «порядок, царствующій в пустынь», — если воспользоваться выраженіем Тацита, — что никто ни в чем не увѣрен, и всякій знает только то, что ни в чем увѣренным быть нельзя. Хорошо, если Сталин сказал, что Маяковский «лучшій, талантливѣйшій поэт нашей совѣтской эпохи!» Извѣстно по крайней мѣрѣ, что Маяковского критиковать больше недопустимо: Маяковский канонизирован. Но стоит лишь отважиться в область, гдѣ нѣтъ столь же опредѣленных указаній свыше, как всякое сужденіе становится рискованным, — ибо может оказаться, во первых, что редактору «Правды» или другому, облеченному довѣріем лицу, оно не понравится, во вторых, — что в третьем томѣ Маркса, на сто пятьдесят седьмой страницѣ, восьмая строчка сверху, высказана мысль, противорѣчащая данной, в третьих,

*) Это вовсе не голосовное утвержденіе: сейчас в Россіи никто больше не может позволить себѣ сказать, что Маяковский, напримѣр, был слабым художником, или что Пастернак глубже его, или что Горькій — не первоклассный романист, или что-либо другое в том же родѣ.. Не касаюсь при этом вовсе дѣйствительных достоинств Горькаго, Маяковского и Пастернака. Но замѣчательно, что вкус регламентирован так же, как все другое!

— что то же самое сказал в какой-либо рѣчи очередной «диверсант», уже отправленный на тот свѣтъ, в четвертых... Впрочем, всего невозможно ни перечислить, ни предвидѣть. Дѣйствует, вѣроятно, и то, что мыслить больше и глубже Сталина, писать лучше Сталина, никто в Россіи не считает себя в правѣ. Равняясь по «Эльбрусу», всѣ инстинктивно стремятся казаться обыкновенными скромными холмиками и отгѣнить величіе обще - государственной и обще - національной умственной вершины. Разумѣется, касаясь всего этого, мы затрагиваем вопрос о положеніи страны вообще и выходим из сферы вопросов литературных. Не могу все-таки не подчеркнуть того, насколько укрѣпилась при теперешнем интеллектуальном террорѣ боязнь о чем - либо судить и что - либо оцѣнивать. Характерный примѣр. Этой зимой в Москвѣ тянулася безконечная дискуссія о Союзѣ писателей и недостатках в его работѣ (к сожалѣнію, у меня нѣтъ достаточно мѣста, чтобы рассказать обо всем, что сами же члены союза сообщили для иллюстраціи уцѣлѣвшаго, хоть и принявшаго иныя формы «администрированія»). А. Фадѣев, извѣстный романист, автор «Разгрома» и «Послѣдняго из Удеге», помѣстил в «Литературной Газетѣ» от 28 января статью о союзных дѣлах, статью, гдѣ конечно, как и всѣ другіе высказывавшіеся, утверждал, что «никогда нигдѣ еще не было таких прекрасных условій для чудеснаго размаха творческой работы». Но мимоходом он подѣлился и кое - чѣм другим. Оказывается, в послѣднее время среди совѣтских критиков «выплыла довольно странная теорія».

«Оказывается, нельзя дать правильной оцѣнки художественному произведенію, если ты лично и доскопально не знаком с его автором. Почему так? А вот почему: оказывается, можно создать хоршее революціонное произведеніе, будучи двурушником, приспособленцем, врагом народа, создать его, так сказать, для маскировки. По этой теоріи наша критика, к примѣру, не может высказаться о міровой художественной литературѣ. Мало ли кто там пишет? Развѣ со всѣми перезнакомишься!»

Фадѣев выступает против этой «странной теоріи». Он считает, что если бы критика приняла за критерій не «абстрактно - идеологическое качество, а цѣлостное художественное лицо» произведенія, то не произошло бы такого конфуза, как в случаѣ с драматургом Киршином, который до политическаго его разоблаченія ходил в полугеніях, а потом был сразу объявлен бездарно-

стью и пошляком. Не стану в туманные соображения Фадеева вдаваться, сильно сомневаясь, кстати, чтобы его рецепты были полезны. Но один только факт возникновения такой «теории», о которой он рассказал, красноречиво свидетельствует о состоянии умов! Если от хорошей жизни не полетишь, то и такой теории от хорошей жизни не выдумаешь.

Союз писателей, руководимый В. Ставским, был призван к «перестройке». Какая это по счету перестройка в истории советской литературы? Двдцатая? Сотая? Во всяком случае, наверняка, — не последняя. При том зияющем противоречии, которое существует между отвлеченным представлением о счастливой, свободной и мощной словесности, — по Стецкому, «самой насыщенной идеями и самой передовой в мире» — и реальным положением и реальными достижениями этой невиданной литературы, требования перестройки время от времени неизбежны! Надо же на кого —нибудь взвалить вину за то, что на деле все не так блестяще, как в идеале. Надо же найти корень зла! Союз писателей, как ответственная организация, и расплывается. Не к чему отрицать, что в нем действительно порядки неприглядные. Но бессмысленно на эти порядки ссылаться, как на главную причину всех бед.

В последние два года добрая половина советских «литературоведов» была обвинена в «вульгарном социологизме». Движение против вульгарного социологизма по существу представляет собой процесс родственной тому, который в исторической науке привел от Покровского к учебнику проф. Шестакова. Долгое время московские критики не способны были написать десяти страниц ни о ком из великих художников прошлого, не начав болтать о «разложении среднего дворянства» или о «роли торгового капитала». Жорж Фридман, француз, автор недавно вышедшей книги «От святой Руси к СССР» рассказывает, что толчком к пересмотру отношения к истории был разговор Сталина с сыном об Англии: мальчик прекрасно разбирался во всех разложениях, расхождениях и товарообменах, но не знал имени Кромвеля. Не знаю, говорил ли с кем-нибудь Сталин о литературе. Может быть и говорил. Однако, рещительным поводом к изменению взгляда на литературное прошлое была, повидимому, подготовка к пушкинскому юбилею. Если Пушкин всего лишь «продукт», да еще «враждебного нам класса», если Пушкин лишь «отображает» или выражает «чаяния

рабовладѣльческаго дворянства», — кому он нужен и за что его чествовать? В первый раз было в примѣненіи к исторіи литературы произнесено слово «народ», и наскоро была отыскана цитата из Ленина, доказывавшая, что Ильич относился к этому термину с гнѣвным презрѣніем лишь до тѣх пор, пока им могло быть затушевано классовое разслоеніе. Наканунѣ созданія безклассоваго общества понятіе «народ» умѣстно и с марксистской точки зрѣнія безупречно. У Бѣлинскаго было взято истолкованіе пушкинской народности и украшено позднѣйшими, болѣе пріемлемыми, болѣе «научными» вариациями на эту тему. Как правило, было принято, что к культурному наслѣдству должно быть причислено лишь творчество тѣх писателей, которые понятію «народности» удовлетворяют. Обо всем этом с высоты учительской кафедры обстоятельно говорилось в «Правдѣ» — в назиданіе тѣм, которые за товарообмѣном не разглядѣли ни «Евгенія Онѣгина, ни «Мертвых душ». Прошло всего нѣсколько мѣсяцев, и вот та же «Правда» уже бьет тревогу: с поклонниками и изслѣдователями «народности» нѣтъ больше сладу. Достаточно, чтобы писатель «страдал от царизма» и «любил родную страну», как он уже возводится в социалистическіе классики. «И Щербина — классик, и Розенгейн — классик!» — довольно резонно изумляется «Правда», доказывая, что «вульгаризація в упрощенствѣ ничѣм не лучше вульгаризація в социологизмѣ». Спор по существу для нас не Бог вѣсть как интересен. Если о нем полезно упомянуть, то все с той же цѣлью: для убѣдительности в изображеніи того, в каком состояніи находится в Россіи литература и ея представители.

Однако, есть и связанное с увлеченіем «народностью» явленіе, которое существенно и важно само по себѣ, и которое, причиняя совѣтским писателям, вѣроятно, немалыя мученія, отличается именно той двойственностью, гдѣ и власть, и среда сказали свое слово. Не думаю, чтобы существовало сейчас что — либо сильнѣе тормозящее в СССР всякое творчество. Но не думаю, чтобы и правильно было при упоминаніи об этом явленіи лишь пожать плечами и предаться обычным и стереотипным эмигрантским сарказмам. В революціи многое противорѣчиво по природѣ. Не всѣ ея заданія, не всѣ ея задачи могут быть сразу поняты и рѣшены.

Начну с того, что едѣлала власть, и что в общих чертах у всѣх, вѣроятно, еще в памяти. Сталин отправился в театр, послушал оперу Шостаковича «Катерина Измайловна», ничего не понял,

возмутился, ушел до конца спектакля, — а через два дня в «Правдѣ» появилась статья «Сумбур, вмѣсто музыки». Статья эта была сигналом к походу против всякой новизны, против «трюкачества», против формализма, против всякой сложности, не сразу доступной, а в литературѣ преимущественно — против Пастернака. Поход принялъ необычайно широкіе размѣры и вызвал, повидимому, огромное волненіе в интеллигенціи, болѣе или менѣе причастной к искусству и литературѣ. Культ простоты был установлен «по большевистски», в порядкѣ правительственнаго предписанія.

В постулкѣ Сталина была безспорно доля самодурства. Как не понравилась ему музыка Шостаковича, так могли его возмутить и новый Моцарт или новый Вагнер, и «Правда» с одинаковой угодливостью объявила бы их музыку тоже сумбуром! Но вопрос, конечно, — не в личной оцѣнкѣ и не в поведеніи Сталина.

Вопрос гораздо глубже. Сталин, как давно уже было подмѣчено, всегда стремится, сонательно или безотчетно, наладить связь с вѣяніями времени, всегда маневрирует и ищет опоры в идущих снизу стремленіях, — и в данном случаѣ его раздраженіе оказалось в соотвѣтствіи с какой-то именно такой, поднимающейся из глубины волной. Оттого то споры о формализмѣ и вызвали столько интереса и столько ожесточенія.

Шостакович может быть превосходный музыкантъ, — как и Пастернакъ, навѣрное, подлинный и очень даровитый поэт. Невозможно, однако, не видѣть того, что оба они, как и вообще художники их склада, выросли и воспитались в духовной атмосферѣ, не имѣющей ничего общаго с той, которая должна была создаться в Россіи. Революція вѣдь была совершена не только для политических переменъ, но и для измѣненія во взглядах на жизнь, в самом ощущеніи ея! Шостакович и Пастернакъ несут с собой современное, западное (или продолжают довоенное, русское) обостреніе художественнаго воспріятія, индивидуалистическаго и очень узкаго. Они лишь в этой атмосферѣ способны дышать. Но если милліоны и милліоны людей, еще недавно не умѣвших ни читать, ни писать, теперь оказались «вовлечены в культурную жизнь», — то для того ли, чтобы им, этим людям, сразу, без всяких идейных и моральных предпосылок, пройденных европейским индивидуализмом, такое творчество могло быть дорого и понятно? Конечно, нѣтъ! Андрэ Жид, многое на эту тему писавшій и пришедшій в отчаяніе от низкаго уровня художественных требованій в Россіи, не

пожелал все-таки вдуматься в суть вещей и признать не только неизбежность, но и законность такого снижения. Культура? Да, культура с Шостаковичем — но в ином смыслѣ, в иной плоскости культура и против Шостаковича! Если понятіе культуры ограничить эстетически и эгоистически — она с ним всецѣло. Но если этому слову придать значеніе болѣе широкое и глубокое, — в правѣ ли мы исключить из культуры понятіе справедливости? Не одушевлена ли культура и нравственно? И не властно ли требует она от нас, чтобы мы поступились нашими уединенными, утонченными наслажденіями ради того, чтобы какое либо наслажденіе могли получить и тѣ, которые до сих пор его были лишены? Лев Толстой был человѣком, знавшим толкъ в культурѣ, однако, «Что такое искусство» он написал не случайно и не напрасно, как бы ни были произвольны и фантастичны нѣкоторые его приговоры и оцѣнки. Конечно, Жид прав в своем отношеніи къ тому, что в Россіи преподносится под видом «простоты». Из громкоговорителей в Сокольниках несутся слащавыя аріи «Тоски» или цыганскіе романсы, на выставках на смѣну доморощенным поддѣлкам под Матисса и Пикассо появились реалистическія картинки, озаглавленныя «Утомленная рабочим днем колхозница» или «В гостях у т. Калинина», в журналах — рассказы того же рода и качества. Конечно, это искаженіе «общенародности», эта подмѣна передового западнаго искусства обывательщиной, эта неспособность дотянуться даже до блѣднаго отраженія какого-нибудь величія — прискорбны и жалки. Вкус в Россіи испорчен, кажется, на долгія десятилѣтія. Сталин возмущился Шостаковичем для вящаго торжества Массне и Пуччини. Но за всѣм этим, как, — повторю еще раз, — за многими, связанными с революціей явленіями, кроется не только каприз или тупость, а и порыв, достойный нашего вниманія и общаго сочувствія.

Однако, завладѣли этим порывом, прибрали его къ рукам именно каприз и тупость, а вдобавок — и трусость, и малодушіе. Страна в цѣлом имѣет право ждать возникновенія искусства, которое отвѣчало бы ея способности пониманія, ея состоянію, ея возрасту, ея неосознанным духовным тяготѣніям. Но это отнюдь не значит, что любой слушатель любых курсов имѣет право публично и безапелляціонно указывать Бабелю на неясность его идеологіи и шероховатость его стиля, а делегация союза деревообдѣлочников имѣет право критиковать стихи Ильи Сельвинскаго с точки зрѣнія

формы и настаивать, чтобы он писал «просто, как классики»... Если бы такія выступленія были единичны, если бы они разматривались как курьез, — большой бѣды не было бы! Но малодушіе в том то и сказывается, что всякій древообдѣлочник «а пріори» признается всякой редакціей судьей болѣе компетентным, чѣм самый взыскательный критик, и писателям усиленно рекомендуется «учесть» указанія товарища такого - то. Товарищ такой - то смѣлѣет, проникается к себѣ уваженіем — и, глядь, пишет уже не короткое письмо в редакцію, а длинную статью с разносом другой книги, и в статьѣ этой столько вздора, столько самовлюбленной «классовой» увѣренности, что ему, раз он от сохи или от станка, все должно быть ясно и понятно, столько самого настоящего наивнаго мракобѣсія, что руки опускаются. А Бабель с Сельвинским должны быть иногда близки к умопомѣнательству или к самоубійству. Они, вѣроятно, смутно чувствуют, чего от них требуют эпоха и народ, но понимают и то, что никак эти требованія не могут совпасть с общедоступностью дурной и условной, потакающей читательской лѣни и сводящейся к отказу от всякаго творческаго напряженія и усилія. А между тѣм вся литературная политика власти сейчас клонится к утвержденію тождества между тѣм и другим, и даже сам Пушкин служит иногда ея цѣлям, в качествѣ мнимаго союзника и духовной опоры Лебедева - Кумача и других «любимых массами» виршеплетов.

Так живут и работают сейчас в СССР писатели... Очерк этот не претендует на полноту. Для полноты и ясности нанорамы мало было бы и сотни страниц! Касаясь преимущественно вопросов о положеніи совѣтской литературы в послѣднее время, я — как уже было сказано — принужден был обойти многія явленія, которыя увели бы нас в прошлое. Да вопрос о «положеніи» — вопрос внѣшній по существу и отличен от вопроса о темах. Стоило бы когда-нибудь подробно побесѣдовать и о том, что осталось от тем, при том не только ранне-революціонных бунтарских, с налетом «мірового пожара», то есть таких, которыя не померкнуть и не исчезнуть не могли, но и от обыкновенных, средне-человѣческих. Сошлюсь хотя бы на статью в юбилейном октябрьском номерѣ «Литературнаго Современника», гдѣ указывалось, что писатели страны побѣдоноснаго социализма должны брать в качествѣ персонажей «лучших, полноцѣнных передовых людей эпохи».

«Многіе романисты и критики еще ломают голову над тѣм,

как сочетать изображение исторических событий с раскрытием отдельных человеческих судеб. Иным эта проблема кажется неразрешимой. Между тем, речь Сталина и действие ее на слушателей основано именно на сочетании, на встрече истории и отдельной человеческой судьбы. Это показывает, что литература социалистического реализма разрешает все проблемы, которые были неразрешимы для буржуазных романистов».

Если вдуматься в эту короткую цитату, она окажется много замечательнее и ужаснее, чем на первый взгляд! В той же статье высмеивается Леонов, писавший когда-то в «Сочи» о героях этого романа, Увадеев: «в усиленной перегрузке себя работой думал он найти исцеление, а какая-то неутоленная частица его существа все жаловалась и скулила, как увертливая шелудивая собачонка».

Комментарий: — «Сейчас настало время великой перемены в жизни человечества. На одной шестой части земного шара создана счастливая прекрасная жизнь... В нашей стране идет великий процесс изживания раздробленности души, в нашей стране тысячами создаются характеры цельные, и резко определенные. Однако, некоторые наши писатели все еще считают, что для украшения героя, для придания ему наибольшего благородства и значительности, необходимо прикрепить к нему тоску и раздвоенность».

И так далее, и так далее. Культурное наследство усвоено — а, главное, понятие — безусловно. Например, «Гамлет» или «Фауст».

Какие наиболее заметны — или наиболее показательны — вещи появились в советской литературе за последний год?

В плоскости «показательности» надо выделить два повести двух бесспорно выдающихся писателей: «Хлеб» Ал. Толстого и «Я, сын трудового народа» Вал. Катаева, — хотя показательны они по разному.

«Хлеб» имеет в России огромный официальный успех. Это почти идеальный образец официальной словесности, «в применении к текущему моменту». Нельзя себя представить произведения, к которому термин «заказ» мог бы быть отнесен в более точном и постыдном смысле слова. Сталин — герой повести, Сталин проявляет под Царицыном чудеса стратегической гениальности и большевистского мужества, изумленный Ленин восторженно аплодирует своему будущему преемнику, а бандит и предатель Троцкий только и думает, как бы лучше выслужиться перед германским ге-

неральным штабом. К счастью для революции, он настолько туп, что из его происков ничего не выходит.

«Я, сын трудового народа» Катаева — характерно с другой точки зрѣнія. Никакого раболѣпія в этой повѣсти нѣт. Попадаются рѣдкія прекрасныя страницы, в особенности в началѣ. Но автор, повидимому, изо всѣх сил хотѣл дать вещь модно - простую, модно - народную, модно - патріотическую — и выяснилось, что это далеко не так легко, как ему казалось. От простоты до лубка ближе, чѣм от великаго до смѣшного, а повѣсть Катаева именно лубок, нѣчто вродѣ лукутинской коробки с ухарями - солдатами и разурмявившимися дѣвѣцами. Ни жизни, ни чувства, ничего, что придавало прелесть недавнему катаевскому созданію «Бѣлѣт парус одинокій...»

«На Востокѣ» Павленко — роман, вышедшій года два тому назад, но остро - «актуальный» до сих пор, как самый яркій образец так называемой «оборонной тематики» в литературѣ: рѣчь идет о войнѣ СССР с Японіей в 194...? году. Книга безспорно талантливая, но наводящая на сомнѣнія — есть ли большая разница между тѣм націонализмом, который революція хотѣла уничтожить, и тѣм, который теперь, через двадцать лѣт насаждается снова? Должен ли он остаться таким же, даже перед лицом внѣшней опасности? Воинственный дурман, шапкозакидательство, пренебреженіе к врагу. Один раз, в видѣ исключенія, добровольцы - критики из читателей оказались на наш взгляд правы: среди славословія роману Павленко в «Литературной Газетѣ» было помѣщено письмо группы каких-то «краскомов» с указаніем, что оборонная словесность не должна быть обязательно выдержанной в нео-кузьмо-крючковском стилѣ, и что японцы едва ли дадут совѣтским эскадрильям стереть Токио с лица земли так безпрепятственно, как это изображено у Павленко.

Пьеса Л. Леонова «Половчанскіе сады»: вещь, как все и всегда у Леонова, тяжеловѣсно - задумчивая, внутренне - серьезная, нескладная, и одушевленная стремленіем сочетать несочетаемое: Ибсена и совѣтскую дѣйствительность, вопрос о человѣческом одиночествѣ и обязательный социалистическій оптимизм.

Наконец, Юрій Герман, пожалуй, самый даровитый из всѣх живущих в Россіи писателей революціоннаго поколѣнія. Его «Наши знакомые», прекрасно начатые и кое - как по казенному законченные, широко извѣстны. Этой осенью в «Литературном Сове-

менникъ» появилось начало его новой повѣсти «Алексѣй Жмакин». Продолженіе было обѣщано на слѣдующую книжку журнала, но вышло уже послѣ того пять или шесть его номеров, а продолженія все нѣтъ и нѣтъ. Повидимому повѣсть «прекращена», как неподходящая, слишком вольная, и неосторожному редактору указана необходимость этого свыше. Исключительно досадно, если это дѣйствительно так! Судя по первым главам, «Алексѣй Жмакин» произведеніе замѣчательное, проникнутое рѣдчайшим интуитивным пониманіем всего живого, безошибочным природным чутьем. Именно то, что иногда такіа вещи все-таки попадаютъ в совѣтских журналах, и вызываетъ увѣренность, что литература вывернется, устоит, справится, и что в отчаяніе приходитъ нечего. Из тѣх двух сил, о которыхъ рѣчь была в началѣ статьи, будущее все-таки навѣрное за той, которая литературу спасет.

Остальные — имѣю в виду, разумѣется, лишь настоящих писателей, имена которых не за чѣм перечислять, — пишут мало, отдѣлываются мелочами, документальными очерками или переводами, больше молчат. Едва-ли однако, «бо благоденствуют», как сказал когда-то Кирилл Разумовскій.

Георгій Адамович

Год войны на Дальнем Востокѣ

В результатѣ года военных дѣйствій в Китаѣ, для Японіи создано положеніе, полное противорѣчій.

С одной стороны, несомнѣнны значительные военные успѣхи Японіи: ею захвачены главныя артеріи Китая, оккупированы наиболѣе крупные центры, взяты Пекин и Тяньцзинь, Шанхай и Нанкин, занят Амой и, весьма возможно, будет занят Ханькоу. Вся береговая полоса Китая охвачена блокадой. В корнѣ разрушена хозяйственная жизнь огромных областей, и десятки миллионов населенія превращены в бѣженцев.

С другой стороны, к началу второго года войны, все еще нельзя предвидить, когда и как она может быть закончена. О близкой побѣдѣ не рѣшаются говорить даже в самой Японіи, а то обстоятельство, что в разгарѣ успѣхов пришлось смѣнить нѣсколько раз командующих арміями и флотом, пришлось замѣнить и военного министра, и министра иностр. дѣл, и министра финансов, — вряд

ли способно создать впечатлѣніе о благоприятном для Японіи ходѣ событій. Самый масштаб развернувшихся операций, потребовавших мобилизаціи миллионной арміи и чрезвычайнаго экономического напряженія страны, явился фактором столь же неожиданным для Японіи, как и чреватым самыми серьезными послѣдствіями.

В планы Японіи никак не могло входить — затрачивать годами накапливаемые военные запасы и энергію на борьбу с Китаем, сопротивление котораго до сих пор разсматривалось, как чрезвычайно ничтожный фактор. Между тѣм, что происходит в дѣйствительности? Достаточно взглянуть на цифры военных издержек, уже поглощенных китайским конфликтом. В началѣ «инцидента» было ассигновано всего 10 миллионов іен, затрата которых предполагалась достаточной для ликвидаціи конфликта. Очень скоро, однако, пришлось ассигновывать все большія и большія суммы, которыя мѣсяц тому назад, по заявленію ушедшаго в отставку министра финансов Кайя, достигли 7,5 миллиардов іен. Чтобы судить о размѣрах этой суммы, достаточно вспомнить, что вся русско - японская война 1904 - 1905 г. обошлась Японіи в 1,7 млрд. іен. В надѣлавшем много шума, весьма обстоятельном изслѣдованіи, опубликованном в 1936 г., Танин и Юган *) приходят путем тщательнаго подсчета к заключенію, что в случаѣ «большой войны», т. е. войны с Россіей, Японіи придется затратить в первый год 13,5 млрд. іен, и во второй год — 10,5 млрд. При этом Японіи нельзя будет обойтись без вышних займов, и экономическое напряженіе, которое потребуетя от нея, будет предѣльным, не допускающим веденія войны больше двух лѣт. Совѣтскія симпатіи авторов позволяют предположить, что ими скорѣе преувеличена, чѣм преуменьшена цифра потребных для Японіи расходов в случаѣ «большой войны». Японскій военный профессор Такеси в статьѣ, опубликованной в 1934 г., — «Сколько необходимо денег для того, чтобы побѣдить в будущей войнѣ», — исчисляет издержки одного года войны в 6,9 млрд. іен, очевидно впадая в противоположную погрѣшность. Во всяком случаѣ, уже эти цифры показывают, какой масштаб для Японіи приняла нынѣшняя китайская «экспедиція». Но еще болѣе ясным это станет, если сравним затраченные 7,5 млрд. іен с общей цифрой годового на-

*) «If Japar goes to war», by Tanin and Johan, New-York.

ціонального дохода Японіи. Валовой доход всѣх отраслей народнаго хозяйства в Японіи опредѣляется в размѣрѣ от 8,9 до 9,5 млрд. іен (последняя весьма оптимистически исчисленная цифра принадлежит японскому экономисту Оносичи). Это значит, что в истекшій год войны расходы составили 80 - 85% всего народнаго дохода Японіи! По исчисленію С. Н. Прокоповича, военные расходы послѣдняго, до революціи, года войны составляли 60% народнаго дохода Россіи, и такая нагрузка привела к глубочайшей народно - хозяйственной катастрофѣ. В дѣйствительности, конечно, 60% не было из'ято из народнаго дохода, ибо такую нагрузку реализовать совершенно невозможно, и дополнительным источником питанія войны была финансовая поддержка союзников. Еще менѣе возможно извлечь для цѣлей войны 80 - 85% народнаго дохода Японіи. Даже при чрезвычайно низком, полу - колоніальном уровнѣ жизни населенія, та часть народнаго дохода, которая идет на личное потребленіе, составляет не меньше 4,5 млрд. іен, что соответствует душевому потребленію в год едва в 60 іен (480 нынѣшних франков). Кроме того, значительная часть народнаго дохода уже взята существующими налогами, составляющими 3,3 млрд. іен (1,6 млрд. обще - государственных и 1,7 млрд. мѣстных налогов). И только остаток, т. е. около 1,3 млрд., идет в фонд накопленія національнаго имущества и является болѣе или менѣе свободным для употребленія на нужды войны.

Допустим, однако, что удалось даже из потребительскаго фонда извлечь 1,5 млрд., понизив и без того нищенскій уровень жизни населенія на одну треть. Допустим далѣе, что путем сокращенія бюджета на не-военныя нужды (из 3,3 млрд. налогов свыше миллиарда составляют обычные расходы на армію и флот, а значительная часть остатка идет на содержаніе аппарата управленія, полиціи, ж.-дорог и пр.) удалось извлечь еще около 1 млрд. іен. Это значит, что цѣною крайняго напряженія, из всего народнаго дохода оказалось бы возможным извлечь $1,5 + 1 + 1,3 = 3,8$ млрд. іен. На самом же дѣлѣ, как мы видѣли, израсходовано на веденіе войны 7,5 млрд. Откуда же взяты недостающіе 3,7 миллиардов? Отвѣт может быть только один: за счет накопленных запасов и за счет проѣданія основнаго капитала страны.

Упомянутые выше Танин и Юган исчисляют стоимость всѣх запасов Японіи, накопившихся в послѣдніе годы на случай «большой войны», в — 6.9 млрд. іен. Сюда входят запасы нефти, хлоп-

жа, желѣзной руды, запасы государственнаго рисоваго фонда, запасы сельско - хозяйственной продукціи и большая часть частных промышленных запасов и товаров. Сюда же входит весь золотой запас японскаго банка и валютные фонды заграницей. И, наконец, — весь наличный запас оружія, огнеприпасов и военнаго имущества, заготовленных в до-военный період. Весь этот запасный фонд стоимостью в 6,9 млрд., с добавлением к ним 1,2 млрд., которые (с риском дальнѣйшаго разстройства экономической жизни страны) можно извлечь за счет основнаго хозяйственнаго капитала, Японіи придется, по исчислениям упомянутых авторов, израсходовать в первый же год «большой войны».

Что же получилось теперь, в результатѣ года войны в Китаѣ? Из этого фонда — стратегических запасов и мобилизованной части основнаго капитала — пришлось уже израсходовать *почти половину*. Значеніе этого обстоятельства трудно переоцѣнить. Если бы Японіи теперь пришлось вступить в войну с сов. Россіей, она вступила бы в нее с уменьшенным *на половину* запасом военных матеріалов и фондов, а слѣдовательно, при отсутствіи кредитов извнѣ, ей не хватило бы собственных ресурсов на веденіе перваго же года войны. Но война в Китаѣ еще не закончена, она принимает все болѣе и болѣе интенсивный характер. А это значит только то, что по мѣрѣ продолженія войны в Китаѣ, Японія окажется на ближайшіе годы все менѣе и менѣе способной представить собою серьезную угрозу для Россіи. Недаром Германія, прекрасно учитывающая это обстоятельство, столь отрицательно отнеслась с самаго начала к «китайской авантюрѣ» своей союзницы.

Конечно, только очень низкая оцѣнка нынѣшняго боеваго потенциала сов. Россіи, в результатѣ «вредительства», позволяет Японіи идти на столь серьезный риск, как сжиганіе своих основных ресурсов в конфликтѣ с Китаем. Однако, и этот риск имѣет свои предѣлы. Еще два года тому назад ген. Араки заявил в японском экономическом журналѣ: «Если война начнется, ее нужно вести как можно быстрѣе. Фронт может быть расширен до любых предѣлов, за год можно потратить на военные расходы сколько угодно, зато срок войны должен быть сокращен. Необходимо, чтобы пока не умолкли клики «банзай», провожающіе воинов на фронт, уже послышались клики «банзай», привѣтствующіе вернувшихся побѣдителей».

В результатѣ года военных побѣд, пока все еще продолжают-

ся проводы все новых и новых частей, отправляющихся на фронт. О скором возвращеніи побѣдителей, даже в случаѣ крушенія военнаго сопротивленія Китая и заключенія навязаннаго ему мира, еще не может быть и рѣчи. Всякое ослабленіе военной оккупации Китая рискует поставить перед Японіей вопрос о необходимости начать всѣ операціи сызнова...

Таковы краткіе итоги перваго года китайско - японской войны, такова обратная сторона японских военных успѣхов в Китаѣ.

Л. О.

ВАЖНѢЙШІЯ СОБЫТІЯ

І Ю Н Ъ

1. Воздушный бой у Ханькоу и первые протесты против налетов на открытые города.

2. Чемберлен предлагает план посредничества между борющимися партиями в Испаніи, а также между Берлином и Прагой.

— Чиано в Миланѣ подтверждает солидарность Италіи с Германіей и сотрудничество с Японіей.

3. Корделль Холл заявляет о необходимости выступления С. Ш. «вмѣстѣ с другими» для ограниченія вооруженій и гуманизации войны.

— Представители СССР не приѣхали на сессію международнаго бюро труда в Женевѣ.

4. Лорд Перт освѣдомляет Чиано о британском планѣ посредничества.

— Помощник К. Холла Уэлс печатает протест против «варварства» воздушных налетов.

— Новые налеты на Кантон. Британскій посол в Токио протестует.

— По утвержденію «Таймса», Сун-Фо подписал в Москвѣ договор с Китаем.

— Соціалистическій конгресс в

Руанѣ подтверждает исключеніе из партіи сенской федераціи (Пивера).

5. Неизвѣстные аэропланы сбросили бомбы на французской территоріи у Акс де Терм.

— Конгресс словацких автономистов, под предсѣдательством Глинки, в Братиславѣ выставляет требование государственной автономіи с соответственной территоріей, войском, сеймом и отвѣтственным правительством.

— Польскій офиціоз «Экспресс Поранни» развивает план созданія нейтральной «Третьей Европы» от Балтійскаго до Эгейскаго моря. За ея предѣлами — Азія.

— Налет на Кантон, 1.000 жертв.

6. Налет на Кантон, 1.500 жертв. Налеты на Мадрид, Аликанте, Валенсію.

— Новое объединеніе правых русских, украинских и грузинских эмигрантов в Германіи по приказу властей под руководством собственнаго «фюрера».

— В Братиславѣ Годжа перед с'ѣздом словацкой аграрной партіи отрицает право автономистов Глинки говорить от имени націи и заявляет Европѣ: «мы — хозяева в этом

государствѣ, мы за него отвѣтственны».

— Полет «неизвѣстных» аэропланов над французской территоріей.

— Японцы занимают Кайфенг. Ханькоу эвакуирует женщин, дѣтей, бѣженцев и служащих.

7. Налеты на Барселону, Аликанте, Валенсію. В Кантонѣ за 8 дней 13 налетов; убито 8.500, ранено 6.500. Французскій протест в Токио.

— Помощник Холла Сейр заявляет о необходимости отказаться от политики изоляціи, установить международную справедливость и сотрудничество, усилить значеніе международного права.

— Ллойд - Джордж рѣзко осуждает «трусость» Чемберлена.

— На социалистическом конгрессѣ Леон Блюм защищает правительство Даладье, говорит о трудности невмѣшательства, о возможности войны и о своей готовности в этом случаѣ к національному обединенію.

8. Шесть новых налетов на Кантон; налеты на Барселону, Аликанте, Фигерас. Полет над французской территоріей.

— Резолюція Блюма принята 4.872 голосами против резолюцій Жиромскаго (1.736) и пивертиста Эрара (1430). Крайніе лѣвые разбросали летучки о выходах из партіи и заявили о предстоящем 16-17 іюля конгрессѣ новой «рабоче-крестьянской» партіи.

— Китай закрывает посольство в Токио.

— Чехословацкій министр Дерер заявляет в печати, что в статутѣ національностей культурная автономія не будет связана с територіальной. Судетскій представитель Кундт отказывается исходить из правительственнаго проекта статута національностей и возстанавливает

в меморандумѣ, поданном Годжѣ, карлсбадскія требованія Генлейна.

— Чехословацкое правительство вносит в палату проект о трехлѣтней военной службѣ.

— Германское правительство отклоняет пожеланія польскаго меньшинства в Германіи. Офиціозное польское агентство «Искра» заявляет, что это может отразиться на добрососѣдских отношеніях.

9. Китайское правительство переведено из Ханькоу. Взорваны плотины на Желтой рѣкѣ, чтобы задержать японское наступленіе.

— Англія заказывает в Америкѣ 400 аэропланов.

— Судетскіе делегаты приняты Годжей.

10. 32-й налет на Аликанте с 25 мая. Итог: 500 убитых, 2.000 раненых, 800 домов разрушено, потоплены 3 англійских судна.

— В британском кабинетѣ разногласія; Чемберлен боится риска рѣшительных дѣйствій и — к негодованію публики — «удит рыбу».

— Даладье в финансовой комиссіи палаты подчеркивает крайнюю напряженность виѣшняго положенія («три сантиметра от войны») и отказывает в восьми миллиардах новых расходов на пенсіи и оклады служащих в виду опасности новой инфляціи.

— Осусскій спѣшно выѣзжает в Прагу для сообщеній Бенешу и Годжѣ.

— Чехословацкое правительство, не отказываясь от своего статута меньшинств, соглашается «положить в основу» переговоров судетскій меморандум 8-го іюня.

— Японцы стягивают войска к Ханькоу и перевозят войска на Формозу — базу для дѣйствій против Кантона.

11. В Ригѣ открылась конферен-

ція министров иностр. дѣл Латвіи, Литвы и Эстоніи.

— В Китаѣ вводится обязательная воинская повинность.

12. Третья серия муниципальных выборов в Чехословакии прошла спокойно. В общинах с нѣмецким большинством генлейнцы, с присоединившимися к ним коммунистами и в ущерб германским с. д. получили 65 - 85% голосов против 15 — 35% чехов и германских с. д. Словаки Глинки — только 30%. Побѣдили чешскія партіи — Бенеша и аграрная.

— Лондонская конференція государств — гарантов австрійских займов протестует против германскаго отказа платить по этим займам.

14. Чемберлен в палатѣ отказывается охранять англійскіе пароходы в испанских водах, не желая вовлечь Англию в вооруженный конфликт. С 11 апрѣля 22 англійских парохода подверглись нападенію; из них 11 затонули.

— Взрыв плотин на Желтой рѣкѣ остановил японское наступленіе, потопил много военных матеріалов и японских солдат, но также и большее число китайских крестьян.

— В совѣщаніи судетских нѣмцев с Годжей обѣ стороны подтвердили свои исходныя точки. Министр нац. обороны в приказѣ по арміи заявил: «Наше желаніе — мир; наш долг — умѣть обращаться с оружіем».

15. Националисты взяли Кастельон и четырежды бомбардировали Валенсію, потопив в порту два французских парохода и повредив один англійскій.

— Даладье в исп. ком. партіи опроверг слухи о мобилизації, но подтвердили серьезность положенія, осудил безчеловѣчныя бомбардировки и призвал к увеличенію производительности труда.

— Приказ Геринга о регистраціи имущества не-арійцев для использования его правительством.

16. Четыре налета на Валенсію. Повреждены два англійских парохода.

— Восьмидесятилѣтіе шведскаго короля Густава.

— Новый поход против евреев в Берлинѣ. Арестовано болѣе 1.000 чел.

— Свиданіе Стоядиновича с гр. Чіано в Венеціи.

— Наводненіе в Китаѣ затопило 900 кв. миль, до 2.000 деревень и не менѣе ста тыс. китайцев.

— Коммунисты вызывают по испанскому вопросу бурные инциденты во французской палатѣ.

18. Официально опубликовано заявленіе ген. Угаки, что Японія в случаѣ надобности, может занять остров Хайнан, не связывая себя японско - французским договором 1907 г.

— Чехословацкое правительство официально сообщило о подготовкѣ статута меньшинств, об участіи соотв. четырех министров в переговорах и о предстоящих совѣщаніях с представителями польскаго и венгерскаго меньшинств.

— Морской департамент Соед. Штатов постановил произвести этим же лѣтом маневры флота в Атлантическом океанѣ.

19. — Гр. Чіано предлагает лорду Перту ускорить введеніе в силу англо - итальянскаго договора, не дожидаясь увода итальянских добровольцев, — ограничившись их (условным) отводом в тыл.

— Разлив Желтой рѣки ежедневно затопляет до 4.000 деревень, но остановил японское наступленіе на Ханькоу, заставив японцев измѣнить план.

— Чемберлен настаивает на пол-

ной эвакуации итальянских добровольцев из Испании, как условия введения в силу англо-итальянского договора.

— Новые налеты на Барселону и Валенсию. Поврежден американский пароход. Англичане уже потеряли с начала войны три парохода; 10 были серьезно повреждены, 43 — легко. 13 англичан убито во время 21 налета.

— Погромы и грабежи еврейских магазинов в Берлине продолжают. Партии маляров — ударников маляют знаки и надписи на них. Евреям запрещен вход на биржи. Выезд возможен лишь с потерей 90% состояния.

— Стоядинович общал Чино по-прежнему недостающий Италии хлеб в обмен на два военных судна.

20. В лондонской комиссии невмешательства достигнуто соглашение об отзывании добровольцев и о морском контроле.

— Чемберлен защищал в палате свою политику против резких выступлений оппозиции и получил большинство.

23. Скончалась графиня Стратмор, мать королевы английской. Визит королевской четы в Париж отложен до 19 июля.

— В чрезвычайном заседании токийского кабинета выработан план контроля над производством страны, над ценами и валютой; преимущественно будут удовлетворяться нужды армии и экспорта. Япония отказывается объявить войну Китаю, «чтобы не нарушить договора Келлога». Янтце вышла из берегов и остановила японское наступление в районе Тай-Ху.

— На первом совещании с чешскими министрами генлейнцы предъявили свои требования.

— Геринг ввел декретом всеобщую обязательную трудовую повинность.

— В бурном заседании палаты оппозиция резко критиковала осторожное отношение Чемберлена к бомбардировкам английских судов. Резолюция оппозиции отвергнута, но вместо 240 голосов, правительственное большинство понизилось до 140.

24. Японское командование отменило права экстерриториальности в оккупированных частях Китая.

— Германия и Италия признали нейтралитет Швейцарии в ответ на ее отказ участвовать в санкциях согласно пакту Лиги Наций.

— Парламентские представители партии правительственной коалиции в Чехословакии приглашены участвовать в обсуждении статута о национальностях.

— Террор в Палестине усилился.

25. Испанские послы в Лондоне и Париже заявили, что, в случае продолжения нападений на открытые города и пароходы, испанское правительство ответит репрессалиями и против иностранной авиации. Их предупредили, что это вызовет войну с Италией и Германией.

— Новый налет на Аликанте: 15 убитых, 40 раненых, 50 домов разрушено.

— Речь Литвинова в Ленинграде: в запутанном положении виновата уступчивость западных держав. Германия не скрывает видов на Украину. Чехословакия сама найдет предельно необходимым уступкам. Лондонский комитет невмешательства действует в пользу Франко. СССР слагает ответственность за последствия в испанском вопросе.

27. Новые воздушные налеты в Испании: в Аликанте потоплен британский пароход «Фарнхэм», убито

3 английских матроса; в гавани Валенсии зажег пожар на британском пароходе «Арлон».

29. Английский посол посетил итальянского министра иностр. дѣл, указал на тяжкое впечатлѣніе, которое производят налеты на города и английскія суда и просил повліять на ген. Франко.

— Английское разслѣдованіе установило, что ни на одном из 10 по-

топленных английских пароходов контрабанды не было.

— Британское и французское правительства заявили Японіи, что оккупация о. Хайнана может вызвать серьезныя осложненія.

— Китайцы потопили на Янце 5 японских канонерок.

— В Клайпедѣ (Мемель) произошли беспорядки: 1 убитый, 11 раненых.

БИБЛІОГРАФІЯ

Michael Roberts. «The Modern Mind». (Faber and Faber, London).

Майкель Робертс — один из лучших английских критиков младшего поколения, тот, быть может, к голосу которого всего охотнее прислушиваются писатели и особенно поэты этого поколения, тот, кто наиболее способен связать скрытые импульсы их творчества с основными течениями в области философии, науки, общественной жизни. По образованию он — естествовед, но в поэзии это ему нисколько не мешает разбираться, так как он совершенно лишен тех предрассудков, что еще недавно воздвигали такую стену между литературой и искусством, с одной стороны, и естествознанием, с другой, и благодаря которым в XIX веке не было, кажется, ни одного выдающегося критика, чья образовательная база была бы естественно-научной. Его особая компетенция оказалась ему особенно полезной в тех вопросах, которые наиболее остро ставятся сейчас именно в английской литературе и касаются взаимоотношений научной мысли и художественного творчества.

Вопросам этим как раз и посвящена его превосходная и своеобразно задуманная книга, подвергающая критическому рассмотрению все развитие английской мысли от Дэнса Скотта и Оккама до современных биологических доктрин и попыток возрождения религиозной философии. В основе этого рассмотрения лежит один с большой мощью констатируемый автором факт: резкий и все разрастающийся, по мере приближения к XIX веку, разлад между областью рационально-научного мышления и областью религии, искусства, интуитивной мысли, воображения. По мнению Робертса, разлад этот объясняется недостаточно ясным разграничением этих областей в отношении языка, которым пользуются их представители. Разграничение это намечалось в поздне-средневековом номинализме, характеристика которого получилась у Робертса весьма оригинальной и интересной; но затем было забыто, благодаря неоправданному реализму научной мысли, сменившей относительное с абсолютным и свои методы и схемы с усмотрением объективной реальности вещей. Даже богословие, споря с наукой, стало пользоваться теми же философски необоснованными приемами, какие были в ходу в науке.

Трудно сказать, в какой мере применяемый Робертсом метод действительно разрешает поставленную им проблему. Но поставлена она с большим искусством, с острым чувством всего того, что наиболее

лѣе способно нынѣ волновать молодые англійскіе умы. Книгу Робертса слѣдует прочесть всякому, кто интересуется духовной жизнью современной Англии.

В. В.

E.-L. Guernier. Le Destin des Continents. — Trois continents. — Trois civilisations. — Trois destins. — Félix Alcan, 1936.

Автор — экономист и геополитик, сторонник общности **еврафриканских** интересов: его *continent africain* — подобіе «евразійскаго мѣсторазвитія». За книгу «Африка — экспансія Европы» Гернье былъ увѣнчанъ французскою академіею Монтионовскою преміею.

«Судьба континентовъ» невольно приводит на память Шпенглера и его «типологическое» описаніе различныхъ культурныхъ цикловъ. Сам Гернье, впрочемъ, предпочитаетъ ссылаться и цитировать не Шпенглера, а Кайзерлинга. Французскій авторъ уступаетъ своему нѣмецкому предтечѣ не в одномъ лишь литературномъ блескѣ; онъ и по существу еще менѣе Шпенглера убѣдительно: тѣмъ менѣе, чѣмъ каждый изъ «континентовъ» Гернье больше по объему каждаго изъ культурныхъ цикловъ Шпенглера. Если Шпенглеръ вынужденъ болѣе чѣмъ суммарно и произвольно характеризовать свои «культуры», то Гернье, для характеристики «судебъ» своихъ трехъ, природою очерченныхъ, «континентовъ», еще болѣе искусственно приписываетъ цѣлому то, что условно примѣнимо лишь в отношеніи къ части.

В фактическомъ описаніи суцдаго у Гернье можно найти немало цѣннаго, хотя и не оригинальнаго, а из вторыхъ рукъ взятаго матеріала. Послѣвоенный экономическій хаосъ с устремленіемъ каждой страны къ автаркіи, лишь усиливающей и расширяющей хаосъ до предѣловъ всеобщности, — воспроизводится Гернье убѣдительно. Сомнѣнія и недоумѣнія начинаются тамъ, гдѣ авторъ пробуетъ суммарно характеризовать экономическія системы (капитализмъ довоенный и послѣ войны) и психологическіе типы: «сѣверные кочевники» — германцы, «германо-еврейская» эмиграція, «латино-славянская» и т. д. Тутъ дѣло доходитъ до крупныхъ несурзностей.

Оказывается, «еврейскій складъ ума отлично уживается съ германскою душою», ибо обѣ эти души — динамичны, паразитарны, склонны къ кочевничеству и спекуляціи, боязливы и благоразумны. «Современный кочевникъ германо-еврей, эмигрировавъ и превратившись въ американца, остается проникнутый ативистическою склонностью къ наживѣ, которая такъ хорошо объясняетъ движеніе эмигрантовъ въ Соединенныхъ Штатахъ на Дальній Западъ». — «Двойная претензія, германца и еврея, считать именно себя избраннѣйшимъ народомъ, объясняетъ, в частности, конфликтъ, возникшій между Гитлеромъ и евреями на ограниченной территоріи Германіи, тогда какъ на огромныхъ пространствахъ Соединенныхъ Штатовъ это соперничество еще не успѣло обнаружиться». — Обезкровленной послѣ войны Европѣ предстояло стать объектомъ экспансіи паразитарной «германо-еврейской» Америки, ибо, обнаруживается неожиданно, это —

«американец изобрёл болѣе подвижное использование капитала, болѣе быстрое нежели люди, монеты и вещи, — кредит»...

Восточному, кочевническому, «моисеевскому» и гегелианскому складу ума и характера Гернье противопоставляет характер осѣдлый, устойчивый, статичный, западный. «Психологія» связывается с соответствующей «цивилизацией» и «экономикой» — хищнической, анонимно - акционерной формой капиталистического развития, с развитыми машинизмом и спекулятивным насаждением всяких искусственных фабрикатов (искусственный шелк, синтетическая нефть и каучук и т. д.) и эрзатцев, типичных для «восточной» экономики.

Изобличение послѣ-военного капитализма и анти-капиталистическая тенденція лишь подчеркивает общее идеологическое сходство французского автора не только с итальянскими (Гернье иногда буквально повторяет Муссолини), но и с «восточными» практиками и теоретиками третьего рейха. Послѣ этого естественным и логичным кажутся и отрицание автором либерализма и избыточной свободы, и его борьба с принципами 1789 и 1848 г. г., не говоря уже об «агонизирующем» парламентаризмѣ или Лигѣ Наций, мнившей себя «безсмертным голубем мира». Естественными и привычными кажутся и положительныя утверждения: авторитет, дисциплина, іерархія и замѣщеніе «политического» человека «экономическим», «организованным» — в период отдыха «статутом» семьи, а в часы труда « статутом» профессиональной корпорации.

Попутно Гернье разбирает различные виды «реакціи» на современный кризис и хаос: совѣтско - русскую реакцію или «опыт», фашистско - итальянскій, націонал - социалистически - германскій, рузвельтовски - американскій, португальскій, австрійскій и «планы» де Мана, английской «социалистической Лиги», Виктора Алтера, 9-го іюля и т. д. Русскій читатель здѣсь узнает, как торжество большевизма в Россіи было предустановлено самой природой и экономикой: — «На безкрайних плодородных равнинах немногочисленные крупные собственники дѣлили между собой урожай в то время, как народ безропотно страдал. Не было и никакой промышленности, достойной этого имени, которая позволяла бы жить многочисленному пролетариату. Этим и объясняется, что ни одна страна в мірѣ не была лучше приспособлена для массивнаго примѣненія марксистской тактики»...

Симпатіи Гернье идут опредѣленно в сторону итальянскаго корпоративизма и фашизма, который он даже принципиально противопоставляет націонал - социальному расизму. «Рим вѣрит в величіе государства. Берлин в величіе расы. Послѣ этого понятна неудача переговоров двух диктаторов, Муссолини и Гитлера, в Венеція: как и в былое время, римлянин и варвар остались на своих позиціях». — Послѣ установления итало - германской «оси» и «удачи» переговоров римлянина с варваром в Римѣ в маѣ текущаго года тезис Гернье звучит явным анахронизмом.

Чтобы возстановить нарушенное кризисом равновѣсіе между производством и потреблением, между промышленностью и сельским хозяйством и т. д., Гернье рекомендует не «управлять» и не «направлять» хо-

зайство, а ориентировать его: это уменьшит мѣру вмѣшательства политики в экономику. В то же время он ищет «циклы экономической гармоніи» и находит, как это видно уже из заглавія его работы, три таких гармонических «цикла», совпадающих с тремя географическими континентами и их различными «судьбами». Пан-американскій имѣет своими ведущими гегемонами — Соединенные Штаты и Бразилію, пан-азиатскій — конечно, Японію, а пан-еврафриканскій?.. Этот вопрос Гернье оставляет без отвѣта, хотя отвѣтъ можно легко угадать. Каждому континенту рекомендуется обзавестись своей Лигой Націй, тогда как Лига Континентов будет вѣдать меж-континентальные споры и конфликты.

При всей несуразности многих утверждений Гернье и неприемлемости его положительных выводов, собранный им матеріал — цифры, чертежи, цитаты, характеризующіе «конец режима неорганизованной экономической свободы», — не лишень интереса.

М. Вишняк

Bernard Lavergne. Essor et Décadence du capitalisme. Paris, 1938, 251 p. Edit. Payot. Prix : 25 frs.

Б. Лаверн, профессор университета в Лиллѣ, редактор журналов «Année politique» и «Revue des études coopératives», автор очень цѣнных трудов по теоріи кооперации и по вопросам политической организации государств, свой новый труд посвятил вопросу, имѣющему и злободневный политическій, и научно - экономическій интерес: — судьбам капитализма.

Новый труд проф. Лаверн отличается обычными этому автору достоинствами — огромною эрудиціей, строго научным подходом и очень осторожным отношеніем к скоропалительным модным обобщеніям. Книга распадается на пять глав: 1) капитализм до XX вѣка, 2) капитализм в XX вѣкѣ, 3) движеніе против капитализма, 4) опыт кооперативнаго разрѣшенія вопроса, 5) общее заключеніе.

Как показывает уже это оглавленіе, автор прослѣживает новѣйшую эволюцію капитализма, его расцвѣт и постепенный упадок, его вытѣсненіе государственным социализмом и приходит к выводу, что спасеніе лежит в кооперативной организации всей хозяйственной жизни. Характеризуя нынѣшній капитализм на ущербѣ, указывая на его бессиліе разрѣшить острия и неотложныя задачи времени, проф. Лаверн, однако, очень осторожно и вдумчиво подходит к модным рецептам против капитализма.

Автор подчеркивает, что опыт планового хозяйства и государственнаго социализма создал хозяйственныя формы, которыя оказались с точки зрѣнія производительности труда и с точки зрѣнія политической свободы шагом назад по сравненію с современным капитализмом. Сам автор видит разрѣшеніе вопроса в том, чтобы формы новаго хозяйства дали простор свободѣ, инициативѣ человѣческой личности и сопряженной с этим высокой производительности хозяйства, и, вмѣстѣ с этим,

большей социальной справедливости. Такой формой автор считает организацию всего хозяйства на началах «корпоративной» кооперации, на ряду с потребительской кооперацией. Проф. Лаверн рассматривает, с одной стороны, опыты, продланные с государственным и плановым хозяйством, а с другой стороны опыты кооперативных хозяйственных корпораций, или трестов, построенных на кооперативных началах (в Бельгии, в Англии) и приходит к выводу, что только последние гарантируют человечеству болѣе справедливую социальную жизнь на болѣе высокой ступени производительности труда.

Автор, как нам кажется, совершает нѣкоторую методологическую ошибку, сопоставляя опыт, продланный Россіей и Италией, с государственным социализмом и, с другой стороны, опыт с кооперативными трестами, продланный в Англии и Бельгии.

Не слѣдует упускать из виду, что опыт государственного социализма продлан в Россіи, так сказать, не в чистом видѣ, в него вошли искажающими обстоятельствами, во-первых, коммунистической эксперимент, во-вторых, хозяйственная и культурная отсталость страны. Опыт же корпоративной кооперации был продлан пока в очень скромных размѣрах и в странах такой высокой культуры и хозяйственной зрѣлости, как Бельгия и Англия. Эти два опыта были продланы в совершенно различной культурной и хозяйственной средѣ и для их сопоставленія надо устранить цѣлый ряд привходящих обстоятельств. Несомнѣнно, что тот же опыт государственного социализма, продланный в Англии, дал бы иные и болѣе удовлетворительные результаты, чѣм в Россіи.

За всѣм тѣм, однако, соображенія, выдвинутыя проф. Лаверн об опасностях государственного социализма по отношенію общей производительности труда и свободѣ человѣческой личности остаются в силѣ и их нельзя считать разрѣшенными. Новый цѣнный труд проф. Лаверн, счастливо сочетающей популярность с научностью, заслуживает полного вниманія.

П. Берлин

Marquess of Londonderry. «Ourselves and Germany». London. Robert Hale.

Германофильская кампанія лорда Лондондерри вызывала и вызывает столько толков и разговоров, что его книга на тему об англо - германских отношеніях пріобрѣтает немалый политическій интерес. Цѣль книги, как объясняет автор, сводится к тому, чтобы объяснить подлинные мотивы, побуждающіе его бороться за англо - германское сближеніе. Вопреки слухам, он вовсе не является сторонником націонал - социалистическаго режима. Но интересы общеевропейскаго мира, как и соображенія національной безопасности Англии требуют сближенія между Лондоном и Берлином. Такое сближеніе он считает не только необходимым, но и возможным. Он придерживается той точки зрѣнія, что опасная эволюція, происшедшая в Германіи, является результатом

несправедливаго версальскаго договора; что отвѣтственность за гигантскія вооруженія рейха опять таки падает отчасти на западныя державы, которыя, по политической близорукости, уклонились от переговоров с Гитлером, когда он в 1934 и 1935 г. г., предлагал соглашеніе об ограниченіи вооруженій; что и сейчас еще не поздно сдѣлать попытку договориться с Германіей, которой надлежит сдѣлать «разумныя» уступки; что уклоненіе от переговоров может привести к окончательной побѣдѣ антибританскаго курса в германской политикѣ. Лондондерри полагает, что Англія могла-бы установить сотрудничество с рейхом в борьбѣ с большевизмом; что слѣдовало - бы удовлетворить колоніальныя требованія нѣмцев.

Перед нами типичный представитель той рѣдѣющей части англійской общественности, которая упорно отказывается замѣчать, что политика уступок лишь усиливает агрессивность Гитлера, систематически и планомерно проводящаго в жизнь программу, начертанную в его книгѣ, которая стала библіей третьяго рейха. Занимая разные министерскіе посты, лорд Лондондерри, вѣроятно, боролся внутри кабинета за свои взгляды. В 1935 г., при очередной реорганизациі національнаго кабинета, он остался за бортом (незадолго до этого, он, в качествѣ министра авіаціи, ввел — невольно, конечно, — англійское правительство в заблужденіе насчет размѣра воздушных сил рейха: он, очевидно, слишком довѣрял своим германским друзьям). Но и не занимая никакого официальнаго поста, он энергично продолжает свою германофильскую кампанію.

Лондондерри подробно рассказывает о своих поѣздках в Германію в 1936 и 1937 г. г., и о бесѣдах, которыя имѣл с Герингом, Гитлером и другими сановниками. Собесѣдники лорда много говорили о миролюбии рейха. Геринг выражал искреннее удивленіе по поводу того, что в Лондонѣ не желают признать всю справедливость политики Германіи в Центральной Европѣ. Что сказали-бы англичане, если-бы миліоны людей их расы были оторваны от родины и находились под властью народов низшей культуры? На завтракѣ, устроенном фон Риббентропом в честь Лондондерри, присутствовал весь цвѣтъ націонал - социалистической знати. Всѣ говорили о горячем желаніи установить дружескія отношенія не только с Англіей, но и с Франціей. Риббентроп раз'яснил своему гостю, что требованіе возвращенія колоній продиктовано, главным образом, соображеніями національнаго престижа. Лондондерри пытался выяснить у своих собесѣдников, каковы требованія Германіи в Европѣ? Он подчеркивал, что невыясненность этих требованій — одно из главных затрудненій по пути к соглашенію с Англіей. Но получить отвѣт на этот вопрос ему так и не удалось. В бесѣдѣ с Гитлером он вновь поставил этот вопрос, и опять не удалось получить яснаго отвѣта. Фюрер произнес, по своему обыкновенію, длинную рѣчь о большевистской опасности. Он говорил о том, что Англіи надо выбирать между сохраненіем нѣскольких колоній, не представляющих особаго интереса для имперіи, и активной дружбой с Германіей.

Когда лорд Лондондерри пріѣхал вторично в Берлин, в сентябрѣ

прошлого года, его приняли уже с меньшим энтузиазмом. Геринг выразил, в бесѣдѣ с ним, удивленіе по поводу того, что Англія повсюду ставит палки в колеса рейху. Почему Англія, претендуя на морское владычество, не желает примириться с гегемоніей Германіи на европейском континентѣ? Почему Англія не хочет допустить соединенія с рейхом Австріи и чехословацких районов, населенных нѣмцами?

Эти заявленія Геринга нѣсколько раскрыли глаза почтеннаго лорда на «европейскую программу» Германіи, и он не удивляется, что переговоры лорда Галифакса с Гитлером привели не к установленію базы возможнаго соглашенія, а, наоборот, — к уточненію взаимных разногласій. Слѣдует только удивляться тому, что послѣ своих поѣздок в Берлин, Лондондерри еще сохранил иллюзіи насчет возможности договориться с Германіей путем «разумных» уступок.

М. Бенедиктов

B. Drabovitch. *Intellectuels Français et le Bolchévisme. — La Ligue des Droits de l'Homme. Le néo-Marxisme universitaire. Quelques grands intellectuels: André Gide, Romain Rolland et certains autres, 1938, Paris.*

В предисловіи автор указывает на свое право, как русскаго интеллигента, обратиться с словом горькаго укора и критики к французским *intellectuels*, с которыми шел об руку вплоть до побѣды большевизма в СССР. С этого момента извѣстная часть французской интеллигенціи — и не одних только «снобов» — стала дѣлать из посылок, которыя казались общими, явно пристрастные выводы в пользу признанія «русскаго эксперимента». Это расхожденіе заставляет г. Драбовича, прежде всего, подвести итог активу и пассиву в психикѣ интеллигента вообще: в себѣ, как и в других, он готов признать не только положительныя, но и отрицательныя стороны этого типа. В своих прежних друзьях он, к огорченію, усматривает преобладаніе послѣдних, притом такое, что, независимо от увлеченій идейнаго характера, ему приходится усомниться в их добросовѣстности и искренности. Партийный интерес берет верх; сужденіе перестает быть свободным.

В этом духѣ ведется в книгѣ очень острая полемика с снисходительным игнорированіем французскими интеллигентами отрицательных сторон «русскаго опыта». Как извѣстно, эта черта недавно повела к расколу среди членов Лиги Прав Человѣка. Г. Драбович собирает матеріал для настоящаго обвинительнаго акта против усвоенной этим учрежденіем в данном вопросѣ линіи. Ромэн Роллан был сперва убѣжденным, а потом добровольно ослѣпленным защитником всего, что происходит в Россіи. Уже написав главу о его заблужденіях, автор спросил его, остается-ли он вѣрен своим утвержденіям, и получил отвѣтъ, что знаменитый романист «не перемѣнил своих взглядов». Иное положеніе Жида, у котораго послѣ послѣдней поѣздки в Россію открылись глаза на отрицательныя явленія в СССР.

Страстный тон автора объясняется его собственной близостью к

предмету спора. Читатель может не раздѣлять этого настроенія; но он должен быть благодарен автору за тщательный подбор матеріала, частью уже полузабытаго и в книжкѣ воспроизведеннаго со всей свѣжестью сегодняшняго полемическаго задора. Хотѣлось бы признать, что эта полемика — дѣло вчерашняго дня. Но, увы, полной увѣренности в этом, особенно послѣ прочтенія книги Дравовича, быть не может. В этом — оправданіе появленія книги.

П. М.

Десять лѣтъ жизни РООВА. 1926 — 1936.

Только на американской почвѣ могла появиться эта книга, и уже одним этим она заслуживает вниманія читателя. Раскроем, прежде всего, загадочныя пять букв сокращеннаго названія РООВА. Оно означает: Русское Об'единенное Общество Взаимопомощи в Америкѣ. Цѣль общества — «об'единять русских и всѣх лиц славянскаго происхожденія в одну братскую семью, содѣйствовать развитію добрых общественных чувств, взаимопониманія и уваженія друг к другу и насаждать и поддерживать в русской колоніи культурные центры». Итог его работы к первому десятилѣтнему юбилею: «Общество сумѣло собрать четверть милліона капитала на удовлетвореніе матеріальных нужд на случай болѣзни, старости и смерти, — стать культурно - просвѣтительным центром всей русской колоніи, приобрести цѣнное недвижимое имущество — Общественную Ферму — и там создать Русскій Уголок, напоминающій незабытый «Старый Край» по своей культурѣ, традиціям и языку наших отцов и матерей».

Но этим еще не все сказано. Главный моральный смысл учрежденія заключается в словѣ «Об'единенный». Из историческаго очерка десятилѣтней дѣятельности, написаннаго г. Комяковым, мы узнаем, как произошло это об'единеніе. Ему предшествовало образованіе пяти обществ взаимопомощи в Нью - Йоркѣ, Филадельфіи и Питтсбургѣ, представлявших в общем до 3.000 платных членов и пославших 64 делегата на «Обще-колоніальный с'ѣзд» 1926 г. в Филадельфіи, гдѣ рѣшено было об'единиться. Об'единеніе должно было быть безпартийным; но в составѣ собравшихся было нѣсколько коммунистов и «прогрессистов», которые хотѣли внести политическія требованія. Имѣя уже опыт «дезорганизаторскаго» вліянія политических настроеній русской революціи, под воздѣйствіем которых колонія «бурлила», и эфемерныя организациі «росли, как грибы», и так же скоро исчезали, устроители, вмѣстѣ с «прогрессистами», собрались ночью — и принесли утром на общее собраніе с'ѣзда готовый устав будущаго общества. Борьба с коммунистическим теченіем продолжалась и послѣ с'ѣзда и была преодолѣна; «об'единенное» общество пошло избранным им с самаго начала путем нормальной дѣятельности. Десятый делегатскій с'ѣзд об'единенной организациі, собравшейся в сентябрѣ 1936 г., представлен в книгѣ наглядно — фотографіей участников, число которых трудно сосчитать: так они многочисленны.

Дѣятельностью объединенных учреждений РООВА дѣло, однако, не органичивается. Юбилейное изданіе печатает отчеты о дѣятельности многочисленных своих отдѣлов в Соед. Штатах, обильно иллюстрируя их фотографіями членов и созданных ими мѣстных учреждений. Редакція «глубоко сожалѣет», что 23 отдѣла не прислали отчетов; но общее число отдѣлов опредѣляется самой высокой из напечатанных цифр: «двѣстичетырнадцатый отдѣл» был принят 1 января 1936 года. Многие из отдѣлов имѣют свою собственную исторію — иногда двадцатилѣтнюю или тридцатилѣтнюю. Объединеніе всей русской эмиграціи в Соед. Штатах, конечно, далеко еще не достигнуто, и планам дальнѣйшаго объединительнаго движенія посвящено в книгѣ нѣсколько интересных статей. Во всяком случаѣ, и то, что уже достигнуто, представляет внушительный рекорд, о котором невозможно было бы и думать в условіях жизни русской эмиграціи на старом континентѣ. Прибавим, что ряд статей в концѣ юбилейнаго сборника содержит цѣнные указанія о жизни русских в Америкѣ и, вмѣстѣ со страхом денационализациі молодого поколѣнія, рисует энергическія усилія объединившихся организацій для сохраненія в своей средѣ русской культурной традиціи. Нельзя не привѣтствовать этих усилій; нельзя не отдать полной справедливости и признанія многому тому, что уже достигнуто на этом пути.

П. М.

СПИСОК КНИГ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ДЛЯ ОТЗЫВА:

- Антонина Горская. — Раздумья. Стихи. — Париж, 1938.
- Борис Новосадов. — По слѣдам бездомных. Аонид. — Tallin, 1938.
- Митрополит Елевферій. — Соборность Церкви. — Божіе и Кесарево. — Париж, 1938.
- Игорь Волков. — Чаша ярости. — Париж.
- Эмилія Чегрищева. Строфы. — Изд. «Свящ. Лира», Варшава, 1938.
- «Соціалистическій Вѣстник». — № 11, 38 г. — Париж.
- Десять лѣтъ жизни Роова. 1926 - 1936. Нью - Йорк 1937.
- Д. Мережковскій. Франциск Ассизскій. Изд. «Петрополис».
- Рогая Левицкій. — Стихи. Париж.
- w. Drabovitch. — Les Intellectuels Français et le Bolchévisme. Edit.: « Les Libertés Français », Paris 1938. p. 220.

Непринятія рукописи Редакція не возвращает.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"РУССКІЯ ЗАПИСКИ"

ВЫШЛА В СВѢТ НОВАЯ КНИГА:

ФРАНСУА МОРИАК

ВОЛЧИЦА

(Genitrix)

Перевод Г. Н. КУЗНЕЦОВОЙ,
с предисловіем ИВ. А. БУНИНА

Цѣна: во Франціи 15 фр.

за-границей 70 цент.

В скором времени выйдут в свѣт:

М. А. АЛДАНОВ Бельведерскій торс
В. В. СИРИН Соглядатай

Готовятся к печати:

М. А. АЛДАНОВ Начало конца
М. А. АЛДАНОВ Давнее
Б. К. ЗАЙЦЕВ Москва
Н. А. ТЭФФИ Зигзаг

Склад изданій:

«ANNALES RUSSES»

51, rue de Turbigo, PARIS (3e).

„РУССКІЯ ЗАПИСКИ“

ежемѣсячный журнал

Адрес Редакціи и Конторы:

«ANNALES RUSSES», 51, rue de Turbigo, Paris (3). France.

Tél.: Archives 43-98. — Ch. Post. 2221.68 Paris.

Подписка на журнал принимается в почтовых отдѣленіях, в конторѣ журнала, в большинствѣ отдѣленій газеты «Послѣднія Новости» во Франціи и за границей и в русских книжных магазинах всѣх стран.

Подписная цѣна:

	во Франціи	В странах с пониж. почт. тарифом *).	В странах с полным почт. тарифом
На 3 мѣсяца	35 фр.	амер. \$ 1.50	амер. \$ 1.80
На 6 мѣсяцев	65 фр.	амер. \$ 2.75	амер. \$ 3,25
На 12 мѣсяцев	125 фр.	амер. \$ 5.00	амер. \$ 6.00

*) Страны с понижен. почт. тар.: Австрія, Аргентина, Бельгія, Бразилія, Болгарія, Венгрія, Германія, Голландія, Греція, Египет, Испанія, Канада, Конго (бельг.), Куба, Латвія, Литва, Мексика, Парагвай, Персія, Португалія и ея колоніи, Румынія, Турція, Урагвай, Финляндія, Чехословакія, Чили, Швейцарія, Югославія и Эстонія.

Всего дешевле и удобнѣе подписываться на «Русскія Записки» в почтовых отдѣленіях. Нижеслѣдующія страны принимают абонемента на «Русскія Записки» в своих почтовых отдѣленіях: Австрія, Бельгія, Венгрія, Германія, Данія, Данциг, Италія и ея колоніи, Латвія, Литва, Люксембург, Нидерланды, Норвегія, Португалія и ея колоніи, Финляндія, Франція и Марокко, Румынія, Чехословакія, Швеція, Швейцарія, Эстонія.

Заграничные подписчики, подписываясь в вышеуказанных странах, у себя на почтѣ, платят по курсу дня ту же (болѣе низкую) цѣну, которая установлена для подписчиков, проживающих во Франціи.

Продажа отдѣльных номеров производится в конторѣ журнала и в русских книжных магазинах по цѣнѣ:

во Франціи	18 фр.
в странах с понижен. почт. тарифом	ам. \$ 0.70
в странах с полным почт. тарифом	ам. \$ 0.80

Подписчикам «Послѣдних Новостей», при обращеніи непосредственно в редакцію, журнал предоставляется по льготной цѣнѣ:

Во Франціи	12 фр.	за номер
В страны с понижен. почт. тарифом	ам. \$ 0.50	» »
В страны с полным почт. тарифом	ам. \$ 0.60	» »

Заказы, деньги и корреспонденцію просят направлять по адресу:

«ANNALES RUSSES», 51, rue de Turbigo, Paris (3). France.

Там же прием объявленій.

Адрес Редакции и Конторы:
« ANNALES RUSSES », 51, rue de Turbigo, PARIS (3^e).